

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 1 (154)
Январь 2018 года

В номере:

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- 4 Федеральный закон от 29.12.2017 N 445-ФЗ
О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
в целях совершенствования мер противодействия терроризму
- 5 Федеральный закон от 29.12.2017 N 456-ФЗ
О внесении изменения в статью 27.5 Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях
- 5 Федеральный закон от 29.12.2017 N 467-ФЗ
О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений
в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
в связи с расширением применения института присяжных заседателей»
- 6 Федеральный закон от 31.12.2017 N 494-ФЗ
О внесении изменения в статью 228.1 Уголовного кодекса
Российской Федерации
- 7 Федеральный закон от 31.12.2017 N 499-ФЗ
О внесении изменения в статью 18.9 Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях

- 7 Федеральный закон от 31.12.2017 N 501-ФЗ
О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса
Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации
- 8 Федеральный закон от 31.12.2017 N 502-ФЗ
О внесении изменений в статью 360 Трудового кодекса Российской Федерации

СУДЕБНАЯ И АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

- 9 Постановление Конституционного суда РФ от 11 января 2018 г. N 1-П
По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1
части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной
ответственностью «Синклит»
- 14 Постановление Конституционного суда РФ от 12 января 2018 г. N 2-П
По делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82
Федерального закона «О службе в органах внутренних дел
Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные
акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.В. Кургаевой
- 22 Постановление Конституционного суда РФ от 22 января 2018 г. N 4-П
По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57
Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан
А.А. Шакировой, М.М. Шакирова и А.М. Шакировой
- 27 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 декабря 2017 г. N 56
О применении судами законодательства при рассмотрении дел,
связанных со взысканием алиментов
- 37 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 декабря 2017 г. N 57
О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего
использование документов в электронном виде в деятельности судов
общей юрисдикции и Арбитражных судов
- 44 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 декабря 2017 г. N 58
О применении судами законодательства об обязательном страховании
гражданской ответственности владельцев транспортных средств

60 Обзор судебной практики Верховного суда
Российской Федерации N 5 (2017)
(утв. Президиумом ВС РФ 27.12.2017 г.)

135 Обзор по отдельным вопросам судебной практики,
связанным с добровольным страхованием имущества граждан
(утв. Президиумом ВС РФ 27.12.2017 г.)

153 Апелляционное определение Новосибирского областного суда
от 7 ноября 2017 г. по делу N 33-10828/2017

Над выпуском работали:

Президент Адвокатской палаты Красноярского края **И.И. Кривоколеско**

Секретарь Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Красноярского края **И.А. Оберман**

Подготовлено с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Адрес редакции: 660135, г. Красноярск, ул. Взлетная, 5г.

Тел./факс: +7 (391) 277-74-54. Тел.: +7 (391) 277-74-52

E-mail: advokat_palata@mail.ru

Вербовщики потенциальных террористов будут наказываться вплоть до пожизненного лишения свободы.

29 декабря 2017 года

N 445-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЦЕЛЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ**Принят
Государственной Думой
14 декабря 2017 годаОдобен
Советом Федерации
26 декабря 2017 года**Статья 1**

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 25, ст. 2954; 2002, № 30, ст. 3020; 2003, N 50, ст. 4848; 2006, N 31, ст. 3452; 2009, N 52, ст. 6453; 2010, N 31, ст. 4166; N 50, ст. 6610; 2011, N 50, ст. 7362; 2014, N 19, ст. 2335; 2016, N 28, ст. 4559) следующие изменения:

1) в статье 205.1:

а) часть первую изложить в следующей редакции:

«1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205.2, частями первой и второй статьи 206, статьей 208, частями первой - третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.»;

б) дополнить частью первой.1 следующего содержания:

«1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма -

наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без такового или пожизненным лишением свободы.»;

в) часть вторую изложить в следующей редакции:

«2. Деяния, предусмотренные частями первой или второй.1 настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, -

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо без такового или пожизненным лишением свободы.»;

2) в статье 205.2:

а) наименование изложить в следующей редакции:

«Статья 205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»;

б) абзац первый части первой изложить в следующей редакции:

«1. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма -»;

в) примечания дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:

«1.1. В настоящей статье под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.»;

3) часть вторую статьи 361 изложить в следующей редакции:

«2. Финансирование деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных деяний -

наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без такового или пожизненным лишением свободы.».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИНМосква, Кремль
29 декабря 2017 года
N 445-ФЗ

Порядок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, приведен в соответствие с Конституцией РФ.

29 декабря 2017 года

N 456-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
В СТАТЬЮ 27.5 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Принят
Государственной Думой
20 декабря 2017 года

Одобен
Советом Федерации
26 декабря 2017 года

Внести в часть 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; 2017, N 17, ст. 2460) изменение, изложив ее в следующей редакции:

«4. Срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления в соответствии со статьей 27.2 настоящего Кодекса. Срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления. При этом общий срок времени вытрезвления лица, находящегося в состоянии опьянения, с момента его доставления в соответствии со статьей 27.2 настоящего Кодекса и административного задержания такого лица на основании части 2 или 3 настоящей статьи не может превышать 48 часов.»

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
29 декабря 2017 года
N 456-ФЗ

Реализовано право женщин на рассмотрение их уголовных дел судом субъекта РФ с участием присяжных заседателей.

Федеральным законом учтены Постановления Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 N 6-П, от 16.03.2017 N 7-П, от 11.05.2017 N 13-П и от 06.06.2017 N 15-П.

29 декабря 2017 года

N 467-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬИ 30 И 31 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТАТЬЮ 1
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С РАСШИРЕНИЕМ
ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ
ЗАСЕДАТЕЛЕЙ»**

Принят
Государственной Думой
21 декабря 2017 года

Одобен
Советом Федерации
26 декабря 2017 года

Статья 1

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 22, ст. 2027; 2003, N 27, ст. 2706; N 50, ст. 4847; 2005, N 23, ст. 2200; 2009, N 1, ст. 29; N 52, ст. 6422; 2010, N 19, ст. 2284; N 30, ст. 3986; N 31, ст. 4164; 2011, N 1, ст. 45; N 15, ст. 2039; N 25, ст. 3533; N 45, ст. 6322, 6334; N 48, ст. 6730; N 50, ст. 7362; 2012, N 10, ст. 1162, 1166; N 24, ст. 3071; N 31, ст. 4330; 2013, N 26, ст. 3207; N 27, ст. 3478; N 30, ст. 4031, 4050, 4078; N 44, ст. 5641; N 51, ст. 6685; N 52, ст. 6997; 2014, N 6, ст. 556; N 11, ст. 1094; N 19, ст. 2335; N 26, ст. 3385; N 30, ст. 4278; 2015, N 1, ст. 81, 83; N 6, ст. 885; N 10, ст. 1417; N 29, ст. 4354, 4391; 2016, N 26, ст. 3859; N 27, ст. 4257; N 28, ст. 4559; 2017, N 24, ст. 3484; N 31, ст. 4752, 4799) следующие изменения:

1) часть вторую статьи 30 дополнить пунктом 2.1 следующего содержания:

«2.1) судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей - по ходатайству обвиняемого уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 105 частью второй, 228.1 частью пятой, 229.1 частью четвертой, 277, 295, 317 и 357 Уголовного кодекса Российской Федерации, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с положениями части четвертой статьи 66 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 105 частью первой и 111 частью четвертой Уголовного кодекса Российской Федерации, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет;»;

2) пункт 1 части третьей статьи 31 изложить в следующей редакции:

«1) уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 105 частью второй, 131 частью пятой, 132 частью пятой, 134 частью шестой, 228.1 частью пятой, 229.1 частью четвертой, 277, 281 частью третьей, 295, 317, 357 Уголовного кодекса Российской Федерации, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, и уголовных дел, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с положениями части четвертой статьи 62, части четвертой статьи 66 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 126 частью третьей, 209, 210 частью четвертой, 211 частями первой - третьей, 212 частью первой, 227, 275, 276, 278, 279, 281 частями первой и второй, 353 - 356, 358, 359 частями первой и второй, 360 Уголовного кодекса Российской Федерации;».

Статья 2

Подпункт «б» пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 23 июня 2016 года N 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, N 26, ст. 3859) исключить.

Статья 3

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования, за исключением статьи 1 настоящего Федерального закона.

2. Статья 1 настоящего Федерального закона вступает в силу с 1 июня 2018 года.

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
29 декабря 2017 года
N 467-ФЗ

Установлена повышенная уголовная ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный на территории воинской части.

31 декабря 2017 года

N 494-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ В СТАТЬЮ 228.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принят
Государственной Думой
21 декабря 2017 года

Одобен
Советом Федерации
26 декабря 2017 года

Внести в пункт «а» части второй статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 25, ст. 2954; 2003, N 50, ст. 4848; 2009, N 31, ст. 3921; N 52, ст. 6453; 2010, N 21, ст. 2525; 2012, N 10, ст. 1166; 2013, N 27, ст. 3477) изменение, дополнив его после слова «метрополитена,» словами «на территории воинской части,».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
31 декабря 2017 года
N 494-ФЗ

Ужесточена ответственность за оказание содействия незаконно находящимся на территории РФ иностранным гражданам и лицам без гражданства.

31 декабря 2017 года

N 499-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
В СТАТЬЮ 18.9 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Принят
Государственной Думой
22 декабря 2017 года

Одобен
Советом Федерации
26 декабря 2017 года

Внести в абзац второй части 3 статьи 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; 2004, N 44, ст. 4266; 2005, N 1, ст. 13; 2006, N 45, ст. 4641; 2007, N 26, ст. 3089; 2012, N 53, ст. 7640; 2013, N 51, ст. 6696) изменение, изложив его в следующей редакции:

«влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от четырехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.»

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
31 декабря 2017 года
N 499-ФЗ

Ужесточена уголовная ответственность за «телефонный терроризм».

31 декабря 2017 года

N 501-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬИ 205 И 207 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТАТЬЮ 151
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
20 декабря 2017 года

Одобен
Советом Федерации
26 декабря 2017 года

Статья 1

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 25, ст. 2954; 1999, N 7, ст. 873; 2003, N 50, ст. 4848; 2004, N 30, ст. 3092; 2006, N 31, ст. 3452; 2009, N 1, ст. 29; N 52, ст. 6453; 2010, N 19, ст. 2289; N 50, ст. 6610; 2011, N 50, ст. 7362; 2014, N 19, ст. 2303, 2335; 2016, N 28, ст. 4559) следующие изменения:

1) в абзаце первом части первой статьи 205 слова «в тех же целях» заменить словами «в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями»;

2) статью 207 изложить в следующей редакции:
«Статья 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма

1. Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений, -

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок от двух до трех лет.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба, -

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

3. Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо лишением свободы на срок от шести до восьми лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, -

наказываются штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет либо лишением свободы на срок от восьми до десяти лет.

Примечания. 1. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

2. Под объектами социальной инфраструктуры в настоящей статье понимаются организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, предприятия и организации, связанные с отдыхом и досугом, сферы услуг, пассажирского транспорта, спортивно-оздоровительные учреждения, система учреждений, оказывающих услуги правового и финансово-кредитного характера, а также иные объекты социальной инфраструктуры.».

Статья 2

Внести в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 22, ст. 2027; N 30, ст. 3020, 3029; N 44, ст. 4298; 2003, N 27, ст. 2700, 2706; N 50, ст. 4847; 2004, N 27, ст. 2711; 2005, N 1, ст. 13; 2006, N 28, ст. 2975, 2976; N 31, ст. 3452; 2007, N 1, ст. 46; N 24, ст. 2830, 2833; N 49, ст. 6033; N 50, ст. 6248; 2009, N 11, ст. 1267; N 44, ст. 5170; 2010, N 1, ст. 4; N 15, ст. 1756; N 21, ст. 2525; N 27, ст. 3431; N 31, ст. 4164, 4193; N 49, ст. 6412; 2011, N 1, ст. 16; N 23, ст. 3259; N 30, ст. 4598, 4605; N 45, ст. 6334; N 50, ст. 7361, 7362; 2012, N 10, ст. 1162, 1166; N 30, ст. 4172; N 31, ст. 4330, 4331; N 47, ст. 6401; N 49, ст. 6752; N 53, ст. 7637; 2013, N 26, ст. 3207; N 27, ст. 3442, 3478; N 30, ст. 4078; N 44, ст. 5641; N 51, ст. 6685; N 52, ст. 6945; 2014, N 19, ст. 2303, 2310, 2333; N 23, ст. 2927; N 26, ст. 3385; N 30, ст. 4219, 4259, 4278; N 48, ст. 6651; 2015, N 1, ст. 83, 85; N 6, ст. 885; N 21, ст. 2981; N 29, ст. 4391; 2016, N 1, ст. 61; N 14, ст. 1908; N 18, ст. 2515; N 26, ст. 3868; N 27, ст. 4256, 4257, 4258, 4262; N 28, ст. 4559; N 48, ст. 6732; N 52, ст. 7485; 2017, N 15, ст. 2135; N 24, ст. 3489; N 31, ст. 4743, 4752, 4799) следующие изменения:

1) в пункте 3 части второй слова «207 частью второй» заменить словами «207 частями второй, третьей и четвертой»;

2) в части пятой слова «207 частью второй» заменить словами «207 частями третьей и четвертой».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
31 декабря 2017 года
N 501-ФЗ

Нарушение порядка оформления трудовых отношений между работником и работодателем будет являться основанием для проведения в отношении работодателя внеплановой проверки.

31 декабря 2017 года

N 502-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СТАТЬЮ 360 ТРУДОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принят
Государственной Думой
15 декабря 2017 года

Одобен
Советом Федерации
26 декабря 2017 года

Внести в статью 360 Трудового кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 3; 2003, N 27, ст. 2700; 2006, N 27, ст. 2878; 2011, N 30, ст. 4590; 2013, N 52, ст. 6986; 2016, N 27, ст. 4205) следующие изменения:

1) часть седьмую:

а) дополнить новым абзацем пятым следующего содержания:

«обращений и заявлений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, профессиональных союзов, из средств массовой информации о фактах уклонения от оформления трудового договора, ненадлежащего оформления трудового договора или заключения гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем;»;

б) абзацы пятый - седьмой считать соответственно абзацами шестым - восьмым;

2) в части восьмой слова «основанию, указанному в абзаце четвертом части седьмой настоящей статьи» заменить словами «основанию, указанному в абзаце четвертом или пятом части седьмой настоящей статьи»;

3) в части девятой слова «четвертом или пятом» заменить словами «четвертом, пятом или шестом».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
31 декабря 2017 года
N 502-ФЗ

Постановление Конституционного суда РФ от 11 января 2018 г. N 1-П

Изъятие и удержание в режиме хранения в качестве вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг, должно быть обоснованным и необходимым.

 КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
 от 11 января 2018 г. N 1-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 81.1 И ПУНКТА 3.1 ЧАСТИ
 ВТОРОЙ СТАТЬИ 82 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ
 С ЖАЛОБОЙ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ
 ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «СИНКЛИТ»**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ООО «Синклит». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии с частью первой статьи 81.1 «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики» УПК Российской Федерации предметы и документы, указанные в части первой статьи 81 данного Кодекса, включая электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями пятой - седьмой статьи 159, статьями 159.1 - 159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171 - 174.1, 176 - 178, 180 - 183, 185 - 185.4 и 190 - 199.4 УК Российской Федерации, признаются

вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится постановление. Согласно пункту 3.1 части второй статьи 82 «Хранение вещественных доказательств» УПК Российской Федерации вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий, подлежат аресту в порядке, установленном статьей 115 данного Кодекса.

Конституционность приведенных законоположений оспаривает ООО «Синклит», директор которого обратился в суд в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации с жалобой на действия следственного органа Управления МВД России по Белгородской области, связанные с изъятием и удержанием принадлежащей на праве собственности этому обществу линии по производству и упаковке сигарет, а также с воспрепятствованием в пользовании ею. В обоснование жалобы помимо прочего было указано, что данное имущество не могло быть изъято следователем самостоятельно, вне судебной процедуры наложения на него ареста. Постановлением судьи Свердловского районного суда города Белгорода от 13 марта 2017 года в удовлетворении жалобы отказано, с чем согласился Белгородский областной суд, оставивший постановлением от 17 апреля 2017 года решение суда первой инстанции без изменения, а поданную ООО «Синклит» апелляционную жалобу - без удовлетворения.

Из названных судебных решений следует, что 1 февраля 2017 года в ходе осмотра места происшествия было обнаружено и изъято указанное производственное оборудование. Постановлением следователя оно признано вещественным доказательством по уголовному делу, возбужденному по факту незаконного изготовления неустановленными лицами в поселке Красный Остров Чернянского района Белгородской области немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке, в крупном размере (преступление, предусмотренное пунктом «а» части шестой статьи 171.1 УК Российской Федерации); местом хранения изъятого оборудования определен специализированный склад, расположенный в ином населенном пункте.

ООО «Синклит» просит признать оспариваемые законоположения не соответствующими статьям 8, 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34, 35 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не предполагают наложение на определенный срок ареста на имущество, признанное вещественным доказательством в качестве орудия преступления по уголовному делу в сфере экономической деятельности. По мнению заявителя, тем самым допускается чрезмерное усмотрение уполномоченных органов при изъятии ими вещественных доказательств по уголовным делам, притом что отсутствует эффективный судебный контроль за таким изъятием, призванный обеспечить права собственников изымаемого имущества.

Принимая во внимание требования статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», положения части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации яв-

ляются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании уполномоченным лицом органа предварительного расследования в рамках досудебного производства по уголовному делу о преступлении в сфере экономической деятельности решается вопрос об изъятии, приобщении в качестве вещественных доказательств к материалам этого уголовного дела и хранении предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих лицу, не являющемуся в этом уголовном деле подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России гарантируется свобода экономической деятельности, признаются и защищаются равным образом все формы собственности; право частной собственности, относящееся к основным правам человека, подлежит защите со стороны государства и наряду с другими правами и свободами человека и гражданина определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (статьи 2, 8, 18 и 34; статья 35, части 1 - 3; статья 46, части 1 и 2; статья 118, часть 2; статья 128, часть 3).

Как следует из статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признание права каждого физического и юридического лица на уважение и защиту принадлежащей ему собственности (и, соответственно, свободы пользования имуществом, в том числе для осуществления предпринимательской деятельности) не умаляет право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для контроля за использованием собственности согласно общим интересам. Вместе с тем вмешательство государства в отношении собственности, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность используемых средств и преследуемой цели, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению; ограничения права собственности, в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8, 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 и 35 (части 1 и 3), могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты иных конституционно значимых ценностей, включая права и законные интересы других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности, носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данного конституционного права.

Возможные ограничения права собственности в целях защиты публичных интересов могут обуславливаться, в частности, потребностями обеспечения

производства по уголовному делу, для чего лица, производящие дознание и предварительное следствие, наделяются полномочиями по применению соответствующих обеспечительных мер, связанных с изъятием имущества. Вместе с тем в силу конституционных принципов верховенства права, означающего в том числе защиту от произвольных действий государственных органов и должностных лиц, а также неприкосновенности собственности и соблюдения баланса частных и публичных интересов, изъятие по уголовному делу имущества (в том числе в виде наложения на него ареста или признания его вещественным доказательством с режимом хранения, ограничивающим права владения и пользования имуществом), которое находится у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и не несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, и использование которого в совершении преступления лишь предполагается, может иметь лишь временный характер и применяться при предоставлении таким лицам процессуальных гарантий защиты прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации, международно-правовых норм и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в постановлениях от 20 мая 1997 года N 8-П, от 11 марта 1998 года N 8-П, от 16 июля 2008 года N 9-П, от 31 января 2011 года N 1-П, от 10 декабря 2014 года N 31-П и в Определении от 14 мая 2015 года N 1127-О, следует, что федеральный законодатель обязан установить, а суды - применять надлежащий правовой механизм, позволяющий эффективно защищать, в том числе в судебном порядке, интересы лиц, право собственности которых ограничивается в связи с изъятием принадлежащего им имущества в качестве вещественного доказательства по уголовным делам, тем более когда они в этих уголовных делах не являются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемых, обвиняемых.

3. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления либо сохранили на себе следы преступления или на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (часть первая статьи 81); указанные предметы и документы, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями пятой - седьмой статьи 159, статьями 159.1 - 159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171 - 174.1, 176 - 178, 180 - 183, 185 - 185.4 и 190 - 199.4 УК Российской Федерации, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уго-

ловного дела, о чем выносится постановление уполномоченным лицом органа предварительного следствия или дознания (пункт 25 статьи 5, статьи 38 - 41 и часть первая статьи 81.1).

По смыслу статей 81, 81.1 и 82 УПК Российской Федерации, изъятие предметов и документов, подлежащих признанию вещественными доказательствами, применяется в целях обеспечения процесса доказывания (включающего собирание, проверку и оценку доказательств) с учетом прав и законных интересов их собственников или владельцев. Такого рода временное изъятие и удержание имущества в режиме его хранения, представляя собой необходимую для производства по уголовному делу процессуальную меру обеспечительного характера, применяемую по решению уполномоченных лиц лишь на период производства по данному делу и не порождающую перехода права собственности на имущество, само по себе не может расцениваться как нарушение конституционных прав и свобод, в том числе как нарушение права собственности, - притом что лицам, в отношении которых применяются подобные меры, сопряженные с ограничением правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, гарантируется закрепленное статьей 46 (часть 2) Конституции Российской Федерации право обжаловать соответствующие решения и действия в судебном порядке (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 года N 5-П).

Статья 82 УПК Российской Федерации обязывает хранить вещественные доказательства при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передавать вместе с уголовным делом, за исключением случаев, ею предусмотренных; когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления в силу решения суда (часть первая). Если же признанные вещественными доказательствами предметы в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, они передаются на хранение в государственные органы, имеющие условия для их хранения и наделенные правом в соответствии с законодательством Российской Федерации на их хранение, а при отсутствии такой возможности - на основании договора юридического лицу или индивидуальному предпринимателю, имеющим эти условия и право (подпункт «а» пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации; абзац третий пункта 2 и пункт 10 Правил хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 года N 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам»). Кроме того, допускается возвращение таких вещественных доказательств их законным владельцам (отказ от изъятия у них предметов, признанных вещественными доказательствами), в частности в досудебном производстве, когда это возможно без ущерба для доказывания по

уголовному делу (подпункт «б» пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации). Во всяком случае условия хранения, учета и передачи вещественных доказательств должны исключать их подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату их индивидуальных признаков и свойств, а также обеспечивать их безопасность (пункт 1 Правил хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам).

Таким образом, в досудебном производстве уполномоченные лица органов предварительного следствия и дознания, ответственные за расследование уголовного дела, самостоятельно решают вопрос о признании тех или иных предметов вещественными доказательствами, их изъятии и удержании в режиме хранения, о способе такого хранения либо об их возвращении законному владельцу на ответственное хранение (об отказе от их изъятия) до принятия окончательного решения по уголовному делу или на иной вытекающий из закона срок. Выбор одного из указанных решений должен быть мотивированным, отражающим особенности уголовного дела, включая правовое и фактическое положение предметов, признанных вещественными доказательствами.

4. В ходе досудебного производства по уголовному делу в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства, исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104.1 УК Российской Федерации, также возможно наложение ареста на имущество. Следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия; арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (статьи 111 и 115 УПК Российской Федерации).

Согласно статье 115 УПК Российской Федерации наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение (часть вторая); арестованное имущество может быть изъято либо передано по усмотрению лица, производившего арест, на хранение собственнику или владельцу этого имущества либо иному лицу, которые должны быть предупреждены об ограничениях, которым подвергнуто арестованное имущество,

и ответственности за его сохранность, о чем делается соответствующая запись в протоколе (часть шестая).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 января 2011 года N 1-П, возможность применить наложение ареста на имущество как процессуальную меру, которая сама по себе не влечет переход права собственности на это имущество к государству или иным лицам и носит временный характер (на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу), обусловливается тем, что, по общему правилу, наличие в рамках уголовного дела обстоятельств, влекущих такой переход, может быть с достоверностью установлено только при постановлении обвинительного приговора.

Подлежат аресту в порядке, предусмотренном статьей 115 УПК Российской Федерации, вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий (пункт 3.1 части второй статьи 82 данного Кодекса). Вместе с тем наложение ареста на иное имущество, признаваемое вещественным доказательством, не признается обязательным и иницируется по усмотрению уполномоченных лиц органов предварительного следствия и дознания, имея в виду достижение целей, указанных в статьях 111 и 115 УПК Российской Федерации.

Хотя дополнительно к целям обеспечения порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора наложение ареста на имущество может при необходимости способствовать установлению наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, иных обстоятельств, имеющих значение для дела, собирания, проверки и оценки доказательств, в частности посредством изъятия вещественных доказательств и их хранения (статьи 73, 74 и 81 - 82 УПК Российской Федерации), а также может применяться для обеспечения сохранности вещественных доказательств по уголовному делу (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года N 1-П и от 21 октября 2014 года N 25-П), институты наложения ареста на имущество, с одной стороны, и, с другой стороны, изъятия и хранения вещественных доказательств имеют разное предназначение в уголовном процессе. Тем обстоятельством, что изъятие имущества в качестве вещественного доказательства и его удержание в режиме хранения при наложении на него ареста на основании судебного решения, принятого по ходатайству, возбужденному перед судом следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора, позволяют распространить на данные отношения предварительный судебный контроль за законностью и обоснованностью временного изъятия имущества как гарантию защиты прав и законных интересов его собственников или владельцев, не предопределяется использование процедуры наложения ареста на имущество во всех случаях, когда соответствующие предметы используются в качестве вещественных доказательств для раскрытия преступления и разрешения уголовного дела,

тем более при обеспечении возможности последующего судебного контроля.

Такое регулирование, различающее цели и процедуру изъятия вещественных доказательств и наложения ареста на имущество, не выходит за пределы дискреции федерального законодателя и не противоречит конституционным принципам справедливости и равенства, требованиям, при соблюдении которых возможно ограничение прав и свобод человека и гражданина (преамбула; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о», Конституции Российской Федерации). Тем не менее полномочия органов предварительного следствия и дознания в отношении изъятия и определения порядка хранения вещественных доказательств - принимая во внимание имеющиеся у них возможности, включая возможность передать вещественное доказательство на ответственное хранение его законному владельцу, - должны использоваться таким образом, чтобы не нарушался баланс конституционно значимых ценностей, в том числе с учетом предназначения этого имущества.

5. Изъятие и удержание в режиме хранения любого имущества, признанного вещественным доказательством, по существу, ограничивают права его собственника или владельца, причиняет им неудобство. Изъятие же и удержание предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, тем более на длительный срок, создают негативный эффект не для одного лишь лица либо группы лиц: они способны существенно нарушить производственные циклы, затруднить исполнение обязательств собственников или владельцев изъятого имущества перед контрагентами, повлечь прекращение самой предпринимательской деятельности, что неизбежно ведет к ухудшению положения работников субъекта такой деятельности, вплоть до их вынужденного увольнения, т.е. затрагивает весь комплекс их прав в трудовых правоотношениях, в том числе право на защиту от безработицы (статья 37, часть 3, Конституции Российской Федерации). Затруднения в предпринимательской деятельности вызывают и сокращение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, притом что налоги, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 17 декабря 1996 года N 20-П, от 23 декабря 1997 года N 21-П, от 16 июля 2004 года N 14-П и др.), материально обеспечивают осуществление публичной властью социальной, экономической, правоохранительной и иных функций.

Тем самым финансовые, материальные и прочие потери собственников или владельцев изъятого имущества и других лиц, включая публично-территориальные образования, при изъятии предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, могут значительно превышать последствия изъятия вещей той же стоимости, но иного целевого назначения. Следовательно, требуется специальный подход к разрешению в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности вопросов о при-

знании указанных предметов вещественными доказательствами, их изъятии и удержании в режиме хранения, предполагающий, что такие изъятие и удержание должны быть скорее исключением, обусловленным обстоятельствами конкретного дела и особенностями этих предметов, в том числе информации, источниками которой они служат и которая необходима для раскрытия преступления.

Это, однако, не означает, что предметы, используемые для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, не могут быть изъяты у лица, не имеющего статуса подозреваемого, обвиняемого и не несущего по закону материальную ответственность за их действия, если такое изъятие является вынужденно необходимым для расследования уголовного дела и вынесения справедливого приговора, поскольку иначе объективно невозможно обеспечить сохранность и доказательственную ценность указанных предметов, избежать уничтожения следов преступления, а равно если без такого изъятия имущество может быть использовано для продолжения преступной деятельности. Вместе с тем обязанность обосновать необходимость такого изъятия, в том числе при возникновении судебных споров по соответствующим вопросам, лежит на уполномоченных лицах органов предварительного следствия и дознания, причем одной только ссылки на то, что данный предмет обладает свойствами вещественного доказательства, недостаточно для обоснования необходимости его изъятия.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2008 года N 9-П отметил, что оценка судом законности и обоснованности изъятия у собственника или владельца того или иного имущества в связи с приобщением его к уголовному делу в качестве вещественного доказательства не может, по смыслу статей 81 и 82 УПК Российской Федерации, ограничиваться установлением формального соответствия закону полномочий применяющих данную меру должностных лиц органов предварительного расследования, - суд должен прийти к выводу, что иным способом обеспечить решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач невозможно; в таких случаях должны приниматься во внимание как тяжесть преступления, в связи с расследованием которого решается вопрос об изъятии имущества, так и особенности самого имущества, в том числе его стоимость, значимость для собственника или владельца и общества, возможные негативные последствия изъятия имущества; в зависимости от указанных обстоятельств дознаватель, следователь и затем суд, решая вопрос о признании имущества вещественным доказательством, должны определять, подлежит ли это имущество изъятию либо в соответствии с подпунктами «а», «б» пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации оно может быть сфотографировано, снято на видео- или кинолентку и возвращено собственнику или владельцу на хранение до принятия решения по уголовному делу. Такой механизм защиты прав и законных интересов заинтересованных лиц применим и к оценке правомерности изъятия предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ

и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности.

Следовательно, изъятие и удержание в режиме хранения в качестве вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (юридическим лицам, которые не контролируются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия), если для обеспечения сохранности таких вещественных доказательств не требуется их изъятие у собственников либо владельцев или допускается их незамедлительное возвращение последним на ответственное хранение после производства необходимых следственных действий, несоразмерно конституционно значимым ценностям ограничивали бы право частной собственности указанных лиц, а также их право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 19, части 1 и 2; статьи 34 и 35; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положения части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что при решении на их основании уполномоченными лицами органов предварительного следствия и дознания в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности вопроса об изъятии, приобщении к материалам уголовного дела и удержании в режиме хранения в качестве вещественных доказательств предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (юридическим лицам, которые не контролируются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия), указанные вещественные доказательства не должны изыматься у их собственников или владельцев, если обеспечение их сохранности и проведение с ними необходимых следственных действий, а равно

предотвращение их использования для совершения преступлений не требуют - с учетом их особенностей и иных обстоятельств конкретного дела - такого изъятия; после проведения с ними необходимых следственных действий, потребовавших изъятия, они незамедлительно возвращаются собственнику или владельцу на ответственное хранение.

2. Конституционно-правовой смысл положений части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении общества с ограниченной ответственностью «Синклит» на основании положений части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Нормы федерального законодательства, регламентирующие порядок увольнения сотрудника органов внутренних дел, должность которого сокращается, признаны не противоречащими Конституции РФ.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 12 января 2018 г. N 2-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ 36 И 82 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАНКИ Н.В. КУРГАЕВОЙ**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Н.В. Кургаевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика О.С. Хохряковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Заявительница по настоящему делу гражданка Н.В. Кургаева оспаривает конституционность частей 1 - 9 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующих правоотношения с сотрудником органов внутренних дел при сокращении его должности, и ряда положений статьи 82 того же Федерального закона, закрепляющей основания прекращения или расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел, а именно пункта 3 ее части 3,

предусматривающей, что контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел (за исключением случаев отказа от перевода по основаниям, предусмотренным частью 3, пунктами 1, 3 и 6 части 5, пунктом 2 части 7 и частью 9 статьи 30 данного Федерального закона), а также части 6 данной статьи, устанавливающей, по каким основаниям расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел осуществляется по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, и части 7, согласно которой расторжение контракта по основанию, предусмотренному, в частности, пунктом 11 ее части 2, т.е. в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником, осуществляется по инициативе одной из сторон контракта; при этом расторжение контракта по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя допускается только в случае невозможности перевода или отказа сотрудника органов внутренних дел от перевода на иную должность в органах внутренних дел.

1.1. Н.В. Кургаева, проходившая службу в органах внутренних дел в должности начальника отдела управления организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти Республики Башкортостан и органами местного самоуправления Главного управления МВД России по Республике Башкортостан на основании контракта, заключенного на неопределенный срок, после сокращения замещаемой ею должности была зачислена в распоряжение Главного управления МВД России по Республике Башкортостан (приказы от 30 июля 2015 года и от 31 июля 2015 года). От замещения предлагавшихся ей вакантных должностей в территориальных и структурных подразделениях Главного управления МВД России по Республике Башкортостан она отказалась, в связи с чем была уволена со службы по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (приказ от 28 января 2016 года).

Считая свое увольнение незаконным, Н.В. Кургаева обратилась в Ленинский районный суд города Уфы с иском к Главному управлению МВД России по Республике Башкортостан, требуя отмены приказов о сокращении ее должности и увольнении, восстановления на службе, выплаты денежного довольствия за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда и т.д. В обоснование своих требований истица, в частности, указывала на то, что является одинокой матерью, самостоятельно воспитывающей малолетнего ребенка - дочь 2007 года рождения, а следовательно, на нее распространяется гарантия, установленная частью четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации для одиноких матерей, воспитывающих ребенка в возрасте до 14 лет, при увольнении по инициативе работодателя; кроме того, в период нахождения в распоряжении Главного управления МВД России по Республике Башкортостан ей не были предложены нижестоящие вакантные должности в ранее возглавляемом ею отделе.

Ленинский районный суд города Уфы, согласившись с доводами истицы, пришел к выводу, что в силу части 2 статьи 3 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» к правоотношениям, связанным с увольнением со службы в органах внутренних дел одинокой матери, воспитывающей малолетнего ребенка, применяется часть четвертая статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, а потому Н.В. Кургаева не подлежит увольнению со службы в связи с сокращением замещаемой ею должности по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя. Решением от 25 июля 2016 года заявленные иски были частично удовлетворены: приказ об увольнении Н.В. Кургаевой со службы в органах внутренних дел признан незаконным и отменен, она была восстановлена на службе с зачислением в распоряжение Главного управления МВД России по Республике Башкортостан, в ее пользу взыскано денежное довольствие за время вынужденного прогула и компенсация морального вреда.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан от 2 ноября 2016 года решение Ленинского районного суда города Уфы было отменено и принято новое решение, которым в удовлетворении требований Н.В. Кургаевой было отказано. По мнению суда апелляционной инстанции, вывод суда первой инстанции не соответствует обстоятельствам дела и основан на неправильном применении правовых норм: гарантия, установленная трудовым законодательством для одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, в данном случае применяться не должна, поскольку увольнение по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», осуществляется в силу обязательного и безусловного предписания закона и не может рассматриваться как увольнение по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя; кроме того, истица имела возможность выбора основания увольнения - ей предлагалось подать рапорт об увольнении по основанию, предусмотренному пунктом 11 части 2 статьи 82 названного Федерального закона (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником), однако она от этого предложения отказалась, указав, что для увольнения по данному основанию рапорт от нее не требуется.

Определением судьи Верховного суда Республики Башкортостан от 22 февраля 2017 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 мая 2017 года в передаче кассационных жалоб Н.В. Кургаевой

вой для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано.

1.2. В соответствии со статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы заявителя и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение положениями статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» своих прав, гарантируемых статьями 7, 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 38 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, Н.В. Кургаева усматривает в том, что эти положения не относят основание увольнения сотрудника органов внутренних дел, предусмотренное пунктом 3 части 3 статьи 82 названного Федерального закона, к основаниям увольнения по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, препятствуя тем самым предоставлению сотруднику органов внутренних дел - одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, гарантии, предусмотренной частью четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, а также не обязывают руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя предлагать сотруднику, подлежащему увольнению в связи с проведением организационно-штатных мероприятий, влекущих сокращение замещаемой им должности, все имеющиеся вакантные должности, что позволяет производить увольнение из органов внутренних дел произвольно, по усмотрению соответствующего руководителя.

Между тем, как следует из представленных заявительницей судебных постановлений, пункт 2 части 1, части 2, 3 и 6 - 8 статьи 36 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» при разрешении ее дела не применялись. Что касается положений пункта 1 части 1, частей 4, 5, 9 статьи 36, частей 6 и 7 статьи 82 названного Федерального закона, то они определяют особенности прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел, должности которых сокращаются, предусматривают заблаговремен-

ное уведомление таких сотрудников о предстоящих организационно-штатных мероприятиях и возможность освобождения их от замещаемой должности в органах внутренних дел и зачисления в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, обязывают руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя предлагать увольняемому сотруднику иные должности с учетом уровня его квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности, закрепляют, что при отказе сотрудника органов внутренних дел от замещения соответствующих должностей либо при их отсутствии он подлежит увольнению по основанию, предусмотренному пунктом 11 части 2 статьи 82 данного Федерального закона (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником), а также перечисляют основания увольнения со службы в органах внутренних дел по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя. Как таковые указанные положения не содержат неопределенности применительно к обстоятельствам дела заявительницы и не могут расцениваться как нарушающие ее права и свободы, в связи с чем в этой части ее жалоба не является допустимой по смыслу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Соответственно, в силу предписаний пункта 2 статьи 43 и статьи 68 названного Федерального конституционного закона производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности частей 1 - 9 статьи 36 и частей 6 и 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подлежит прекращению, что не препятствует Конституционному Суду Российской Федерации учитывать эти положения при оценке конституционности пункта 3 части 3 его статьи 82.

Таким образом, пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой он служит основанием увольнения со службы сотрудника органов внутренних дел - одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, в случае, когда в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий и сокращения замещаемой ею должности она отказывается от перевода на иную должность в органах внутренних дел.

2. Согласно Конституции Российской Федерации труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1); граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (статья 32, часть 4).

В силу приведенных конституционных положений во взаимосвязи с конкретизирующими их положениями федерального законодательства о государственной службе в Российской Федерации служба в органах внутренних дел, заключая контракт о прохождении которой гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду и на выбор рода деятельности, является одним из видов федеральной государственной службы и представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Такая деятельность осуществляется в публичных интересах, а лица, которые проходят службу в органах внутренних дел, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается их специальный правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности), содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанности по отношению к государству.

Спецификой профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел предопределяется право федерального законодателя вводить особые правила поступления на службу в органы внутренних дел, ее прохождения и прекращения служебных отношений с учетом задач, стоящих перед органами внутренних дел, принципов их организации и функционирования, при условии обеспечения баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами и с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации принципов справедливости, равенства и соразмерности.

Правовое регулирование отношений, связанных с прохождением государственной службы, в том числе в органах внутренних дел, - исходя из публичного характера профессиональной служебной деятельности и необходимости ее непрерывного осуществления - должно быть направлено, как подчеркивается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года N 8-П, на сохранение определенной стабильности служебных отношений, которая достигается, в частности, установлением гарантий от произвольного увольнения лиц, замещающих должности государственной службы, и предполагает не только возможность увольнения государственного служащего исключительно по основаниям, предусмотренным законом, но и использование правовых механизмов увольнения в строгом соответствии с их предназначением и обстоятельствами, которые являются предпосылкой для их применения.

Осуществляя в порядке статьи 71 (пункты «Г», «М», «Т») Конституции Российской Федерации правовое регулирование отношений, связанных с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, федеральный законодатель обязан принимать во внимание и те ее положения, которые имеют общее значение и потому должны учитываться при регламентации различных видов профессиональной деятельности. Так, государственные гарантии, предоставляемые женщинам в связи с материнством

и воспитанием детей, - в силу статей 7 и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющих социальный характер российского государства и необходимость защиты семьи, материнства и детства, в том числе в трудовых и государственно-служебных отношениях, а также требований международных актов (пункт 3 статьи 27 Конвенции о правах ребенка) - имеют целью как защиту интересов ребенка, создание условий, необходимых для его полноценного развития, так и обеспечение женщинам возможности сочетать семейные обязанности с профессиональной деятельностью, достижение фактического равенства в сфере труда (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2013 года N 21-П).

3. Мероприятия по сокращению должностей государственной службы в конкретном государственном органе, осуществляемые в целях оптимизации численности и состава государственных служащих, упорядочения распределения нагрузки на них, улучшения работы данного государственного органа, в итоге должны быть направлены на совершенствование организации и прохождения государственной службы в таком государственном органе и, как следствие, - на повышение эффективности его функционирования как неотъемлемой части механизма реализации публичных функций государства.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 марта 2016 года N 8-П, проведение такого рода организационно-штатных мероприятий, являющихся основной предпосылкой прекращения служебного контракта с государственным служащим по соответствующему основанию, должно сопровождаться соблюдением установленной законом процедуры, а высвобождаемым государственным служащим должны предоставляться гарантии, обеспечивающие справедливость и обоснованность их увольнения, а также защиту от произвольного прекращения служебного контракта.

3.1. Наряду с общими гарантиями, предоставляемыми всем сотрудникам органов внутренних дел, должности которых подлежат сокращению, на проходящих государственную службу женщин, являющихся одинокими матерями, воспитывающими детей в возрасте до 14 лет, распространяются специальные меры государственной защиты, включая гарантии, направленные на предотвращение потери ими работы (увольнения с государственной службы) и утраты заработка (денежного содержания).

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15 октября 2013 года N 21-П отметил, что в системе действующего правового регулирования гарантия, связанная с запретом увольнения одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, по инициативе работодателя (представителя нанимателя) в связи с сокращением численности или штата (проведением организационно-штатных мероприятий), прямо либо косвенно распространяется на женщин, состоящих в трудовых отношениях, проходящих государственную, в том числе государственную гражданскую, службу либо являющихся муниципальными служащими. Для женщин, работающих по трудовому договору, гарантии при расторжении трудово-

го договора прямо установлены статьей 261 Трудового кодекса Российской Федерации; гарантии защиты от увольнения для беременных женщин-военнослужащих, а также женщин-военнослужащих, исполняющих материнские обязанности, непосредственно закреплены пунктом 25 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года N 1237). Что касается женщин, реализующих свое право на труд путем прохождения государственной службы иного вида, то законодательство, определяющее их правовое положение как государственных служащих, не включает специальные гарантии, связанные с материнством и воспитанием детей, - такие гарантии предоставляются им на основании отсылочных норм, предусматривающих возможность применения трудового законодательства в части, не урегулированной законодательством о конкретном виде государственной службы.

Так, воспитывающим детей в возрасте до 14 лет одиноким матерям из числа прокурорских работников гарантии защиты от увольнения предоставляются на основании пункта 3 статьи 40.1 и статьи 43 Федерального закона от 17 января 1992 года N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; Федеральным законом от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции» (часть 2 статьи 34) действие трудового законодательства распространено на сотрудников полиции в части, не урегулированной законодательством, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, и данным Федеральным законом; к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, нормы трудового законодательства применяются в случаях, не урегулированных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами, регламентирующими данные правоотношения (часть 2 статьи 3 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Положений, исключающих предоставление гарантий, которые установлены для женщин в связи с рождением и воспитанием детей на случай увольнения по инициативе работодателя (представителя нанимателя, уполномоченного руководителя), ни названные федеральные законы, ни законодательство о государственной службе в целом не содержат. Как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 22 ноября 2011 года N 25-П, это свидетельствует о том, что само по себе введение повышенной защиты для указанных категорий государственных служащих рассматривается законодателем как совместимое с особенностями прохождения государственной службы соответствующего вида, а правовая природа таких гарантий, направленных наряду с другими мерами государственной поддержки на защиту материнства и детства, предопределяет широкую сферу их применения.

Избранный федеральным законодателем подход согласуется с принципом социального государства, обязывающего публичную власть надлежащим обра-

зом осуществлять государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать гарантии социальной защиты на основе общепринятых в правовом и социальном государстве стандартов и гуманитарных ценностей и обеспечивать институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2007 года N 4-П и от 15 декабря 2011 года N 28-П). При этом наличие определенной специфики прохождения государственной службы того или иного вида, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 15 октября 2013 года N 21-П, не может приводить к различиям в правовом положении женщин, совмещающих прохождение службы с выполнением материнских обязанностей, в зависимости от вида государственной службы; соответственно, прохождение государственной службы определенного вида само по себе не может служить оправданием для отмены в отношении избравших ее женщин - одиноких матерей, воспитывающих детей, не достигших 14-летнего возраста, правовых гарантий, имеющих целью их защиту от увольнения в связи с сокращением численности или штата сотрудников соответствующего государственного органа.

3.2. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливая возможность сокращения должностей, замещаемых сотрудниками органов внутренних дел, определяет для таких случаев и особенности прохождения службы сотрудниками, должности которых подлежат сокращению.

Так, пункт 1 части 1 статьи 36 данного Федерального закона предусматривает возможность продолжения службы сотрудником органов внутренних дел, должность которого сокращается, на иной должности, предоставленной ему с учетом уровня его квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности. При этом часть 7 его статьи 82, закрепляя правило, в силу которого увольнение по некоторым предусмотренным в ее части 2 основаниям, в том числе в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником (пункт 11), осуществляется по инициативе одной из сторон контракта, содержит и специальную гарантию, направленную на обеспечение сотруднику органов внутренних дел возможности продолжить службу: расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя по данному основанию допускается только в случае невозможности перевода или отказа сотрудника органов внутренних дел от перевода на иную должность в органах внутренних дел. Тем самым, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 9 марта 2017 года N 357-О, в системе действующего правового регулирования обеспечивается возможность - при наличии

соответствующих вакантных должностей - продолжения сотрудником органов внутренних дел, должность которого подлежит сокращению, службы на равноценной или нижестоящей должности, избранной с учетом его квалификации, образования и стажа (опыта) работы по специальности.

Кроме того, в ходе проведения организационно-штатных мероприятий может быть решен вопрос о переводе сотрудника, должность которого подлежит сокращению, и на вышестоящую должность. В таком случае, как это вытекает из взаимосвязанных положений части 3 статьи 30, подпункта «а» пункта 3 части 4 статьи 33 и части 6 статьи 36 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по предложению уполномоченного руководителя проводится внеочередная аттестация сотрудника органов внутренних дел.

Что касается расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел в связи с сокращением замещаемой им должности по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, то оно возможно только в двух случаях, один из которых - невозможность перевода на иную должность в органах внутренних дел, которая, по буквальному смыслу части 7 статьи 82 названного Федерального закона, обусловливается отсутствием вакантных должностей, соответствующих уровню квалификации, образования сотрудника и стажу службы в органах внутренних дел (выслуге лет) либо стажу (опыту) работы по специальности. Намерение федерального законодателя придать данной норме именно такой смысл подтверждается содержащимся в ней указанием на второй случай расторжения контракта по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя - отказ сотрудника органов внутренних дел от перевода на иную должность в органах внутренних дел. Таким образом, само по себе сокращение замещаемой сотрудником должности не влечет его безусловного увольнения, - оно выступает лишь предпосылкой расторжения служебного контракта.

То обстоятельство, что закон прямо не обязывает руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя предлагать сотруднику, чья должность подлежит сокращению, все без исключения вакантные должности, которые он с учетом уровня квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности может замещать, не означает, что при решении данного вопроса указанные должностные лица обладают неограниченной свободой усмотрения, могут действовать произвольно, выбирая вакантные должности, которые они считают возможным предложить сотруднику. В противном случае нарушался бы баланс публичных и частных интересов, а задача обеспечения эффективного функционирования органов внутренних дел, в том числе на основе максимально полного использования знаний и опыта сотрудников

путем перевода их на иные должности, не была бы решена в полной мере.

Как следует из правовой позиции, изложенной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 1 марта 2017 года N 3-П, при наличии вакантных должностей в органах внутренних дел сотруднику, признанному ограниченно годным к службе или годным к службе с незначительными ограничениями, соответствующие должности (с учетом квалификационных требований по каждой из них) должны быть предложены; могут не предлагаться те вакантные должности, для замещения которых сотрудник не обладает необходимыми профессиональными качествами, либо имеются иные объективные обстоятельства, препятствующие его переводу на такие должности.

Приведенная правовая позиция в полной мере применима и к случаям сокращения должностей в органах внутренних дел, поскольку и в таких случаях сотрудник увольняется по основанию, не связанному с его виновным поведением: как прямо следует из части 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ему должна быть предоставлена возможность перевода на другую должность. При этом предполагается, что сотрудник органов внутренних дел также ответственно подходит к принятию решения о согласии на перевод либо об отказе от перевода на предложенные ему вакантные должности, действует добросовестно, руководствуется намерением продолжить службу в органах внутренних дел, стремлением реализовать свои профессиональные навыки.

4. В случае сокращения должности в органах внутренних дел замещающий ее сотрудник, который отказался от предложенной вакантной равноценной или нижестоящей должности, увольняется, как предписывает часть 4 статьи 36 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по основанию, указанному в пункте 11 части 2 его статьи 82, - в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником. Это означает, что и расторжение контракта с сотрудником - независимо от того, отсутствуют в органах внутренних дел вакантные должности либо он отказался от замещения предложенных вакантных должностей, - осуществляется по тому же основанию, связанному с проведением организационно-штатных мероприятий.

В то же время согласно пункту 3 части 3 данной статьи контракт о прохождении службы в органах внутренних дел подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел - увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел, за исключением случаев отказа от перевода по основаниям, предусмотренным в статье 30 того же Федерального закона, а именно ее частью 3 (перевод сотрудника на вышестоящую должность рядового состава, младшего, среднего или старшего начальствующего состава по результатам аттестации и (или) конкурса, а также из кадрового ре-

зерва), пунктами 1, 3 и 6 части 5 (перевод сотрудника на равнозначную должность в связи с необходимостью замещения другой должности в интересах службы либо в порядке ротации; перевод сотрудника на равнозначную должность по личным или семейным обстоятельствам; перевод сотрудника органов внутренних дел на равнозначную должность в связи с прекращением срочного контракта), пунктом 2 части 7 (перевод сотрудника на нижестоящую должность по личным или семейным обстоятельствам) и частью 9 (перевод сотрудника при его зачислении в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме либо для подготовки и защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук в образовательной организации или научной организации федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел).

Одновременно с установлением указанного специального основания увольнения со службы в органах внутренних дел федеральный законодатель предусмотрел в части 10 статьи 30 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и условия его применения: при невозможности перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность в органах внутренних дел или его отказе от такого перевода сотрудник подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел (за исключением перечисленных в той же статье случаев), и такое увольнение производится по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 названного Федерального закона только в тех случаях, когда иное не предусмотрено данным Федеральным законом.

Кроме того, согласно части 8 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник органов внутренних дел вправе выбрать основание увольнения со службы в органах внутренних дел, если он может быть уволен по каким-либо двум или более из перечисленных в данной норме основаниям: по истечении срока действия срочного контракта (пункт 1 части 1), по достижении предельного возраста пребывания на службе (пункт 2 части 1), по соглашению сторон (пункт 1 части 2), в связи с изменением условий контракта и отказом сотрудника от продолжения службы в органах внутренних дел (пункт 3 части 2), по выслуге лет, дающей право на получение пенсии (пункт 4 части 2), по состоянию здоровья - на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе (пункт 8 части 2), в связи с восстановлением в должности в органах внутренних дел сотрудника, ранее замещавшего эту должность, в случае отказа сотрудника, замещающего эту должность, от перевода на другую должность (пункт 9 части 2), в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замеща-

емой сотрудником (пункт 11 части 2), в связи с истечением срока нахождения сотрудника в распоряжении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения (пункт 12 части 2), в связи с нарушением условий контракта уполномоченным руководителем (пункт 16 части 2), в связи с болезнью - на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел (пункт 1 части 3), в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел (пункт 3 части 3).

Следовательно, расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел и его увольнение со службы по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», возможно, если только данным Федеральным законом не предусмотрены иные последствия невозможности перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность в органах внутренних дел (отказа от перевода), либо если отсутствуют иные, прямо предусмотренные им основания увольнения, в большей степени соответствующие обстоятельствам, послужившим причиной увольнения, либо если данное основание увольнения выбрано самим увольняемым со службы в органах внутренних дел сотрудником в порядке реализации права, предоставленного ему частью 8 той же статьи.

Поскольку, таким образом, увольнение сотрудника органов внутренних дел в связи с невозможностью перевода или его отказом от перевода на иную должность в органах внутренних дел может производиться в тех случаях, когда Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предусмотрено специальное основание увольнения сотрудника, отказавшегося от перевода на иную должность, и осуществляется по объективным причинам (в случае отсутствия возможности перевести увольняемого сотрудника органов внутренних дел на иную равнозначную или нижестоящую должность) или по воле увольняемого сотрудника органов внутренних дел (при его отказе от замещения предложенных вакантных должностей либо в случае выбора им данного основания увольнения), данное основание увольнения обоснованно не включено в перечень оснований увольнения по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, содержащийся в части 6 статьи 82 названного Федерального закона.

Соответственно, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель при решении вопроса об увольнении сотрудника органов внутренних дел, должность которого сокращается, связан требованиями Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», обязывающими его выбрать то основание

увольнения, которое прямо предписано названным Федеральным законом для соответствующих обстоятельств увольнения (тем более если определенное основание увольнения или отнесение его к основаниям увольнения по инициативе указанных должностных лиц сопряжено с предоставлением специальных гарантий, в том числе обусловленных реализацией конституционных положений о защите материнства и детства), либо - если увольняемому сотруднику органов внутренних дел предоставлено право выбора основания увольнения со службы - волеизъявлением самого сотрудника. В противном случае - вопреки конституционным положениям о правовом и социальном государстве и в нарушение принципов справедливости и равенства - допускался бы произвольный выбор указанными должностными лицами основания увольнения сотрудника органов внутренних дел, должность которого сокращается, ущемлялись бы права сотрудников органов внутренних дел, а сам пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» утрачивал бы качество определенности.

Между тем именно в силу принципа правовой определенности, выступающего одним из основных признаков верховенства права, избранное основание увольнения должно соответствовать тем фактическим обстоятельствам, которые послужили его причиной, что согласуется также с общим принципом реализации норм права, предполагающим, в свою очередь, соответствие имеющих место фактических обстоятельств сформулированному законодателем содержанию нормы (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2014 года N 2749-О, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года N 8-П).

Таким образом, пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нем положение не предполагает возможность применения предусмотренного им основания расторжения контракта по инициативе (по выбору) руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в отношении сотрудника органов внутренних дел - одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, и тем самым - лишения ее гарантий, предоставляемых при увольнении со службы в целях защиты материнства и детства, в случае, когда при сокращении замещаемой ею должности в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий она отказывается от перевода на иную вакантную должность.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нем положение не предполагает возможность применения предусмотренного им основания расторжения контракта по инициативе (по выбору) руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в отношении сотрудника органов внутренних дел - одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, в случае, когда при сокращении замещаемой ею должности в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий она отказывается от перевода на иную вакантную должность.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности частей 1 - 9 статьи 36, а также частей 6 и 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

4. Правоприменительные решения по делу гражданки Кургаевой Надежды Викторовны, основанные на пункте 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 22 января 2018 г. N 4-ППО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПУНКТА 3 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 57 ЖИЛИЩНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАН А.А. ШАКИРОВОЙ, М.М. ШАКИРОВА
И А.М. ШАКИРОВОЙ

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан А.А. Шакировой, М.М. Шакирова и А.М. Шакировой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.В. Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, включая письменные отзывы полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А. Клишаса и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно пункту 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации жилые помещения предоставляются по договорам социального найма вне очереди гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса.

Конституционность названного законоположения оспаривают граждане А.А. Шакирова, обратившаяся в Конституционный Суд Российской Федерации в своих интересах и в интересах своих несовершеннолетних детей - Камиллы Шакировой и Карины Шакировой, являющейся ребенком-инвалидом, М.М. Шакиров, состоящий в браке с А.А. Шакировой, и их совершеннолетняя дочь А.М. Шакирова.

1.1. Распоряжением главы администрации Калининского района городского округа город Уфа от 27 ноября 2013 года семья Шакировых в составе пяти человек, как малоимущая семья, имеющая ребенка-инвалида, была включена в список граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий. В квартире, где они проживают, зарегистрированы также мать М.М. Шакирова, его брат и племянница. Решением Калининского районного суда города Уфы от 8 июня 2015 года установлено, что супруги Шакировы и три их дочери составляют отдельную семью от матери М.М. Шакирова и от семьи его брата.

Октябрьский районный суд города Уфы, рассмотрев иск А.А. Шакировой, заявленный также в интересах несовершеннолетних Карины и Камиллы Шакировых, М.М. Шакирова и А.М. Шакировой, решением от 8 декабря 2015 года обязал администрацию городского округа город Уфа предоставить им во внеочередном порядке благоустроенное жилое помещение по договору социального найма общей площадью не менее 84 кв. м с учетом того, что Карина Шакирова страдает заболеванием, включенным в Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 года N 378), и в соответствии с заключениями врачебной комиссии лечебного учреждения Министерства здравоохранения Республики Башкортостан от 6 сентября 2013 года и от 20 декабря 2014 года по состоянию здоровья имеет право на внеочередное предоставление жилого помещения и право пользования дополнительной жилой площадью.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан решение суда первой инстанции отменила и приняла по делу новое решение - об обязанности ответчика предоставить во внеочередном порядке Карине Шакировой и ее матери А.А. Шакировой благоустроенное жилое помещение по договору социального найма общей площадью не менее 42 кв. м; в удовлетворении остальной части исковых требований было отказано (апелляционное определение от 6 июня 2016 года).

В передаче кассационных жалоб А.А. Шакировой, М.М. Шакирова и А.М. Шакировой для рассмотрения в судебных заседаниях Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан и Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи Верховного Суда Республики Башкортостан от 7 сентября 2016 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2017 года соответственно.

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения, примененные в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, затрагивают конституционные права

и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Как утверждают заявители по настоящему делу, оспариваемое ими законоположение препятствует предоставлению во внеочередном порядке жилого помещения на условиях социального найма семье с ребенком-инвалидом, имеющим право на получение жилого помещения в таком порядке, и тем самым нарушает статью 38 Конституции Российской Федерации, в силу которой материнство и детство, семья находятся под защитой государства (часть 1), а забота о детях, их воспитание составляют равное право и обязанность родителей (часть 2).

Соответственно, пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащегося в нем положения решается вопрос о предоставлении жилого помещения по договору социального найма несовершеннолетнему, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, указанного в перечне соответствующих заболеваний, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти во исполнение предписания пункта 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса, в случае, когда члены его семьи, с которыми он совместно проживает, состоят на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

2. Признавая право каждого на жилище, статья 40 Конституции Российской Федерации возлагает на органы государственной власти и органы местного самоуправления создание условий для его осуществления и предусматривает возможность предоставления жилища малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в нем, бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Вместе с тем основания и порядок приобретения гражданами, нуждающимися в жилище, права пользования жилым помещением Конституцией Российской Федерации не определены, - согласно ее статье 72 (пункт «к» части 1) соответствующее правовое регулирование является прерогативой законодателя, который в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий вправе определять категории таких граждан, а также конкретные формы, источники и порядок обеспечения их жильем с учетом реальных финансово-экономических и иных возможностей, имеющихся у государства (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 года N 509-О-О, от 24 декабря

2012 года N 2280-О, от 23 декабря 2014 года N 2960-О, от 26 января 2017 года N 187-О и др.).

В развитие приведенных положений Конституции Российской Федерации Жилищный кодекс Российской Федерации наделяет правом получить жилое помещение из муниципального жилищного фонда по договору социального найма малоимущих граждан, признанных нуждающимися в таких жилых помещениях по установленным данным Кодексом основаниям (часть 2 статьи 49), а из жилищного фонда Российской Федерации или жилищного фонда субъекта Российской Федерации - ряд иных категорий граждан, указанных в части 3 статьи 49 данного Кодекса; при этом критериями, при наличии которых граждане признаются таковыми, выступают, по общему правилу, фактическое наличие у них жилого помещения и его характеристики - площадь и пригодность для проживания (пункты 1 - 3 части 1 статьи 51).

В отдельную категорию нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, Жилищный кодекс Российской Федерации выделяет граждан (и членов их семей), проживающих в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное с ним проживание в одной квартире невозможно, из числа заболеваний, входящих в перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации (пункт 4 части 1 статьи 51). Будучи исключенным из общего правила, позволяющим таким гражданам встать на учет независимо от характеристик занимаемого ими жилого помещения, данная гарантия установлена как в интересах самих граждан, страдающих соответствующими заболеваниями, так и в интересах иных лиц, проживающих с ними в одной квартире в составе других семей (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года N 187-О).

Принимая во внимание ограниченность финансовых возможностей публичной власти, федеральный законодатель закрепил в статье 57 Жилищного кодекса Российской Федерации также в качестве общего правила, что жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, состоящим на учете как нуждающиеся в жилых помещениях, в порядке очередности исходя из времени их принятия на такой учет (часть 1). Тем самым, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 9 февраля 2017 года N 215-О, обеспечивается справедливое распределение жилых помещений из жилищного фонда социального использования.

Исключением из этого правила является часть 2 той же статьи, предусматривающая внеочередное предоставление жилых помещений по договорам социального найма гражданам, жилые помещения которых признаны в установленном порядке непригодными для проживания и ремонту или реконструкции не подлежат (пункт 1), а также гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса перечне (пункт 3). Будучи дополнительной гарантией права на жилище для граждан,

нуждающихся в особой поддержке государства, данная норма - с учетом того, что федеральный законодатель при реализации своих полномочий исходит из имеющихся у государства возможностей, - направлена на защиту интересов таких граждан и потому не может расцениваться как нарушающая какие-либо конституционные права и свободы (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 года N 36-О, от 25 февраля 2013 года N 192-О, от 23 апреля 2013 года N 636-О, от 20 февраля 2014 года N 386-О, от 20 марта 2014 года N 560-О, от 17 июля 2014 года N 1662-О, от 29 сентября 2016 года N 2092-О, от 9 февраля 2017 года N 215-О и др.).

Вместе с тем подобные гарантии - в силу конституционных требований недопустимости издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права граждан, а также принципов равенства и справедливости, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, на необходимость соблюдения которых неоднократно обращал внимание законодателя Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 24 мая 2001 года N 8-П, от 29 января 2004 года N 2-П, от 5 апреля 2007 года N 5-П, от 23 апреля 2012 года N 10-П, от 30 января 2013 года N 3-П и др.), - должны быть реальными, т.е. выполнимыми с точки зрения достигнутого уровня социально-экономического развития общества. С учетом этих требований, а также предписания статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не допускающей при осуществлении прав и свобод человека и гражданина ущемления прав и свобод других лиц (в данном случае - имеющих право на предоставление жилого помещения на иных основаниях), пунктом 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации установлено, что жилое помещение по договору социального найма предоставляется во внеочередном порядке именно гражданину, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, но не его семье.

Такое законодательное решение имеет целью не только обеспечить скорейшее отселение этих граждан (независимо от других оснований их постановки на учет нуждающихся в предоставлении жилого помещения), но и удовлетворить потребность в отдельном жилье как можно большего их числа при соблюдении принципа равенства и справедливости в отношении иных граждан, также нуждающихся в жилых помещениях, и само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционное право на жилище как самого гражданина, получающего жилое помещение вне очереди, так и членов его семьи, которые не лишаются возможности быть принятыми на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, на общих основаниях.

3. Согласно Конституции Российской Федерации в России как социальном государстве обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются гарантии социальной защиты (статья 7), материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2).

Право каждого ребенка на меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства, провозглашается в Международном пакте о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 24). Согласно Декларации прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года) ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту; ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании; он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью.

Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) обязывает подписавшие ее государства обеспечивать детям такую защиту и заботу, которые необходимы для их благополучия, а суды, административные или законодательные органы во всех действиях в отношении детей - уделять первоочередное внимание наилучшему обеспечению интересов ребенка и обеспечивать ему защиту и заботу, возлагает на родителя (родителей) или других лиц, воспитывающих ребенка, основную ответственность за обеспечение в пределах их способности и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для его развития (пункты 1 и 2 статьи 3, пункт 1 статьи 18 и пункт 2 статьи 27). Одновременно Конвенция требует от государств-участников уважать ответственность, права и обязанности родителей должным образом руководить ребенком при осуществлении им своих прав исходя из принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за его воспитание и развитие, равно как и уважать право ребенка на сохранение семейных связей, не допуская противозаконного вмешательства, с тем чтобы он не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, кроме случаев применения компетентными органами, согласно судебному решению, основанных на законе процедур, обусловленных необходимостью такого разлучения в наилучших интересах ребенка (статья 5, пункт 1 статьи 8, пункт 1 статьи 9 и статья 18).

Конкретизируя предписания статей 7 (часть 1), 38 (часть 2) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 60, согласно которой гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет, и корреспондирующие этим предписаниям приведенные положения международно-правовых актов, предполагающих, помимо прочего, предпочтительность совместного проживания родителей со своими несовершеннолетними детьми и, соответственно, возлагающих на государство ответственность за создание для этого необходимых условий, федеральный законодатель ввел в правовое регулирование правила, касающиеся места жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, и граждан, находящихся под опекой, каковым признается место жительства их законных представителей -

родителей, усыновителей или опекунов (пункт 2 статьи 20 ГК Российской Федерации и пункт 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, действующее законодательство, учитывая физическую и умственную незрелость несовершеннолетнего ребенка, а в отношении ребенка-инвалида - также необходимость постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, исходит из того, что местом жительства ребенка является место жительства его семьи (законного представителя), и устанавливает обязанность родителей (иных законных представителей) проживать совместно с ребенком.

4. Как указывал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, провозглашенные в Конституции Российской Федерации цели социальной политики России определяют обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности и обеспечении нормальных условий существования; федеральный законодатель - исходя из того, что несовершеннолетние дети, по общему правилу, находятся на попечении родителей, которые вправе и обязаны действовать в их интересах в качестве законных представителей, - должен устанавливать эффективные механизмы, гарантирующие приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетних, восстановление нарушенных прав ребенка, недопущение их дискриминации; законодательное регулирование отношений в жилищной сфере, участниками которых являются собственники жилого помещения и проживающие совместно с ним несовершеннолетние члены его семьи, должно быть направлено на обеспечение возможности использования дифференцированного подхода к оценке возникающих жизненных ситуаций, с тем чтобы избежать необоснованного ограничения конституционных прав и свобод (постановления от 16 декабря 1997 года N 20-П и от 8 июня 2010 года N 13-П; определения от 15 февраля 2005 года N 17-О и от 9 февраля 2017 года N 215-О).

Несовершеннолетние дети, страдающие заболеваниями, указанными в Перечне тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 года N 378), в частности дети-инвалиды, тем более нуждаются в том, чтобы им были обеспечены условия для полноценного развития и интеграции в общество. В этих целях при осуществлении правового регулирования общественных отношений с участием инвалидов необходимо учитывать их интересы и потребности как лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, что предполагает не только создание специальных правовых механизмов, предоставляющих инвалидам дополнительные преимущества и гарантирующих им право на равные с другими гражданами возможности при реализации конституционных прав, но и введение мер социальной поддержки для лиц, осуществляющих социально значимую функцию воспитания детей-инвалидов и ухода за ними, связанную с повышенными психологическими и эмоциональными нагрузками, физическими и материальными затратами, с тем чтобы определенным образом компенсировать таким

лицам соответствующие бременения, возникающие в связи с необходимостью обеспечивать особые нужды и потребности детей-инвалидов, обусловленные их возрастом и состоянием здоровья.

Исходя из приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в постановлениях от 1 июля 2014 года N 20-П и от 27 июня 2017 года N 17-П, и с учетом природы России как социального государства, обязанного обеспечивать охрану семьи и права ребенка, предоставление жилого помещения в порядке, предусмотренном пунктом 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, в расчете лишь на самого несовершеннолетнего, страдающего тяжелой формой хронического заболевания из числа указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса, фактически приводило бы либо к отказу от использования данной льготы, либо - при ее использовании - к существенным затруднениям в реализации родителями прав и обязанностей, возлагаемых на них Конституцией Российской Федерации и законом, и тем самым поощряло бы нарушение прав как самих несовершеннолетних, так и их родителей, а следовательно, лишало бы смысла закрепление в жилищном законодательстве права на получение вне очереди жилого помещения по договору социального найма применительно к несовершеннолетним, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, делая его иллюзорным, что противоречило бы статьям 7, 38 (части 1 и 2), 40 (часть 1) и 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, на основании которого несовершеннолетним гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса, предоставляются вне очереди жилые помещения по договорам социального найма, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования обязывает правоприменительные органы при принятии соответствующих решений обеспечивать баланс прав и законных интересов таких несовершеннолетних, их родителей и других проживающих совместно с ними в одном жилом помещении лиц, в том числе несовершеннолетних детей, а также граждан, включенных администрацией муниципального образования в список нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Это означает, что пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации во всяком случае не предполагает вынесения решения о предоставлении несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, жилого помещения без учета того, что он не может быть лишен возможности получать должные уход и воспитание, т.е. без учета необходимости постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, а следовательно, проживания в предоставляемом ему жилом помещении по крайней мере еще одного взрослого члена семьи. Не может данное законоположение рассматриваться и как препятствующее предоставлению жилого помещения исходя

из необходимости проживания несовершеннолетнего вместе с членами его семьи, если при оценке обстоятельств конкретного дела правоприменительный орган придет к выводу, что для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в общество определяющим (предпочтительным) будет именно их совместное проживание, однако при принятии такого решения должны приниматься во внимание как права других членов семьи на благоприятные условия проживания, так и наличие у публичного образования возможности предоставления жилого помещения соответствующей площади.

Признание пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации не препятствует федеральному законодателю - в целях обеспечения баланса прав несовершеннолетнего, страдающего тяжелой формой хронического заболевания, его родителей, других членов его семьи, проживающих совместно с ним в одном жилом помещении, а также прав иных граждан, включенных администрацией муниципального образования в список нуждающихся в улучшении жилищных условий, - внести изменения в регулирование порядка внеочередного предоставления жилых помещений по договорам социального найма в связи с наличием у несовершеннолетних тяжелых форм хронических заболеваний, указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации, не исключая как прямое распространение действия пункта 3 части 2 его статьи 57 на семьи с детьми-инвалидами, страдающими соответствующими заболеваниями, так и установление иных способов защиты их прав.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащееся в нем положение по своему конституционно-правовому смыслу:

предполагает вынесение решения о внеочередном предоставлении жилого помещения по договору социального найма несовершеннолетнему гражданину, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, указанного в перечне, предусмотренном пунктом 4 части первой статьи 51 данного Кодекса, с учетом площади, необходимой для проживания в нем также по крайней мере одного взрослого члена семьи, осуществляющего уход за этим несовершеннолетним;

само по себе не может служить основанием для отказа в предоставлении жилого помещения несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, с учетом необходимости проживания в нем также его родителей и других членов семьи, если, исходя из обстоятельств конкретного дела, их совместное проживание является определяющим для состояния здоровья несовершеннолетнего,

его развития и интеграции в общество и при наличии у публичного образования фактических возможностей для предоставления жилого помещения соответствующей площади.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении граждан Шакировой Альбины Анатольевны, Шакирова Марата Маснабиевича, Шакировой Адели Маратовны, Шакировой Карины Маратовны и Шакировой Камиллы Маратовны на основании пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Верховным Судом РФ актуализированы разъяснения по практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных со взысканием алиментов.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 26 декабря 2017 г. N 56

**О ПРИМЕНЕНИИ
СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ
ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЫСКАНИЕМ АЛИМЕНТОВ**

Алиментные обязательства, установленные Семейным кодексом Российской Федерации, направлены на обеспечение условий жизни, необходимых для развития, воспитания и образования несовершеннолетних детей, а также на предоставление содержания иным членам семьи, нуждающимся в материальной поддержке.

В целях обеспечения единства практики применения судами законодательства при разрешении споров, связанных со взысканием алиментов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения:

Общие положения

1. Основания возникновения и прекращения алиментных обязательств, а также перечень лиц, имеющих право на алименты, и лиц, обязанных их уплачивать, порядок уплаты и взыскания алиментов и иные отношения, связанные с установлением и исполнением алиментных обязательств, регулируются Семейным кодексом Российской Федерации (раздел V).

В соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации (далее - СК РФ) алименты уплачиваются по соглашению сторон (глава 16 СК РФ), а при отсутствии соглашения об уплате алиментов членами семьи, указанные в статьях 80 - 99 СК РФ, вправе обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов (статья 106 СК РФ).

При разрешении вопроса о родовой подсудности дел по спорам, связанным со взысканием алиментов, следует руководствоваться общими правилами, установленными статьями 23 и 24 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ).

В силу пунктов 1 и 4 части 1 статьи 23 ГПК РФ дела о взыскании алиментов, а также иные дела по спорам, связанным со взысканием алиментов (например, об изменении размера алиментов, об освобождении от уплаты алиментов, о взыскании неустойки в связи с несвоевременной уплатой алиментов), рассматриваются мировым судьей в качестве суда первой инстанции.

В случае, если одновременно с требованием, связанным со взысканием алиментов, подсудным мировому судье, заявлено требование, подсудное районному суду (например, об установлении отцовства либо

материнства, о лишении родительских прав или об ограничении родительских прав), то такие дела в соответствии с частью 3 статьи 23 ГПК РФ подлежат рассмотрению районным судом. Районный суд рассматривает также в качестве суда первой инстанции дела по искам об изменении, о расторжении или признании недействительным соглашения об уплате алиментов.

2. Исходя из смысла пункта 3 части 3 статьи 29 ГПК РФ правило об альтернативной подсудности исков о взыскании алиментов и об установлении отцовства (возможность предъявления исков по месту жительства ответчика или по месту жительства истца) распространяется как на случаи, когда названные выше требования заявлены одновременно, так и на случаи, когда заявлено самостоятельное требование о взыскании алиментов любым лицом, относящимся к кругу лиц, имеющих в силу закона право на алименты, либо оно предъявлено в интересах такого лица (например, иск о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка предъявлен его родителем) (статьи 80 - 99 СК РФ).

Исходя из аналогии закона (часть 4 статьи 1 ГПК РФ) правило об альтернативной подсудности применяется также к иску о взыскании алиментов и об установлении материнства.

Иски лиц, с которых взыскиваются алименты на несовершеннолетних детей или других членов семьи (например, об изменении установленного судом размера алиментов или об освобождении от уплаты алиментов, об освобождении от уплаты задолженности по алиментам), в соответствии со статьей 28 ГПК РФ подсудны суду по месту жительства ответчика (взыскателя).

3. Требования о взыскании алиментов, подсудные мировому судье, разрешаются мировым судьей в порядке приказного производства (глава 11 ГПК РФ) или в порядке искового производства (глава 12 ГПК РФ).

В соответствии с абзацем пятым статьи 122 ГПК РФ судья вправе выдать судебный приказ, если заявлено требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанное с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц. На основании судебного приказа не могут быть взысканы алименты на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме, поскольку решение этого вопроса сопряжено с необходимостью проверки наличия либо отсутствия обстоятельств, с которыми закон связывает возможность такого взыскания (статья 83, пункт 4 статьи 143 СК РФ).

В случае подачи заявления о вынесении судебного приказа по требованиям об алиментах, не подлежащим разрешению в порядке приказного производства (например, должник выплачивает алименты по решению суда на других лиц; заявлено требование о взыскании алиментов в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме; наряду с требованием о взыскании алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителей заявлено требование о взыскании алиментов на основании абзаца второго пункта 2 статьи 107 СК РФ за время, предшествующее подаче указанного заявления), судья отказывает в принятии заявления о выне-

сении судебного приказа по пункту 3 части 3 статьи 125 ГПК РФ.

Если после вынесения судебного приказа по требованию об алиментах от должника в установленный срок поступят возражения относительно его исполнения, судья в соответствии с частью 1 статьи 129 ГПК РФ выносит определение об отмене судебного приказа и разъясняет взыскателю, что заявленное требование может быть им предъявлено в порядке искового производства.

В случае подачи искового заявления по требованиям об алиментах, подлежащим разрешению в порядке приказного производства, судья возвращает исковое заявление по пункту 1.1 части 1 статьи 135 ГПК РФ.

4. Если между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов - между законными представителями этих лиц имеется нотариально удостоверенное письменное соглашение об уплате алиментов (статьи 99, 100 и 106 СК РФ), требование о взыскании алиментов может быть рассмотрено судом, если одновременно с указанным требованием заявлено требование о расторжении соглашения об уплате алиментов и истцом представлены доказательства, подтверждающие принятие им мер по урегулированию данного вопроса с ответчиком во внесудебном порядке (пункт 4 статьи 101 СК РФ, пункт 2 статьи 452 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее - ГК РФ), либо заявлено требование о признании соглашения об уплате алиментов недействительным.

5. В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ) истцы по искам о взыскании алиментов освобождаются от уплаты государственной пошлины, размер которой установлен подпунктом 14 пункта 1 статьи 333.19 НК РФ.

К искам лиц, обязанных уплачивать алименты, об изменении установленного судом размера алиментов или об освобождении от уплаты алиментов применяются правила уплаты государственной пошлины, определенные в подпункте 1 пункта 1 статьи 333.19 НК РФ для искового заявления имущественного характера, подлежащего оценке. При этом в соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 333.20 НК РФ цена иска по требованию об уменьшении размера алиментов определяется по правилам пункта 6 части 1 статьи 91 ГПК РФ, а об освобождении от уплаты алиментов - по пункту 7 части 1 статьи 91 ГПК РФ.

При подаче искового заявления о взыскании неустойки за несвоевременную уплату алиментов на несовершеннолетних детей истец освобождается от уплаты государственной пошлины на основании подпункта 15 пункта 1 статьи 333.36 НК РФ, поскольку указанный иск подан в защиту прав и законных интересов ребенка. Государственная пошлина, подлежащая взысканию с ответчика в случае удовлетворения указанного иска, исчисляется в соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 333.19 НК РФ как для искового заявления имущественного характера, подлежащего оценке.

6. Если при подготовке дела по иску о взыскании алиментов к судебному разбирательству или при рас-

смотрении дела будет установлено, что ответчик выплачивает алименты по решению суда либо по судебному приказу или иному исполнительному документу, взыскатели алиментов привлекаются к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора.

7. Под нетрудоспособными совершеннолетними лицами, имеющими право на алименты (статьи 85, 89, 90, 93 - 97 СК РФ), следует понимать лиц, признанных в установленном порядке инвалидами I, II или III группы, а также лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста.

8. Решая вопросы об установлении размера алиментов, подлежащих взысканию в твердой денежной сумме (статьи 83, 85, 87, 91, 98 СК РФ), размера дополнительных расходов на детей или родителей (статьи 86, 88 СК РФ), об уменьшении или увеличении размера алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей в долевым отношении к заработку и (или) иному доходу родителей (пункт 2 статьи 81 СК РФ), об изменении установленного судом размера алиментов или об освобождении от уплаты алиментов (статья 119 СК РФ), об освобождении от уплаты задолженности по алиментам (статья 114 СК РФ), а также иные вопросы, которые в соответствии с нормами раздела V СК РФ подлежат разрешению судом с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств или интересов сторон, необходимо исходить из следующего:

при определении материального положения сторон следует учитывать все виды их доходов (заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности, от использования результатов интеллектуальной деятельности, пенсии, пособия, выплаты в счет возмещения вреда здоровью и другие выплаты), а также любое принадлежащее им имущество (в том числе ценные бумаги, паи, вклады, внесенные в кредитные организации, доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью);

при установлении семейного положения плательщика алиментов следует, в частности, выяснить, имеются ли у него другие несовершеннолетние или нетрудоспособные совершеннолетние дети либо иные лица, которых он обязан по закону содержать;

иными заслуживающими внимания обстоятельствами являются, например, нетрудоспособность плательщика алиментов, восстановление трудоспособности получателя алиментов.

9. Разрешая вопрос о том, является ли лицо, претендующее на алименты, нуждающимся в помощи, если с наличием этого обстоятельства закон связывает возможность взыскания алиментов (статьи 85 и 87, абзацы второй и четвертый пункта 2 статьи 89, абзацы третий - пятый пункта 1 статьи 90, статьи 93 - 97 СК РФ), следует выяснить, является ли материальное положение данного лица достаточным для удовлетворения его жизненных потребностей с учетом его возраста, состояния здоровья и иных обстоятельств (приобретение необходимых продуктов питания, одежды, лекарственных препаратов, оплата жилого помещения и коммунальных услуг и т.п.) (далее - жизненные потребности).

10. Если при рассмотрении дела о взыскании средств на содержание совершеннолетнего дееспособного лица будет установлено, что истец совершил в отношении ответчика умышленное преступление либо имеются доказательства недостойного поведения истца в семье (бывшей семье), суд в соответствии с пунктом 2 статьи 119 СК РФ вправе отказать во взыскании алиментов.

Под преступлением, совершение которого может явиться основанием к отказу в иске, следует понимать любое умышленное преступление против жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства, половой неприкосновенности, иных прав ответчика, что должно быть подтверждено вступившим в законную силу обвинительным приговором суда либо постановлением (определением) суда или постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию.

Как недостойное поведение, которое может служить основанием для отказа во взыскании алиментов, в частности, может рассматриваться злоупотребление истцом алкогольной и (или) спиртосодержащей продукцией, употребление им наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, занятие азартными играми, иное поведение, противоречащее интересам семьи.

При рассмотрении дел данной категории необходимо учитывать, когда было совершено умышленное преступление либо имели место факты недостойного поведения в семье, характер, тяжесть и последствия их совершения, а также дальнейшее поведение истца.

Обстоятельства, перечисленные в пункте 2 статьи 119 СК РФ, могут также служить основанием для удовлетворения требования об освобождении от дальнейшей уплаты алиментов, взысканных судом на совершеннолетних дееспособных лиц.

11. По общему правилу, установленному пунктом 2 статьи 107 СК РФ, алименты присуждаются с момента обращения в суд.

Суд вправе удовлетворить требование о взыскании алиментов за прошедший период в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что до обращения в суд принимались меры к получению алиментов, однако они не были получены вследствие уклонения лица, обязанного уплачивать алименты, от их уплаты (абзац второй пункта 2 статьи 107 СК РФ).

О мерах, принятых в целях получения алиментов, могут свидетельствовать, в частности, обращение истца к ответчику (например, посредством направления телеграмм, заказных писем с уведомлением либо посредством электронной почты) с требованием об уплате алиментов либо с предложением заключить соглашение об уплате алиментов, обращение к мировому судье с заявлением о выдаче судебного приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка (если впоследствии судебный приказ был отменен).

12. Размер алиментов на нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей и иных совершеннолетних лиц, подлежащих взысканию в твердой денежной сумме, определяется судом исходя из мате-

риального и семейного положения плательщика и получателя алиментов и других заслуживающих внимания интересов сторон (статьи 85, 87, 89, 90, 93 - 97 СК РФ). При этом судам следует также исходить из необходимости обеспечения баланса интересов обеих сторон алиментных правоотношений.

13. С учетом положений пункта 2 статьи 117 СК РФ при установлении размера алиментов, подлежащих взысканию в твердой денежной сумме, судам следует исходить из действующей на день вынесения решения суда величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты, а при отсутствии указанной величины - величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения в целом по Российской Федерации (далее - соответствующая величина прожиточного минимума).

Размер алиментов, установленный судом в твердой денежной сумме, подлежит индексации по правилам, предусмотренным пунктом 1 статьи 117 СК РФ, о чем должно быть указано в резолютивной части решения суда.

Индексация алиментов производится судебным приставом-исполнителем, организацией или иным лицом, выплачивающим должнику заработную плату, пенсию, стипендию и иные периодические платежи (пункт 1 статьи 117 СК РФ, часть 1 статьи 9, часть 1 статьи 102 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», далее - Федеральный закон от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ).

Взыскание алиментов с родителей (бывших усыновителей) на несовершеннолетних детей

14. В соответствии с пунктом 1 статьи 80 СК РФ родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, при этом порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно. В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке (пункт 2 статьи 80 СК РФ).

Уплата родителем средств на содержание ребенка в добровольном порядке при отсутствии нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов не является препятствием для рассмотрения судом требования о взыскании алиментов.

15. С заявлением о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка вправе обратиться в суд: один из родителей ребенка; опекун (попечитель) ребенка; приемные родители; усыновитель, если усыновление произведено одним лицом при сохранении личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей ребенка с другим родителем (пункт 3 статьи 137 СК РФ); организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выполняющая обязанности опекуна или попечителя (пункт 1 статьи 155.1 и пункт 2 статьи 155.2 СК РФ, пункт 4 статьи 35 ГК РФ, часть 5 статьи 11 Федерального закона от 24 апреля 2008 года

№ 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»); орган опеки и попечительства (пункт 3 статьи 80 СК РФ).

С учетом того, что в силу статьи 47 СК РФ основанием возникновения алиментной обязанности родителей в отношении детей является происхождение детей, удостоверенное в установленном законом порядке, при обращении в суд с требованием о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка заявитель представляет доказательства, подтверждающие, что лицо, с которого подлежат взысканию алименты, является родителем ребенка.

16. Требование о взыскании средств на содержание несовершеннолетнего ребенка может быть предъявлено в суд до достижения ребенком возраста восемнадцати лет либо до приобретения им полной дееспособности в результате эмансипации или вступления в брак (пункт 2 статьи 21, пункт 1 статьи 27 ГК РФ).

Если на момент подачи в суд заявления ребенок достиг возраста восемнадцати лет либо приобрел полную дееспособность до достижения указанного возраста в результате эмансипации или вступления в брак, судья отказывает в принятии заявления (абзац первый части 3 статьи 125, пункт 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ), а если исковое производство по делу возбуждено, суд прекращает производство по делу в соответствии с абзацем вторым статьи 220 ГПК РФ.

17. Пунктом 4 статьи 143 СК РФ суду предоставлено право при отмене усыновления исходя из интересов ребенка обязать бывшего усыновителя выплачивать средства на содержание ребенка в размере, установленном статьями 81 и 83 СК РФ.

Вопросы, связанные с определением размера средств на содержание ребенка, подлежащих взысканию с бывших усыновителей (далее также - алименты), изменением размера этих средств или освобождением от их уплаты, а также иные вопросы, возникающие при исполнении бывшими усыновителями обязанности по уплате средств на содержание ребенка, разрешаются судом по тем же правилам, как и в случае взыскания алиментов на несовершеннолетних детей с их родителей.

18. Требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка подлежит удовлетворению судом независимо от трудоспособности родителей, а также нужды ребенка в алиментах.

Алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителей (статья 81 СК РФ) либо могут быть взысканы в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме в случаях, предусмотренных статьей 83 СК РФ.

19. При определении размера алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителей суду следует исходить из положений пункта 1 статьи 81 СК РФ, согласно которому алименты подлежат взысканию с родителей ребенка ежемесячно в размере: на одного ребенка - одной четверти, на двух детей - одной трети, на трех и более детей - половины заработка и (или) иного дохода родителей.

Если при рассмотрении дела о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя будет установлено, что родитель-должник уплачивает

алименты на основании судебного приказа или решения суда на других несовершеннолетних детей и в пользу другого взыскателя, размер подлежащих взысканию алиментов на этого ребенка определяется судом исходя из установленного законом размера алиментов, приходящегося на всех указанных детей родителя-должника.

20. Размер долей, установленных пунктом 1 статьи 81 СК РФ, может быть уменьшен или увеличен судом с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств (пункт 2 статьи 81 СК РФ).

К таким обстоятельствам, в частности, могут быть отнесены: наличие у плательщика алиментов других несовершеннолетних и (или) нетрудоспособных совершеннолетних детей, а также иных лиц, которых он обязан по закону содержать; низкий доход плательщика алиментов; состояние здоровья плательщика алиментов (например, нетрудоспособность вследствие возраста или состояния здоровья), а также ребенка, на содержание которого производится взыскание алиментов (например, наличие у ребенка тяжелого заболевания, требующего длительного лечения).

21. Если требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка предъявлено к обоим родителям ребенка, суд определяет размер алиментов, подлежащий взысканию с каждого из родителей.

Размер алиментов, взыскиваемых с каждого из родителей в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя, определяется судом по общим правилам, установленным статьей 81 СК РФ, то есть в зависимости от количества детей, на содержание которых производится взыскание с данного родителя.

При наличии обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 83 СК РФ, алименты с обоих родителей либо с одного из них могут быть взысканы в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме.

22. Суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях (в соответствии со статьей 81 СК РФ) и в твердой денежной сумме, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон (пункт 1 статьи 83 СК РФ).

Если при каждом из родителей остаются дети, суд определяет размер алиментов в твердой денежной сумме, подлежащей уплате ежемесячно, и взыскивает их с одного родителя в пользу другого, менее обеспеченного (пункт 3 статьи 83 СК РФ).

23. Высокий уровень доходов у родителя, обязанного уплачивать алименты, сам по себе не относится к установленным статьей 83 СК РФ обстоятельствам, при которых возможно взыскание алиментов в твердой денежной сумме, а не в долевом отношении к за-

работку. Вместе с тем, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушает интересы одной из сторон, алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме.

В силу положений статьи 56 ГПК РФ бремя доказывания обстоятельств, связанных с возможностью взыскания алиментов на несовершеннолетнего ребенка в твердой денежной сумме в связи с нарушением интересов плательщика алиментов, возлагается на лицо, обязанное уплачивать алименты.

24. Наличие у родителя постоянной работы и регулярного заработка не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с такого лица алиментов на несовершеннолетнего ребенка в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя не позволяет сохранить ребенку прежний уровень его обеспечения и взыскание алиментов в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме будет в наибольшей степени отвечать интересам ребенка и не нарушать права указанного родителя (например, в случае, когда родитель скрывает свой действительный доход и имеет иные доходы, из которых в силу статьи 82 СК РФ могло быть произведено удержание алиментов).

25. В случае, когда должник уплачивает по решению суда алименты на детей в твердой денежной сумме, суд может удовлетворить требование о взыскании алиментов на другого ребенка должника в долевом отношении к его заработку (или) иному доходу, если не имеется оснований для определения размера алиментов на этого ребенка в твердой денежной сумме. При этом размер алиментов на указанного ребенка определяется судом по правилам, установленным пунктом 1 статьи 81 СК РФ, с учетом детей, на которых в том числе взысканы алименты в твердой денежной сумме.

26. Если заявлено требование о взыскании алиментов в твердой денежной сумме, однако судом будет установлено, что предусмотренных законом (пунктом 1 статьи 83 СК РФ) оснований, при наличии которых возможно взыскание алиментов в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме, не имеется, суд ставит на обсуждение сторон вопрос о взыскании алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителей и, исходя из приоритетной защиты прав и интересов ребенка (статья 3 Конвенции о правах ребенка, пункт 3 статьи 1 СК РФ), выносит решение о взыскании алиментов в размере, определенном пунктом 1 статьи 81 СК РФ.

27. В силу пункта 2 статьи 83 СК РФ размер алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме на несовершеннолетних детей с родителей, а также с бывших усыновителей при отмене усыновления (пункт 4 статьи 143 СК РФ), определяется судом исходя из максимального возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств.

При этом следует иметь в виду, что с учетом положений статей 1 - 3 Федерального закона от 24 октября

1997 года N 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», а также равной обязанности родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей установление судом алиментов, подлежащих взысканию с одного из родителей ребенка, в размере менее половины соответствующей величины прожиточного минимума для детей может иметь место в случае, когда материальное и (или) семейное положение плательщика алиментов либо иные заслуживающие внимания обстоятельства объективно не позволяют произвести с него взыскание алиментов в размере половины соответствующей величины прожиточного минимума для детей.

Особенности взыскания алиментов на детей, оставшихся без попечения родителей, а также в случае лишения родительских прав одного из родителей

28. По смыслу пункта 2 статьи 84 СК РФ расходы на содержание детей, оставшихся без попечения родителей и находящихся в образовательных, медицинских организациях, организациях социального обслуживания или в аналогичных организациях, взыскиваются только с родителей детей и не подлежат взысканию с других членов семьи, несущих алиментные обязанности по отношению к детям.

29. При лишении родительских прав одного из родителей и передаче ребенка на воспитание другому родителю, опекуну или попечителю либо приемным родителям алименты взыскиваются в пользу этих лиц в соответствии со статьями 81 - 83, пунктом 1 статьи 84 СК РФ. Если дети до решения вопроса о лишении родительских прав уже были помещены в образовательные, медицинские организации, в организации социального обслуживания или в аналогичные организации, алименты, взыскиваемые с родителей, лишенных родительских прав, зачисляются на счета этих организаций, где учитываются отдельно по каждому ребенку (пункт 2 статьи 84 СК РФ).

При лишении родительских прав обоих родителей или одного из них, когда передача ребенка другому родителю невозможна, алименты подлежат взысканию не органу опеки и попечительства, которому в таких случаях передается ребенок (пункт 5 статьи 71 СК РФ), а перечисляются на счет, открытый на имя ребенка в банке.

В случае устройства ребенка в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (пункт 1 статьи 155.1 СК РФ), либо передачи ребенка под опеку (попечительство) или на воспитание в приемную семью вопрос о перечислении взыскиваемых алиментов указанной организации или лицам, которым передан ребенок, может быть решен по их заявлению в порядке, предусмотренном статьей 203 ГПК РФ.

Разрешение вопросов, связанных с вынесением и исполнением решения о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей. Резолютивная часть решения суда

30. В соответствии со статьей 80 СК РФ средства на содержание несовершеннолетних детей, взыскиваемые с родителей в судебном порядке, присуждаются до достижения детьми совершеннолетия. Однако если

несовершеннолетний, на которого по судебному приказу или по решению суда взыскиваются алименты, до достижения им возраста восемнадцати лет приобретет дееспособность в полном объеме (пункт 2 статьи 21, пункт 1 статьи 27 ГК РФ), выплата средств на его содержание в соответствии с пунктом 2 статьи 120 СК РФ прекращается.

31. Если требование о взыскании алиментов предъявлено одновременно с иском об установлении отцовства или материнства, в случае удовлетворения иска об установлении отцовства или материнства алименты присуждаются со дня предъявления иска. Вместе с тем необходимо учитывать, что предусмотренная абзацем вторым пункта 2 статьи 107 СК РФ возможность принудительного взыскания средств на содержание ребенка за прошлое время в указанном случае исключается, поскольку до удовлетворения иска об установлении отцовства или материнства ответчик в установленном порядке не был признан отцом (матерью) ребенка.

При удовлетворении требований об установлении отцовства (материнства) и взыскании алиментов, рассмотренных одновременно, следует иметь в виду, что решение в части взыскания алиментов в силу абзаца второго статьи 211 ГПК РФ подлежит немедленному исполнению.

32. Согласно пункту 1 статьи 108 СК РФ при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей суд вправе вынести постановление о взыскании алиментов до вынесения судом решения о взыскании алиментов.

По смыслу указанной нормы взыскание алиментов на несовершеннолетних детей до вынесения судом решения по делу допускается в любое время после принятия судом к производству заявления о взыскании алиментов, если имеются основания полагать, что ответчик не выполняет обязанность по содержанию детей.

Такое постановление может быть вынесено судьей или судом вне судебного заседания в рамках судебной процедуры обеспечения иска (статьи 140, 141 ГПК РФ) до вынесения судом решения о взыскании алиментов, то есть до рассмотрения спора по существу.

33. В соответствии с пунктом 2 статьи 60 СК РФ суд вправе, исходя из интересов детей, по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты на несовершеннолетних детей, вынести решение о перечислении не более пятидесяти процентов сумм алиментов, подлежащих выплате, на счета, открытые на имя несовершеннолетних детей в банках.

Если такое требование заявлено родителем, с которого взыскиваются алименты на основании судебного приказа или решения суда, оно разрешается судом в порядке статьи 203 ГПК РФ.

Принятие судом решения об удовлетворении указанного требования возможно, в частности, в случае ненадлежащего исполнения родителем, получающим алименты, обязанности по расходованию соответствующих выплат на содержание, воспитание и образование ребенка и сохранения при таком способе исполнения решения суда уровня материального обеспечения ребенка, достаточного для его полноценного развития (питание, образование, воспитание и т.д.).

34. В случае взыскания алиментов на основании пункта 1 статьи 81 СК РФ в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителей на двух и более детей суду следует указать в резолютивной части решения (в судебном приказе) размер взыскиваемой доли, а также последующее изменение этой доли и периоды взыскания алиментов в новом размере в зависимости от достижения каждым из детей совершеннолетнего возраста.

35. С учетом положений статьи 117 СК РФ в резолютивной части решения суда, которым удовлетворено требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме, должны в том числе содержаться следующие сведения: размер твердой денежной суммы алиментов в числовом выражении, а также эквивалент этой суммы (кратность, доля) с точностью до копеек относительно величины прожиточного минимума на детей, определенной в соответствии с правилами пункта 1 статьи 117 СК РФ.

В резолютивной части решения должно также содержаться указание о необходимости индексации алиментов по правилам, предусмотренным пунктом 1 статьи 117 СК РФ.

36. Если при исполнении судебного приказа или решения суда о взыскании алиментов ребенок, на которого они были присуждены, перешел на воспитание и содержание к родителю, выплачивающему на него алименты, а взыскатель не отказался от их получения, освобождение от уплаты алиментов, а также от задолженности по алиментам производится не в порядке исполнения решения, а путем предъявления этим родителем соответствующего иска, поскольку в силу закона вопросы взыскания алиментов и освобождения от их уплаты при наличии спора решаются судом в порядке искового производства.

При отказе взыскателя в указанных случаях от дальнейшего взыскания алиментов или задолженности по алиментам исполнительное производство подлежит прекращению судом (статья 439 ГПК РФ, пункт 2 части 2 статьи 43 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ).

37. В соответствии с абзацем третьим пункта 2 статьи 120 СК РФ выплата алиментов, взыскиваемых в судебном порядке, прекращается при усыновлении (удочерении) ребенка, на содержание которого взыскивались алименты.

Если на момент вступления в законную силу решения суда об усыновлении у родителя усыновленного ребенка, обязанного уплачивать алименты, имеется задолженность по алиментам, вопрос об освобождении от уплаты задолженности или об уменьшении задолженности разрешается судом по иску указанного родителя с учетом положений пункта 2 статьи 114 СК РФ.

Судам следует иметь в виду, что решение суда об усыновлении не освобождает родителя усыновленного ребенка, с которого в судебном порядке взыскивались алименты на данного ребенка, от дальнейшей их уплаты, если при усыновлении ребенка за этим родителем в соответствии с пунктом 3 статьи 137 СК РФ были сохранены личные неимущественные и имущественные права и обязанности. В указанном случае все вопро-

сы, связанные с изменением размера взыскиваемых алиментов, освобождением от их уплаты, а также от уплаты задолженности по алиментам, должны рассматриваться судом в порядке искового производства по заявлению заинтересованных лиц.

Взыскание алиментов на нетрудоспособных нуждающихся в помощи совершеннолетних детей. Алиментная обязанность совершеннолетних детей в отношении родителей

38. Иски о взыскании алиментов на нетрудоспособных нуждающихся в помощи совершеннолетних детей (пункт 1 статьи 85 СК РФ) могут быть предъявлены самими совершеннолетними, а если они в установленном законом порядке признаны недееспособными, - лицами, назначенными их опекунами.

Следует иметь в виду, что трудоспособные дети старше восемнадцати лет, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, не относятся к лицам, имеющим право на алименты на основании указанной нормы.

Размер подлежащих взысканию алиментов устанавливается судом в соответствии с пунктом 2 статьи 85 СК РФ. При этом с учетом конкретных обстоятельств дела суд может взыскать алименты, установив период, в течение которого они подлежат взысканию (например, на период установления истцом инвалидности, если установлен срок пересвидетельствования учреждением медико-социальной экспертизы). В данном случае суду следует указать конкретную дату, до наступления которой алименты подлежат взысканию с ответчика ежемесячно.

39. В соответствии с пунктом 1 статьи 87 СК РФ нетрудоспособные нуждающиеся в помощи родители вправе требовать предоставления содержания от своих трудоспособных совершеннолетних детей.

При рассмотрении указанного иска суд выясняет, имеются ли у данных родителей другие трудоспособные совершеннолетние дети, кто из них и в какой форме и размерах оказывает им помощь, и в зависимости от установленного может на основании пункта 4 статьи 87 СК РФ определить размер алиментов в том числе с учетом названных обстоятельств независимо от того, предъявлено родителями требование ко всем детям, к одному из них или к нескольким из них.

Если судом будет установлено, что истцы лишены родительских прав в отношении ответчика, суд отказывает в удовлетворении требования о взыскании алиментов (абзац второй пункта 5 статьи 87 СК РФ). В случае установления обстоятельств, подтверждающих факт уклонения истцов от выполнения обязанностей родителей (по воспитанию, содержанию детей и других), суд может отказать в удовлетворении иска о взыскании алиментов (пункт 5 статьи 87 СК РФ).

Дополнительные расходы на детей

40. Исходя из смысла статьи 86 СК РФ родители, с которых взысканы алименты на несовершеннолетних детей или на нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся в помощи детей, могут быть привлече-

ны судом к участию в несении дополнительных расходов на указанных детей, вызванных исключительными обстоятельствами.

К таким обстоятельствам относятся, например, тяжелая болезнь, увечье несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, требующие, в частности, оплаты постороннего ухода за детьми, иных расходов, необходимых для излечения или поддержания здоровья детей, а также для их социальной адаптации и интеграции в общество (расходы на протезирование, на приобретение лекарств, специальных средств для ухода, передвижения или обучения и т.п.).

41. Решая вопрос о взыскании дополнительных расходов, являющихся одной из разновидностей алиментных платежей, суду, в частности, следует учитывать, какие доказательства представлены истцом в подтверждение необходимости несения данных расходов (например, назначение врача, программа реабилитации), а также являются ли эти расходы следствием обстоятельств, носящих исключительный характер.

Размер дополнительных расходов, подлежащий определению в твердой денежной сумме, по общему правилу, взыскивается ежемесячно (абзац второй пункта 1 статьи 86 СК РФ) и с учетом конкретных обстоятельств дела дополнительные расходы могут быть взысканы с ответчика однократно (например, в случае, когда истцом заявлено требование о взыскании фактически понесенных им расходов).

Алиментные обязательства супругов и бывших супругов

42. При разрешении иска одного из супругов к другому супругу о взыскании алиментов необходимо иметь в виду, что права и обязанности супругов, включая и обязанность материально поддерживать друг друга, возникают со дня государственной регистрации заключения брака (пункт 2 статьи 10 и пункт 1 статьи 89 СК РФ, глава III Федерального закона от 15 ноября 1997 года N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»).

Круг лиц, имеющих право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга (бывшего супруга), обладающего необходимыми для этого средствами, установлен законом (пункт 2 статьи 89, пункт 1 статьи 90 СК РФ).

В случае признания брака недействительным добросовестный супруг также вправе обратиться в суд с иском к бывшему супругу о взыскании алиментов (пункт 4 статьи 30 СК РФ).

43. Поскольку в соответствии с абзацем первым пункта 2 статьи 89 и абзацем первым пункта 1 статьи 90 СК РФ супруг вправе требовать алименты только от супруга (бывшего супруга), обладающего необходимыми для этого средствами, иск о взыскании алиментов с супруга (бывшего супруга) может быть удовлетворен судом, если взыскание с ответчика алиментов не приведет к невозможности удовлетворения жизненных потребностей данного лица и членов его семьи, которых он по закону обязан содержать, за счет средств, оставшихся после уплаты алиментов.

44. В соответствии с абзацем третьим пункта 2 статьи 89 и абзацем вторым пункта 1 статьи 90 СК РФ жена (бывшая жена) вправе требовать предоставления содержания от супруга (бывшего супруга) в период беременности и в течение трех лет со дня рождения их общего ребенка.

Наличие у истца в указанные периоды заработка либо иного дохода может быть учтено судом при определении размера алиментов, подлежащих взысканию с ответчика.

В случае, если уход за общим ребенком супругов до достижения им возраста трех лет осуществляется отцом ребенка, а мать ребенка устранилась от его воспитания и содержания, исходя из аналогии закона (статья 5 СК РФ) указанный супруг (бывший супруг) вправе обратиться в суд с иском к супруге (бывшей супруге) о предоставлении содержания до достижения ребенком возраста трех лет.

45. В соответствии с абзацем четвертым пункта 1 статьи 90 СК РФ право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеет нетрудоспособный нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака.

Исходя из смысла абзаца четвертого пункта 1 статьи 90 СК РФ возникновение нетрудоспособности у нуждающегося бывшего супруга до вступления в брак с ответчиком само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении его иска о взыскании алиментов.

46. Разрешая иск нуждающегося бывшего супруга, достигшего пенсионного возраста, о взыскании алиментов с бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, на основании абзаца пятого пункта 1 статьи 90 СК РФ, под указанным в данной норме пенсионным возрастом следует понимать достижение истцом общеустановленного пенсионного возраста.

К юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению судом в целях разрешения вопроса о том, состояли ли стороны в браке длительное время, в частности, относится установление периода (периодов), в течение которого стороны состояли в браке, причин, послуживших основанием к расторжению брака.

47. При применении положений статьи 92 СК РФ, устанавливающей основания, при наличии которых суд может освободить супруга от обязанности содержать другого нетрудоспособного нуждающегося в помощи супруга или ограничить эту обязанность определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения, необходимо учитывать, что наступление нетрудоспособности супруга вследствие злоупотребления им спиртными напитками или наркотическими средствами должно быть подтверждено соответствующими медицинскими документами, а факт совершения супругом умышленного преступления, в результате которого он стал нетрудоспособным, - вступившим в законную силу обвинительным приговором суда либо постановлением (определением) суда или постановлением органа предварительного расследования

о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию.

Суд может отказать в удовлетворении требования супруга об освобождении его от обязанности по содержанию другого супруга по причине непродолжительности пребывания их в браке и удовлетворить иск о взыскании алиментов, например, если супруга, требующая взыскания алиментов, стала инвалидом в период брака в связи с тяжелыми родами.

Исходя из аналогии закона (статья 5 СК РФ) правила, предусмотренные статьей 92 СК РФ, могут быть также применены судом, если требование о взыскании алиментов предъявлено нетрудоспособным нуждающимся в помощи бывшим супругом.

Алиментные обязательства других членов семьи

48. К другим членам семьи, имеющим право на алименты, относятся: несовершеннолетние и совершеннолетние нетрудоспособные братья и сестры, несовершеннолетние и совершеннолетние нетрудоспособные внуки, нетрудоспособные дедушки и бабушки, нетрудоспособные фактические воспитатели, нетрудоспособные отчим и мачеха (статьи 93 - 97 СК РФ).

При рассмотрении судами исков указанных лиц о взыскании алиментов следует иметь в виду, что право на получение алиментов от членов семьи, названных в статьях 93 - 97 СК РФ, возникает при условии невозможности получения истцами содержания соответственно от родителей, трудоспособных совершеннолетних детей или супругов (бывших супругов). Решая вопрос о том, имеется ли возможность получения содержания от данных членов семьи, суду, в частности, необходимо исследовать, являются эти члены семьи трудоспособными, а также причины, по которым алименты не могут быть получены от них.

49. Предусмотренная статьей 93 СК РФ обязанность совершеннолетних братьев и сестер содержать своих несовершеннолетних, а также нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся в помощи братьев и сестер распространяется как на полнородных, так и на неполнородных братьев и сестер.

50. Под фактическими воспитателями, обязанность по содержанию которых возлагается на их воспитанников (статья 96 СК РФ), следует понимать как родственников ребенка, так и лиц, не состоящих с ним в родстве, которые осуществляли воспитание и содержание ребенка, не являясь при этом усыновителем, опекуном (попечителем), приемным родителем или патронатным воспитателем ребенка.

С учетом того, что в соответствии с пунктом 2 статьи 96 СК РФ суд вправе освободить воспитанников от обязанности содержать фактических воспитателей, если последние содержали и воспитывали их менее пяти лет, а также если они содержали и воспитывали своих воспитанников ненадлежащим образом, к юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению при разрешении исков фактических воспитателей о взыскании алиментов, относятся, в частности: срок, в течение которого осуществлялось фактическое воспитание и содержание детей, причины, по которым воспитатели прекратили их воспита-

ние и содержание (например, вследствие болезни фактического воспитателя, возвращения детей родителям, достижения детьми возраста восемнадцати лет), а также добросовестно ли фактические воспитатели осуществляли воспитание и содержание воспитанников.

51. В силу положений статьи 97 СК РФ суд вправе взыскать алименты с пасынков и падчериц на нетрудоспособных нуждающихся в помощи отчима или мачеху, воспитывавших и содержащих их не менее пяти лет (если эти обязанности выполнялись ими надлежащим образом), в том числе и в случае, когда родитель, проживающий отдельно от ребенка, в указанный период принимал участие в содержании и воспитании данного ребенка.

Если брак между указанным отчимом (мачехой) и родителем пасынка (падчерицы) был прекращен вследствие смерти или объявления умершим родителя пасынка (падчерицы), то данное обстоятельство не может служить основанием для отказа в удовлетворении иска отчима (мачехи) о взыскании алиментов с пасынка (падчерицы).

52. Исходя из положений пункта 3 статьи 98 СК РФ, если иск о взыскании алиментов на члена семьи, указанного в статьях 93 - 97 СК РФ, предъявлен ко всем лицам, обязанным одновременно его содержать, суд определяет размер алиментов, подлежащий уплате каждым из обязанных лиц, с учетом их материального, семейного положения, а также иных заслуживающих внимания обстоятельств. В случае предъявления иска к одному или нескольким из обязанных лиц суд может учесть всех лиц, которые обязаны содержать истца, и определить размер алиментов, подлежащий взысканию, с учетом этих лиц.

Рассмотрение судами дел, связанных с изменением, расторжением и признанием недействительным соглашения об уплате алиментов

53. Согласно статьям 99 и 100 СК РФ под соглашением об уплате алиментов понимается нотариально удостоверенное письменное соглашение между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя - между законными представителями этих лиц относительно размера, условий и порядка выплаты алиментов. Не полностью дееспособные лица заключают соглашение об уплате алиментов с согласия их законных представителей.

Указанное соглашение имеет силу исполнительного листа и исполняется по правилам исполнительного производства, установленным Федеральным законом от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ (пункт 2 статьи 100 СК РФ, пункт 3 части 1 статьи 12 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ).

Соглашение об уплате алиментов следует отличать от гражданско-правовых договоров о предоставлении содержания, заключенных между иными лицами, не относящимися к названным выше (например, договор о предоставлении содержания трудоспособному совершеннолетнему ребенку на период его обучения), на которые не распространяются правила, предусмотренные Семейным кодексом Российской Федерации

в отношении соглашения об уплате алиментов (например, об индексации денежных сумм в соответствии со статьей 117 СК РФ).

54. Разрешая споры об изменении, расторжении соглашения об уплате алиментов либо о признании такого соглашения недействительным, необходимо учитывать, что к заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок (пункт 1 статьи 101 СК РФ).

С учетом положений названной нормы, а также пункта 4 статьи 101 СК РФ спор об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов может быть рассмотрен судом по существу только в случае представления истцом доказательств, подтверждающих принятие им мер по урегулированию спора с ответчиком, предусмотренных пунктом 2 статьи 452 ГК РФ.

Если истец не представит такие доказательства, судья на основании пункта 1 части 1 статьи 135 ГПК РФ возвращает исковое заявление, а если дело возбуждено - оставляет исковое заявление без рассмотрения на основании абзаца второго статьи 222 ГПК РФ и разъясняет истцу его право обратиться по указанному вопросу к стороне соглашения об уплате алиментов.

55. Изменение материального или семейного положения сторон может быть признано судом существенным и явиться основанием для удовлетворения требования об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов, если материальное или семейное положение сторон изменилось настолько, что в случае, если бы такое положение имело место на момент заключения соглашения, оно не было бы заключено в связи с нарушением интересов любой из сторон соглашения, либо стороны заключили его на значительно отличающихся условиях.

56. В силу пункта 1 статьи 101 СК РФ соглашение об уплате алиментов может быть признано судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации, к которым, в частности, относятся: заключение соглашения с лицом, признанным недееспособным (статья 171 ГК РФ), заключение соглашения под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (статья 179 ГК РФ), мнимые и притворные соглашения (статья 170 ГК РФ).

В соответствии со статьей 102 СК РФ суд также вправе по требованию законного представителя несовершеннолетнего ребенка или совершеннолетнего недееспособного члена семьи, органа опеки и попечительства или прокурора признать недействительным нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов, если условия предоставления содержания несовершеннолетнему ребенку или совершеннолетнему недееспособному члену семьи существенно нарушают интересы этих лиц, например, установленный соглашением размер алиментов на несовершеннолетнего ниже размера алиментов, которые он мог бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке.

**Разрешение споров об изменении
установленного судом размера алиментов
и освобождении от уплаты алиментов.
Задолженность по алиментам**

57. Требование об изменении размера алиментов либо об освобождении от их уплаты (пункт 1 статьи 119 СК РФ) может быть предъявлено как лицом, обязанным уплачивать алименты, так и получателем алиментов в случае изменения материального или семейного положения любой из сторон.

При разрешении требования родителя, уплачивающего алименты на несовершеннолетнего ребенка, о снижении размера алиментов следует иметь в виду, что изменение материального или семейного положения данного родителя не является безусловным основанием для удовлетворения его иска, поскольку необходимо установить, что такие изменения не позволяют ему поддерживать выплату алиментов в прежнем размере.

58. Взыскание алиментов на несовершеннолетнего ребенка по решению суда (судебному приказу) в доле отношении к заработку и (или) иному доходу плательщика алиментов не препятствует получателю алиментов при наличии предусмотренных законом оснований (статья 83 СК РФ) потребовать взыскания алиментов в твердой денежной сумме и (или) одновременно в долях и в твердой денежной сумме.

Указанное требование рассматривается судом в порядке искового производства, а не по правилам, предусмотренным статьей 203 ГПК РФ, поскольку в данном случае должен быть решен вопрос об изменении размера алиментов, а не об изменении способа и порядка исполнения решения суда.

59. Если совершеннолетним лицам, получающим алименты, предоставлены социальные услуги в стационарной форме в организациях социального обслуживания бесплатно (например, когда они проживают в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, ветеранов войны и труда, в иных организациях, осуществляющих стационарное социальное обслуживание) либо такие лица переданы на обеспечение (попечение) общественной или других организаций или граждан (в частности, в случае заключения с ними договоров пожизненного содержания с иждивением), то указанные обстоятельства могут явиться основаниями для освобождения плательщика алиментов от их уплаты, если отсутствуют исключительные обстоятельства, делающие необходимыми дополнительные расходы (особый уход, лечение, питание и т.п.), поскольку в силу абзаца четвертого пункта 2 статьи 120 СК РФ право на получение содержания утрачивается в случае прекращения нуждаемости в помощи получателя алиментов.

В соответствии с пунктом 1 статьи 119 СК РФ суд вправе также снизить размер алиментов, уплачиваемых по ранее вынесенному решению, приняв во внимание характер дополнительных расходов.

60. При изменении ранее установленного судом размера алиментов на детей и других членов семьи взыскание их во вновь установленном размере производится со дня вступления в законную силу вынесенного об этом решения суда.

Суд, изменивший размер взыскиваемых алиментных платежей, должен выслать копию решения суду, первоначально разрешившему дело о взыскании алиментов.

При отзыве исполнительного документа о взыскании алиментов в размере, ранее установленном, суду следует указать, что при наличии по указанному исполнительному документу задолженности судебный пристав-исполнитель сообщает об этом суду и продолжает исполнение исполнительного документа до погашения задолженности. После взыскания задолженности в полном объеме исполнительный документ возвращается в суд, его отозвавший.

61. Исходя из положений пункта 2 статьи 114 СК РФ при наличии доказательств, свидетельствующих об ухудшении материального положения истца (например, снижение его заработка либо иного дохода) и (или) об изменении его семейного положения (например, увеличение числа лиц, которым он по закону обязан предоставлять содержание), суд вправе принять решение об удовлетворении его иска об освобождении его полностью или частично от уплаты задолженности по алиментам (пункт 2 статья 114 СК РФ), если будет установлено, что неуплата алиментов имела место по уважительным причинам (например, в связи с болезнью этого лица, прохождением им срочной военной службы, вследствие обстоятельств непреодолимой силы), а изменения материального и (или) семейного положения истца привели к невозможности погашения образовавшейся задолженности по алиментам.

Освобождение плательщика алиментов полностью или частично от уплаты задолженности по алиментам на основании пункта 2 статьи 114 СК РФ не влечет признания постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании задолженности по алиментам незаконным.

62. Размер задолженности по алиментам определяется в постановлении судебного пристава-исполнителя исходя из размера алиментов, установленного судебным актом или соглашением об уплате алиментов (пункт 3 статьи 113 СК РФ, часть 2 статьи 102 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ).

В случае, если какая-либо из сторон не согласна с определением задолженности по алиментам, исходя из положений пункта 5 статьи 113 СК РФ, части 4 статьи 102 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ указанный вопрос подлежит разрешению судом в порядке искового производства по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством.

Лица, обязанные уплачивать алименты на несовершеннолетнего ребенка, либо получатели этих алиментов, полагающие, что определение задолженности, произведенное судебным приставом-исполнителем на основании пункта 4 статьи 113 СК РФ исходя из размера средней заработной платы в Российской Федерации, существенно нарушает их интересы, вправе обратиться в суд с иском об определении задолженности по алиментам в твердой денежной сумме с учетом их материального и семейного положения и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Ответственность за несвоевременную уплату алиментов

63. Предусмотренная пунктом 2 статьи 115 СК РФ ответственность лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, за несвоевременную уплату алиментов (уплата неустойки, возмещение убытков) наступает в случае образования задолженности по вине плательщика алиментов.

64. С учетом того, что обязанность по уплате алиментов носит ежемесячный характер, неустойку за неуплату алиментов, предусмотренную пунктом 2 статьи 115 СК РФ, необходимо определять по каждому просроченному месячному платежу исходя из суммы этого платежа и количества дней его просрочки, определяемого на день вынесения решения суда о взыскании неустойки.

Если индексация размера взысканных по решению суда алиментов не производилась, следует исходить из того размера алиментов, в каком должник должен был уплачивать алименты с учетом индексации, установленной статьей 117 СК РФ.

65. Исходя из положений статьи 4 СК РФ и статьи 208 ГК РФ суд может по заявлению стороны в споре применить исковую давность и отказать в удовлетворении иска (полностью или в части) о взыскании неустойки по мотиву пропуска срока исковой давности, исчисляемого отдельно по каждому просроченному месячному платежу (статьи 196 и 199 ГК РФ).

66. В связи с принятием настоящего постановления признать утратившими силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 года N 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 года N 6 и от 16 мая 2017 года N 16), абзацы второй - четвертый пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 года N 6 и от 14 ноября 2017 года N 44).

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Верховным Судом РФ даны разъяснения по использованию документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 26 декабря 2017 г. N 57

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами положений законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения.

Общие положения

1. Для целей применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов, используются следующие понятия:

обращение в суд - документ, созданный в соответствии с процессуальным законодательством, направленный в суд (например, исковое заявление, заявление, в том числе заявление о выдаче судебного приказа, административное исковое заявление, ходатайство, жалоба);

документ в электронном виде - электронный образ документа или электронный документ;

электронный образ документа (электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе) - переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

электронный документ - документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

электронная подпись - информация в электронной форме, присоединенная к подписываемому электронному документу или иным образом связанная с ним и позволяющая идентифицировать лицо, подписавшее электронный документ;

простая электронная подпись - электронная подпись, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом;

усиленная квалифицированная электронная подпись - электронная подпись, соответствующая требованиям, предусмотренным частью 4 статьи 5 Фе-

дерального закона от 6 апреля 2011 года N 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее - Закон об электронной подписи);

квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи (далее также - квалифицированный сертификат) - электронный документ или документ на бумажном носителе, созданный аккредитованным удостоверяющим центром либо федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере использования электронной подписи, подтверждающий принадлежность ключа проверки электронной подписи владельцу квалифицированного сертификата и соответствующий требованиям, установленным Законом об электронной подписи и иными принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами;

судебный акт - судебное постановление, принятое в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, судебный акт, принятый в порядке, предусмотренном законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах, законодательством об административном судопроизводстве, судебное решение, вынесенное в порядке, предусмотренном законодательством об уголовном судопроизводстве, за исключением определений, которые заносятся в протокол судебного заседания (протокольные определения);

система автоматизации судопроизводства - программно-технический комплекс, обеспечивающий ведение судебного делопроизводства, закрепление в электронном виде результатов и хода осуществляемых судом и другими участниками судопроизводства процессуальных действий (в частности, Автоматизированная информационная система Верховного Суда Российской Федерации, Государственная автоматизированная система «Правосудие», иные автоматизированные информационные системы судов общей юрисдикции, комплекс автоматизированных информационных систем арбитражных судов, включая автоматизированную информационную систему «Судопроизводство», программный комплекс «Судебно-арбитражное делопроизводство», информационные системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов»);

личный кабинет - информационный ресурс, индивидуально создаваемый для лица, участвующего в деле, участника уголовного судопроизводства в системе автоматизации судопроизводства и предназначенный для реализации возможности подачи обращений в суд в электронном виде и получения копий судебных актов, извещений, вызовов и иных документов в электронном виде;

заполнение формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее - сеть «Интернет») - способ направления обращения в суд и прилагаемых к нему документов через личный кабинет системы автоматизации судопроизводства, доступ к которому обеспечивается с официального сайта суда в сети «Интернет»;

размещение судом на его официальном сайте в сети «Интернет» информации, судебных актов и их копий - включение в систему автоматизации судопроизводства информации, судебных актов и их копий с обе-

спечением доступа к ним с официального сайта соответствующего суда в сети «Интернет».

2. Суды общей юрисдикции, арбитражные суды (далее также - суды) в силу части 4 статьи 1, части 3 статьи 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ), части 5 статьи 3, части 6 статьи 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ), части 4 статьи 2, части 6 статьи 15 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее - КАС РФ) вправе разрешать вопросы, связанные с использованием в своей деятельности документов в электронном виде на основе применения норм, регулирующих сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм - исходить из общих начал и смысла законодательства (аналогия права).

Подача в суды общей юрисдикции и арбитражные суды документов в электронном виде

3. Как следует из частей 1, 1.1 статьи 3, части 1.1 статьи 35 ГПК РФ, частей 1, 7 статьи 4, части 1 статьи 41 АПК РФ, части 2 статьи 45 КАС РФ, граждане, организации, государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы, должностные лица, лица, наделенные государственными или иными публичными полномочиями, вправе направлять обращения в суд в электронном виде (например, исковые заявления, заявления, в том числе заявления о выдаче судебного приказа, административные иски, ходатайства, жалобы).

По смыслу части 1 статьи 474.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) участники уголовного судопроизводства вправе направлять в суд в электронном виде ходатайства, заявления, жалобы, представления в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу, в том числе по вопросам, связанным с исполнением судебного акта.

Обращения в электронном виде подаются в суды посредством заполнения формы, размещенной на официальных сайтах судов в сети «Интернет», в соответствии с порядками подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утверждаемыми Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в пределах своих полномочий.

4. Обращение в суд может быть подписано простой электронной подписью, а в случаях, предусмотренных законодательством, должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью (например, заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, заявление об обеспечении иска, заявление о применении мер предварительной защиты).

Если обращение в суд в силу закона подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью, то доверенность или иной документ, подтверждающий полномочия представителя на подписание такого обращения в суд, также должны быть подписаны (заверены) усиленной квалифицированной электронной подписью представляемого лица и (или) нотариуса.

В указанном случае нотариальные доверенности в виде электронного образа должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса, а в виде электронного документа - представляемого лица и нотариуса.

Если законодательством не установлено требование о подписании обращения в суд усиленной квалифицированной электронной подписью, то при подаче представителем обращения в виде электронного образа документа к обращению прилагаются доверенность или иной документ, подтверждающий полномочия на подписание обращения в суд, в виде электронного образа документа, заверенного простой электронной подписью лица, подающего документы в суд.

5. В рамках уголовного судопроизводства обращение в суд (ходатайство, заявление, в том числе связанное с предъявлением гражданского иска и отказом от него, жалоба, представление) может быть подано в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью участника уголовного судопроизводства, его подающего.

Обращение в суд может быть также подано в виде электронного образа документа, заверенного в целях защиты прав участников уголовного судопроизводства усиленной квалифицированной электронной подписью подающего его участника уголовного судопроизводства.

При отсутствии у участника уголовного судопроизводства усиленной квалифицированной электронной подписи обращение в суд может быть подано на бумажном носителе.

Приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению электронные документы или электронные образы документов, изготовленные иным лицом, органом, организацией, подписываются либо заверяются усиленной квалифицированной электронной подписью соответственно этого лица, органа, организации (часть 1 статьи 474.1 УПК РФ, статья 12.2 Федерального закона от 18 декабря 2001 года N 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года N 46-П, Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 года N 251, Порядок подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 сентября 2017 года N 168).

6. Как следует из части 2 статьи 17 Закона об электронной подписи, квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи может содержать сведения об ограничениях использования квалифицированного сертификата (например, документ, подписанный усиленной квалифицированной элек-

тронной подписью, квалифицированный сертификат ключа проверки которой содержит ограничение его использования сферой государственных закупок, будет иметь юридическое значение исключительно в данной сфере).

Квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи, которой подписано обращение в суд, не должен содержать ограничений для ее использования в целях обращения в суд.

Квалифицированный сертификат, содержащий информацию о правомочиях владельца квалифицированного сертификата действовать от имени определенного лица, в том числе о полномочиях на подписание обращения в суд, не заменяет доверенность или иной документ, подтверждающий полномочия представителя.

7. Обращение в суд от имени юридического лица может быть подписано лицом, имеющим право действовать без доверенности, либо представителем личной усиленной квалифицированной электронной подписью физического лица либо подписью физического лица, исполняющего соответствующие должностные обязанности, квалифицированный сертификат которой выдан данному юридическому лицу (часть 3 статьи 14 Закона об электронной подписи).

С учетом этих положений при принятии обращения в суд от имени юридического лица, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, необходимо проверять, указано в квалифицированном сертификате в качестве его владельца только физическое лицо (личная подпись физического лица) либо наряду с физическим лицом указано наименование юридического лица, которому выдан данный сертификат (подпись исполняющего должностные обязанности физического лица).

При этом обращение в суд от имени юридического лица не считается подписанным, если в качестве владельца квалифицированного сертификата не указано физическое лицо (часть 4 статьи 131 ГПК РФ, часть 1 статьи 125 АПК РФ, часть 1 статьи 125 КАС РФ, часть 3 статьи 14 Закона об электронной подписи).

8. В тех случаях, когда физическое лицо обращается в суд от своего имени, его обращение может быть подписано личной усиленной квалифицированной электронной подписью данного физического лица либо усиленной квалифицированной электронной подписью, выданной данному физическому лицу как лицу, исполняющему должностные обязанности (часть 1.1 статьи 3, часть 1.1 статьи 35 ГПК РФ, часть 7 статьи 4, часть 1 статьи 41 АПК РФ, часть 2 статьи 45 КАС РФ, часть 3 статьи 14 Закона об электронной подписи).

9. Документы, прилагаемые к обращению, подаваемому в суд в электронном виде, и подтверждающие соблюдение предусмотренных законом процессуальных условий подачи обращения (например, документ об уплате государственной пошлины, в том числе формируемый посредством платежных онлайн-систем, банкоматов, мобильных приложений и платежных устройств, доверенность, ордер адвоката, документ об образовании представителя по административному делу), представляются в виде электронных образов документов, заверенных простой электронной подписью или усиленной квалифицированной электронной под-

письму лица, подающего документы, либо в виде электронных документов.

В случае подачи указанных документов в виде электронных образов суд после принятия обращения к производству вправе потребовать представления подлинников данных документов либо их копий, заверенных в порядке, предусмотренном для заверения соответствующих письменных доказательств (часть 2 статьи 71 ГПК РФ, часть 8 статьи 75 АПК РФ, часть 2 статьи 70 КАС РФ). При непредставлении подлинников или копий таких документов в указанный судом разумный срок исковое заявление, заявление, административное исковое заявление, жалоба (представление) могут быть оставлены без рассмотрения (пункт 5 части 1 статьи 196 КАС РФ, часть 4 статьи 1 ГПК РФ, часть 5 статьи 3 АПК РФ).

10. Если исковое заявление, заявление, административное исковое заявление, жалоба или представление и приложенные к ним документы поданы в суд в электронном виде и судьей вынесено определение (постановление) об отказе в принятии или о возвращении такого обращения, то поданные в электронном виде документы не прилагаются к копии соответствующего определения (постановления) (статьи 134, 135 ГПК РФ, статьи 127.1, 129 АПК РФ, статьи 128, 129 КАС РФ, часть 4 статьи 389.6, статьи 401.5, 412.4 УПК РФ).

11. Согласно пункту 1 части 3 статьи 135 КАС РФ при подготовке административного дела к судебному разбирательству суд обязан направить административному ответчику и заинтересованному лицу копии административного искового заявления и приложенных к нему документов, если они не направлены им административным истцом.

Для обеспечения возможности исполнения данной обязанности в определении о принятии к производству административного искового заявления следует указывать на необходимость сообщения суду административным ответчиком и заинтересованным лицом, обладающими государственными или иными публичными полномочиями, адреса электронной почты, на который им могут быть направлены названные выше копии заявления и документов, поданных в суд в электронном виде, имея в виду, что в отличие от административного истца, обладающего государственными или иными публичными полномочиями, который обязан направить другим участвующим в деле лицам копии административного искового заявления и приложенных к нему документов, на административного истца, не обладающего указанными полномочиями, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации не возлагает такой обязанности (часть 7 статьи 125 КАС РФ).

При несообщении лицом, обладающим государственными или иными публичными полномочиями, адреса электронной почты в установленный судом срок копии административного искового заявления и приложенных к нему документов могут быть направлены на адрес электронной почты, указанный этим лицом ранее при подаче документов в суд в электронном виде (в том числе документов по иному делу), либо на адрес электронной почты, содержащийся на официальном сайте такого лица.

12. В случае если при рассмотрении дела в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, исковое заявление, жалоба (представление) и приложенные к ним документы поданы в суд в электронном виде, то при подготовке дела к судебному разбирательству суд предлагает истцу или его представителю в установленный судом срок передать ответчикам и третьим лицам копии искового заявления, жалобы (представления) и приложенные к ним документы (часть 4 статьи 1, абзац второй статьи 132 и пункт 1 части 1 статьи 149 ГПК РФ).

13. По смыслу части 4 статьи 1, части 3 статьи 108 ГПК РФ, части 5 статьи 3, части 6 статьи 114 АПК РФ, части 4 статьи 2, части 4 статьи 93 КАС РФ, статей 128, 129 УПК РФ при решении вопроса об истечении срока подачи обращения в суд (срока исковой давности) следует исходить из того, что обращение подано в суд на дату, указанную в уведомлении о поступлении документов в соответствующую информационную систему.

Судебные извещения

14. Информация о принятии обращения в суд к производству, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия размещается судом на официальном сайте соответствующего суда в сети «Интернет» с учетом сроков, предусмотренных процессуальным законодательством (часть 7 статьи 113 ГПК РФ, часть 1 статьи 121 АПК РФ, часть 7 статьи 96 КАС РФ).

Документами, подтверждающими размещение судом на его официальном сайте в сети «Интернет» сведений о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия, в том числе дату размещения указанных сведений, являются: отчет системы автоматизации судопроизводства о публикации судебного акта на официальном сайте суда в сети «Интернет», изготовленные на бумажном носителе копии страниц официального сайта суда, в которых содержится дата размещения информации и сама информация о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия.

Изготовленные на бумажном носителе копии страниц официального сайта суда, подтверждающие размещение судом указанных сведений, приобщаются к материалам дела.

Размещение информации, связанной с рассмотрением судом уголовного дела, на официальном сайте соответствующего суда в сети «Интернет» является дополнительным способом информирования участников уголовного судопроизводства о времени и месте судебного заседания.

15. По смыслу части 2.1 статьи 113 ГПК РФ, частей 1 и 6 статьи 121 АПК РФ, части 8 статьи 96 КАС РФ под получением первого судебного извещения или первого судебного акта лицом, участвующим в деле, иным участником процесса следует понимать получение, в том числе по электронной почте, судебного извещения либо вызова в предварительное судебное заседание, судебное заседание и (или) копии определения по делу (например, определения о принятии искового заявления к производству и возбуждении производ-

ства по делу, назначении времени и места судебного заседания, об отложении судебного разбирательства, а для лица, вступившего (привлеченного) в процесс после возбуждения производства по делу, - определения об удовлетворении ходатайства о вступлении в дело, определения о привлечении в качестве третьего лица либо заинтересованного лица к участию в деле; для лица, не участвовавшего в деле, но обжаловавшего принятый в отношении его прав и обязанностей судебный акт, - определения о принятии апелляционной (кассационной) жалобы, определения о передаче кассационной, надзорной жалобы, представления вместе с делом для рассмотрения в судебном заседании).

При рассмотрении дела в порядке, предусмотренном законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах, судебные акты, а при рассмотрении дела в порядке, предусмотренном законодательством об административном судопроизводстве, копии судебных актов, которыми назначаются время и место судебных заседаний или совершения отдельных процессуальных действий, размещаются на официальном сайте суда в сети «Интернет» в разделе, доступ к которому предоставляется лицам, участвующим в деле, и иным участникам процесса, в том числе посредством личного кабинета (далее - в режиме ограниченного доступа). При рассмотрении дела в порядке, предусмотренном законодательством об административном судопроизводстве, суд размещает копии указанных судебных актов при наличии технической возможности.

Наряду с размещением судебных актов (копий судебных актов) в режиме ограниченного доступа информация о времени и месте судебных заседаний, тексты судебных актов размещаются судом в порядке, предусмотренном статьями 14, 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 года N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

16. Если суд располагает сведениями о том, что лицам, указанным в части 2.1 статьи 113 ГПК РФ, части 1 статьи 121 АПК РФ, части 8 статьи 96 КАС РФ, известно о начавшемся процессе, то такие лица могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий, в том числе в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда в сети «Интернет».

Вместе с тем в целях соблюдения принципа равенства всех перед законом и судом, принципа состязательности, информирования лиц, участвующих в деле, о продолжении судебного процесса такие лица должны быть извещены также путем направления на бумажном носителе судебного извещения или вызова, судебного акта (копии судебного акта) о совершении следующих процессуальных действий:

о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (частной), кассационной, надзорной жалобы или представления;

о принятии к производству заявления, представления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам;

о назначении судебного заседания после принятия итогового судебного акта по делу (например, решения суда первой инстанции, определения о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения, судебного акта суда апелляционной, кассационной, надзорной инстанции, которым завершено производство по делу на соответствующей стадии процесса) для разрешения вопроса (заявления), подлежащего рассмотрению в рамках данного дела (например, вопроса о принятии дополнительно решения (определения, постановления), заявления о возмещении судебных расходов).

17. В ходе рассмотрения дела в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, об административном судопроизводстве, об уголовном судопроизводстве, при наличии технической возможности суд по заявлению лица, участвующего в деле, участника уголовного судопроизводства обязан направлять ему извещения, вызовы и иные документы, направление которых предусмотрено законом (их копии), в электронном виде, за исключением документов, содержащих информацию, доступ к которой в соответствии с законодательством ограничен (часть 1 статьи 35 ГПК РФ, часть 4 статьи 45 КАС РФ, часть 3 статьи 474.1 УПК РФ, пункт 4 статьи 12 Федерального закона от 23 июня 2016 года N 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» (далее - Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»)).

18. Органы местного самоуправления, иные органы и организации, к числу которых относятся любые юридические лица (часть 2.1 статьи 113 ГПК РФ), органы местного самоуправления, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями (часть 10 статьи 96 КАС РФ), вправе заявить ходатайство о направлении им судебных извещений и вызовов без использования сети «Интернет».

Данное ходатайство должно быть мотивированным и может подтверждаться доказательствами, свидетельствующими об отсутствии у лица, участвующего в деле, компьютерной техники, сотовых телефонов, иных средств коммуникации, обеспечивающих доступ к сети «Интернет», и (или) отсутствию возможности использовать данную сеть.

19. Лица, участвующие в деле, участники уголовного судопроизводства с их согласия могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания путем направления им извещений или вызовов по электронной почте (часть 1 статьи 96 КАС РФ, часть 4 статьи 1 ГПК РФ, часть 5 статьи 3 АПК РФ).

Согласие на извещение по электронной почте может быть выражено, в частности, посредством указания адреса электронной почты в тексте обращения в суд, а также при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет».

Судебное извещение, вызов, направленные по адресу электронной почты, указанному лицом, участвующим в деле, участником уголовного судопроизводства, считаются полученными такими лицами в день направления судебного извещения, вызова.

Подготовка и рассмотрение дела с использованием документов в электронном виде

20. Судья в определении о принятии к производству искового заявления, заявления, административного искового заявления, а также в ходе подготовки дела к судебному разбирательству и в процессе рассмотрения дела, в том числе гражданского иска в уголовном деле, вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить в указанный им срок требующиеся для рассмотрения дела документы в электронном виде (статья 35, 150 ГПК РФ, статьи 41, 135 АПК РФ, статьи 45, 135 КАС РФ, часть 4 статьи 44, часть 2 статьи 54, часть 1 статьи 474.1 УПК РФ).

В частности, суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить с возможностью копирования текста искового заявления, встречное исковое заявление, отзыв на иск, проект мирового соглашения (проект соглашения о примирении), ранее поданные на бумажном носителе, а также предложить представить доказательства, содержащие в том числе математические расчеты, в виде электронных таблиц с применением встроенных формул расчета каждого промежуточного и итогового значения, графические объекты, химические, физические и иные формулы.

21. Проект мирового соглашения (проект соглашения о примирении) может быть представлен в суд в виде электронного документа, подписанного сторонами усиленной квалифицированной электронной подписью, либо в виде электронного образа документа, содержащего графические подписи сторон, заверенного простой электронной подписью одной из сторон.

При этом вопрос об утверждении мирового соглашения (соглашения о примирении) рассматривается в судебном заседании (части 1 и 2 статьи 173 ГПК РФ, часть 2 статьи 141 АПК РФ, часть 4 статьи 137 КАС РФ).

22. После принятия к производству обращения, к которому в качестве доказательств обоснованности заявленных требований приложены распечатанные копии страниц сайтов в сети «Интернет», суд вправе в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства по делу в целях собирания (обеспечения) доказательств незамедлительно провести осмотр данных страниц (часть 4 статьи 1, статья 75 ГПК РФ, часть 5 статьи 3, статья 79 АПК РФ, часть 4 статьи 2, статья 74 КАС РФ).

Кроме того, доказательства, подтверждающие распространение определенной информации в сети «Интернет», до обращения заинтересованного лица в суд могут обеспечиваться нотариусом. При оценке таких доказательств суд не вправе признать недопустимым обеспеченное нотариусом доказательство только на основании того, что нотариус не известил о времени и месте его обеспечения владельца сайта или иное лицо, которое предположительно разместило в сети

«Интернет» информацию, относящуюся к предмету спора (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ, статья 84 КАС РФ).

23. Доказательства, истребуемые судом у лиц, не являющихся участниками судебного разбирательства, а также документы, представляемые в суд лицами, содействующими осуществлению правосудия (например, переводчиками, экспертами, специалистами), могут быть направлены в суд в том числе посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет» (статья 71 ГПК РФ, статья 75 АПК РФ, статья 70 КАС РФ).

24. В случае направления в суд электронных образцов доказательств суд после возбуждения производства по делу может потребовать представления подлинников данных доказательств, в частности, если

в соответствии с федеральным законом или иным нормативным правовым актом обстоятельства подлежат подтверждению только такими документами (например, векселем);

невозможно разрешить дело без подлинников документов (например, расписки заемщика);

представленные копии одного и того же документа различны по своему содержанию;

у судьи возникли основанные на материалах дела сомнения в достоверности представленных доказательств и (или) вопрос об их достоверности вынесен на обсуждение лиц, участвующих в деле (статья 67, 71 ГПК РФ, статьи 71, 75 АПК РФ, статьи 70, 84 КАС РФ).

При этом суд разъясняет последствия непредставления подлинников доказательств, к которым, в частности, относятся:

возможность рассмотрения дела по имеющимся в деле доказательствам (часть 2 статьи 150 ГПК РФ, часть 1 статьи 156 АПК РФ),

обоснование выводов суда объяснениями другой стороны спора (часть 1 статьи 68 ГПК РФ),

признание судом определенного факта установленным или опровергнутым (часть 3 статьи 79 ГПК РФ, часть 5 статьи 77 КАС РФ),

вывод суда о признании соответствующего обстоятельства другой стороной спора (часть 3.1 статьи 70 АПК РФ),

возникновение необходимости истребования доказательства судом по своей инициативе (часть 1 статьи 63 КАС РФ).

25. Если участниками уголовного судопроизводства представлены в суд документы в виде электронных образов, то суд в целях проверки и оценки доказательств вправе потребовать представления подлинников этих документов (статья 17, 85, 87, 88 УПК РФ).

Выполнение судебных актов в форме электронного документа

26. Судебные акты, в том числе заочное решение, особое мнение судьи, за исключением судебных актов, содержащих сведения, составляющие охраняемую законом тайну, а также иных судебных актов, указанных в части 2 статьи 474.1 УПК РФ, могут быть выполнены (изготовлены) в форме электронного документа, который подписывается судьей (судьями) усиленной квалифицированной электронной подписью (часть 1

статьи 13 ГПК РФ, часть 5 статьи 15 АПК РФ, часть 1.1 статьи 16 КАС РФ, часть 2 статьи 474.1 УПК РФ).

По просьбе (ходатайству) взыскателя при наличии технической возможности судебный приказ может быть выполнен и направлен судом общей юрисдикции в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (часть 1 статьи 130 ГПК РФ, часть 1 статьи 123.8 КАС РФ).

Если судебный акт выполняется в форме электронного документа, наряду с таким документом изготавливается экземпляр на бумажном носителе, подписанный собственноручно судьей (судьями) (часть 1 статьи 13 ГПК РФ, часть 5 статьи 15 АПК РФ, часть 1.1 статьи 16 КАС РФ, часть 2 статьи 474.1 УПК РФ, пункт 4 статьи 12 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»).

Экземпляр судебного акта, выполненный в форме электронного документа, и экземпляр судебного акта, выполненный на бумажном носителе, имеют равную юридическую силу.

Экземпляр судебного акта на бумажном носителе приобщается к материалам судебного дела. Экземпляр судебного акта в форме электронного документа хранится в системе автоматизации судопроизводства.

По ходатайству (заявлению) лица, участвующего в деле, участника уголовного судопроизводства и при наличии технической возможности судом может быть изготовлена и направлена в виде электронного образа, заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью, копия судебного акта, принятого до вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

27. Исходя из части 5 статьи 15, частей 5 и 6 статьи 19 АПК РФ в случае, если к рассмотрению дела привлечены арбитражные заседатели, судебный акт выполняется в форме электронного документа и подписывается усиленными квалифицированными электронными подписями судьи и арбитражных заседателей. При отсутствии такой возможности судебный акт выполняется на бумажном носителе.

Направление судебных актов и их копий в электронном виде

28. В случаях, предусмотренных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах, судебные акты, за исключением судебных актов, содержащих сведения, составляющие охраняемую законом тайну, а в случаях, предусмотренных законодательством о гражданском судопроизводстве, об административном судопроизводстве, копии судебных актов, за исключением копий судебных актов, содержащих сведения, составляющие охраняемую законом тайну, при наличии технической возможности направляются лицам, участвующим в деле, посредством их размещения на официальном сайте суда в сети «Интернет» в режи-

ме ограниченного доступа либо в виде электронного документа - для судебных актов, принятых в порядке, предусмотренном законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах (часть 1 статьи 177, часть 1 статьи 186 АПК РФ), либо в виде электронного образа судебного акта, заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью судьи или уполномоченного работника аппарата суда (часть 1 статьи 214, статья 227 ГПК РФ, часть 1.1 статьи 182, статья 201 КАС РФ, пункт 4 статьи 12 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»).

29. Посредством размещения на официальном сайте суда в сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа направляются:

копия судебного акта - лицам, участвующим в деле, но не явившимся в судебное заседание, - органам государственной власти, органам местного самоуправления, иным органам и организациям при рассмотрении дела в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, в случае наличия технической возможности (часть 1 статьи 214, часть 2 статьи 227 ГПК РФ);

судебный акт - лицам, участвующим в деле, при рассмотрении дела в порядке, предусмотренном законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах (статьи 177, 186 АПК РФ);

копия судебного акта - лицам, участвующим в деле, обладающим государственными или иными публичными полномочиями, при рассмотрении дела в порядке, предусмотренном законодательством об административном судопроизводстве, в случае наличия технической возможности (статьи 182, 201 КАС РФ).

По ходатайству иных участвующих в деле лиц копии судебных актов, за исключением копий судебных актов, содержащих сведения, составляющие охраняемую законом тайну, высылаются судом посредством их размещения на официальном сайте суда в сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа (часть 1 статьи 35, часть 1 статьи 214 ГПК РФ, часть 4 статьи 45 КАС РФ).

Копии таких судебных актов высылаются судом посредством их размещения на официальном сайте суда в сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа также с согласия участвующих в гражданском деле лиц, не присутствующих в судебном заседании, - граждан (часть 1 статьи 214 ГПК РФ).

Согласие указанных лиц может быть выражено в письменном заявлении или при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет».

30. По просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства при наличии технической возможности в суде копия судебного акта в виде электронного образа документа, заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью (за исключением копии судебного акта, содержащего сведения, составляющие охраняемую законом тайну, а также копий иных судебных актов, указанных в части 2

статьи 474.1 УПК РФ), может быть направлена ему посредством размещения на официальном сайте суда в сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа (часть 3 статьи 474.1 УПК РФ). При наличии согласия участника уголовного судопроизводства направление такой копии судебного акта не позднее истечения срока, установленного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации для направления копии судебного акта, заменяет направление ее указанному лицу на бумажном носителе, за исключением случаев, когда копия судебного акта в соответствии с требованиями закона (например, часть 2 статьи 101, статья 312 УПК РФ) должна быть вручена участнику уголовного судопроизводства.

Согласие участника уголовного судопроизводства может быть выражено в письменном заявлении или при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет».

31. По смыслу части 1 статьи 214, статьи 227 ГПК РФ, статей 182, 201 КАС РФ направление копий судебных актов посредством их размещения на официальном сайте суда в сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа осуществляется:

не позднее истечения срока, установленного процессуальным законодательством для направления копий судебных актов на бумажном носителе, который начинает течь со дня принятия судебного акта в окончательной форме (например, не позднее чем через пять дней со дня принятия решения суда в окончательной форме), если соответствующее ходатайство подано или согласие дано до принятия судебного акта;

не позднее истечения срока, установленного процессуальным законодательством для направления копий судебных актов на бумажном носителе, который начинает течь со дня вынесения определения об удовлетворении соответствующего ходатайства, если оно подано после принятия судебного акта.

Судебный акт арбитражного суда, выполненный в форме электронного документа, направляется лицам, участвующим в деле, посредством его размещения на официальном сайте арбитражного суда в сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа не позднее следующего дня после дня его принятия (часть 1 статьи 177, часть 1 статьи 186 АПК РФ).

32. Судебный акт (копия судебного акта) считается полученным лицом, которому он в силу положений процессуального законодательства высылается посредством его размещения на официальном сайте суда в режиме ограниченного доступа, на следующий день после дня его размещения на указанном сайте (статьи 214, 227 ГПК РФ, статьи 177, 186 АПК РФ, статьи 182, 201 КАС РФ).

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Верховным Судом РФ актуализированы разъяснения по применению Закона об ОСАГО.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 26 декабря 2017 г. N 58

**О ПРИМЕНЕНИИ
СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

В целях обеспечения единства практики применения судами законодательства, регулирующего отношения в области обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения.

Общие положения

1. Отношения по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулируются нормами главы 48 «Страхование» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), Федерального закона от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее - Закон об ОСАГО), Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 года N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее - Закон N 4015-1), Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон о защите прав потребителей) в части, не урегулированной специальными законами, а также правилами обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, установленными Положением Центрального банка Российской Федерации от 19 сентября 2014 года N 431-П (далее - Правила), и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

2. По общему правилу, к отношениям по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств применяется закон, действующий в момент заключения соответствующего договора страхования (пункт 1 статьи 422 ГК РФ).

Положения Закона об ОСАГО в редакции Федерального закона от 28 марта 2017 года N 49-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» подлежат применению к договорам страхования, заключенным с 28 апреля 2017 года. Подпункт «б» пункта 1 статьи 14.1 Закона об ОСАГО в указанной редакции подлежит применению к отношениям, возникшим в результате дорожно-транспортных происшествий, произошедших начиная с 26 сентября 2017 года.

Поскольку прямое возмещение убытков осуществляется страховщиком гражданской ответственности потерпевшего от имени страховщика гражданской ответственности причинителя вреда (пункт 4 статьи 14.1 Закона об ОСАГО), к такому возмещению положения Закона об ОСАГО применяются в редакции, действовавшей на момент заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности между причинителем вреда и страховщиком, застраховавшим его гражданскую ответственность.

3. На отношения, возникающие из договора обязательного страхования гражданской ответственности, Закон о защите прав потребителей распространяется в случаях, когда транспортное средство используется исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью владельца.

На отношения, возникающие между потерпевшим и профессиональным объединением страховщиков в связи с компенсационными выплатами, Закон о защите прав потребителей не распространяется.

4. Исковая давность по спорам, вытекающим из договоров обязательного страхования риска гражданской ответственности, в соответствии с пунктом 2 статьи 966 ГК РФ составляет три года и исчисляется со дня, когда потерпевший (выгодоприобретатель) узнал или должен был узнать:

об отказе страховщика в осуществлении страхового возмещения или прямом возмещении убытков путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания или выдачи суммы страховой выплаты либо

об осуществлении страхового возмещения или прямого возмещения убытков не в полном объеме.

Исковая давность исчисляется также со дня, следующего за днем истечения срока для принятия страховщиком решения об осуществлении страхового возмещения или о прямом возмещении убытков путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания либо о выдаче суммы страховой выплаты (пункт 21 статьи 12 Закона об ОСАГО).

5. Течение срока исковой давности прерывается совершением страховщиком действий, свидетельствующих о признании права на страховое возмещение в полном объеме (статья 203 ГК РФ).

Признание права на часть страхового возмещения не свидетельствует о признании права в целом, если иное не оговорено страховщиком.

Направление страховщику претензии с документами, обосновывающими требование потерпевшего, приостанавливает течение срока исковой давности на десять календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня ее поступления (пункт 3 статьи 202 ГК РФ, абзац второй пункта 1 статьи 16.1 Закона об ОСАГО).

6. Срок исковой давности по спорам об осуществлении компенсационной выплаты (пункт 6 статьи 18 Закона об ОСАГО) исчисляется с момента, когда выгодоприобретатель (потерпевший) узнал или дол-

жен был узнать о введении в отношении страховщика в соответствии с законодательством Российской Федерации процедур, применяемых в деле о банкротстве; об отзыве у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности; об отсутствии возможности установления лица, ответственного за причиненный потерпевшему вред; об отсутствии договора обязательного страхования гражданской ответственности причинившего вред лица из-за неисполнения им установленной обязанности по страхованию.

Заключение договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств

7. Договор обязательного страхования является публичным и должен соответствовать Закону об ОСАГО, а также иным правовым актам, принятым в целях его реализации, действующим в момент заключения договора. Изменение положений Закона об ОСАГО, Правил после заключения договора не влечет изменения положений договора (в частности, о порядке исполнения, сроках действия, существенных условиях), за исключением случаев, когда закон распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров (пункты 1 и 2 статьи 422 ГК РФ).

Исходя из положений пункта 25 статьи 12 Закона об ОСАГО и пункта 2 статьи 426 ГК РФ условия договора обязательного страхования, противоречащие Закону об ОСАГО и/или Правилам, в том числе устанавливающие дополнительные основания для освобождения страховой организации от обязанности осуществления страхового возмещения, являются ничтожными (пункт 5 статьи 426 ГК РФ).

8. Страховой полис является доказательством, подтверждающим заключение договора обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства, пока не доказано иное.

При возникновении спора о наличии договора обязательного страхования, заключенного в виде электронного документа, судам следует наряду с другими доказательствами по делу принимать во внимание сведения, предоставленные профессиональным объединением страховщиков, о факте заключения представленного договора обязательного страхования в виде электронного документа, а также об условиях такого договора (пункт 7.2 статьи 15, пункт 3 статьи 30 Закона об ОСАГО).

Следует иметь в виду, что сообщение профессионального объединения страховщиков об отсутствии в автоматизированной информационной системе обязательного страхования данных о страховом полисе само по себе не является безусловным доказательством неисполнения обязанности по заключению договора страхования и должно оцениваться наряду с другими доказательствами (статья 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) и статья 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ)).

9. Сообщение страхователем при заключении договора обязательного страхования в виде электронного документа недостоверных сведений, которое привело к необоснованному уменьшению размера страховой

премии, не является основанием для признания такого договора незаключенным или для освобождения страховщика от страхового возмещения при наступлении страхового случая.

Из системного толкования положений абзаца шестого пункта 7.2 статьи 15 и подпункта «к» пункта 1 статьи 14 Закона об ОСАГО следует, что при наступлении страхового случая страховщик имеет право предъявить регрессное требование в размере произведенной страховой выплаты к страхователю, предоставившему недостоверные сведения, а также взыскать с него в установленном порядке денежные средства в размере суммы, неосновательно сбереженной в результате предоставления недостоверных сведений, вне зависимости от наступления страхового случая.

Вместе с тем, если до наступления страхового случая со страхователя взысканы денежные средства в размере суммы, неосновательно сбереженной в результате предоставления им недостоверных сведений, у страховщика при наступлении страхового случая не возникает право предъявить регрессное требование в размере произведенной страховой выплаты, поскольку страховая премия уплачена страхователем в полном объеме.

10. Неполное и/или несвоевременное перечисление страховщику страховой премии, полученной страховым брокером или страховым агентом, несанкционированное использование бланков страхового полиса обязательного страхования не освобождают страховщика от исполнения договора обязательного страхования (пункт 7.1 статьи 15 Закона об ОСАГО).

В случае хищения бланков страховых полисов обязательного страхования страховая организация освобождается от выплаты страхового возмещения только при условии, что до даты наступления страхового случая страховщик, страховой брокер или страховой агент обратился в уполномоченные органы с заявлением о хищении бланков (пункт 7.1 статьи 15 Закона об ОСАГО).

11. После заключения договора обязательного страхования замена транспортного средства, указанного в страховом полисе обязательного страхования, изменение срока страхования, а также замена страхователя не допускается.

При переходе права собственности, права хозяйственного ведения или оперативного управления на транспортное средство от страхователя к иному лицу новый владелец обязан заключить новый договор обязательного страхования своей гражданской ответственности (пункт 2 статьи 4 Закона об ОСАГО).

При этом предыдущий владелец транспортного средства вправе потребовать от страховщика, с которым у него был заключен договор страхования ответственности, возврата части страховой премии за период с момента перехода прав на транспортное средство до окончания предусмотренного указанным договором срока, на который осуществлялось страхование.

Страховой случай

12. Страховой случай - наступление гражданской ответственности владельца транспортного средства за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного сред-

ства, влекущее за собой в соответствии с договором обязательного страхования обязанность страховщика осуществить страховое возмещение (абзац одиннадцатый статьи 1 Закона об ОСАГО).

Под использованием транспортного средства следует понимать не только механическое (физическое) перемещение в пространстве, но и все действия, связанные с этим движением и иной эксплуатацией транспортного средства как источника повышенной опасности.

Применительно к Закону об ОСАГО под использованием транспортного средства понимается его эксплуатация в пределах дорог, а также на прилегающих к дорогам и предназначенных для движения транспортных средств территориях (во дворах, в жилых массивах, на стоянках транспортных средств, заправочных станциях, а также любых других территориях, на которых имеется возможность перемещения (проезда) транспортного средства).

Вред, причиненный эксплуатацией оборудования, установленного на транспортном средстве и непосредственно не связанного с участием транспортного средства в дорожном движении (например, опорно-поворотным устройством автокрана, бетономешалкой, разгрузочными механизмами, стрелой манипулятора, рекламной конструкцией на автомобиле), не относится к случаям причинения вреда собственно транспортным средством (абзац второй статьи 1 Закона об ОСАГО).

13. Договор обязательного страхования не распространяется на случаи причинения вреда жизни, здоровью и/или имуществу при использовании транспортного средства на территории иностранного государства, в том числе в случае, когда размер ущерба превышает предельную страховую сумму по правилам страхования «зеленая карта» (статья 31 Закона об ОСАГО).

Оформление документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции (упрощенный порядок)

14. Если при наступлении страхового случая между участниками дорожно-транспортного происшествия отсутствуют разногласия по поводу обстоятельств происшествия, степени вины каждого из них в дорожно-транспортном происшествии, характера и перечня видимых повреждений транспортных средств, причинителем вреда и потерпевшим может быть заключено соглашение о страховой выплате в пределах сумм и в соответствии со статьей 11.1 Закона об ОСАГО путем совместного заполнения бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии (статья 421 ГК РФ, пункт 2 статьи 11.1 Закона об ОСАГО).

При наличии такого соглашения осуществление страховщиком страховой выплаты в соответствии со статьей 11.1 Закона об ОСАГО в упрощенном порядке прекращает его обязательство по конкретному страховому случаю (пункт 1 статьи 408 ГК РФ).

15. Потерпевший вправе обратиться к страховщику ответственности лица, причинившего вред, с требованием о возмещении вреда жизни и здоровью, который

возник после предъявления требования о страховом возмещении в порядке, установленном статьей 11.1 Закона об ОСАГО, и о котором потерпевший не знал на момент предъявления требования о возмещении вреда в связи с повреждением его транспортного средства (пункт 8 статьи 11.1 Закона об ОСАГО).

16. Согласно пунктам 5 и 6 статьи 11.1 Закона об ОСАГО в случае оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных сотрудников полиции страховщику должны быть представлены данные об обстоятельствах повреждения транспортного средства в результате дорожно-транспортного происшествия, которые зафиксированы с помощью технических средств контроля, обеспечивающих некорректируемую регистрацию информации (фото- или видеосъемка транспортных средств и их повреждений, а также данные, зафиксированные с применением средств навигации, функционирующих с использованием технологий системы ГЛОНАСС или иных глобальных спутниковых навигационных систем).

Невыполнение указанных требований не является основанием для отказа в осуществлении страхового возмещения, однако размер страхового возмещения в этом случае не может превышать предельного размера страхового возмещения, выплачиваемого в рамках упрощенного порядка оформления дорожно-транспортного происшествия.

17. Страховая организация вправе отказать в страховой выплате, если ремонт поврежденного имущества или утилизация его остатков, осуществленные до осмотра страховщиком и/или проведения независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества, не позволяют достоверно установить наличие страхового случая и убытков, подлежащих возмещению по договору обязательного страхования (статья 15 и 393 ГК РФ, пункт 20 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Лица, имеющие право на получение страхового возмещения

18. Право на получение страхового возмещения в связи с повреждением имущества принадлежит потерпевшему - лицу, владеющему имуществом на праве собственности или ином вещном праве. Лица, владеющие имуществом на ином праве (в частности, на основании договора аренды) либо использующие имущество в силу полномочия, основанного на доверенности, самостоятельным правом на страховую выплату в отношении имущества не обладают (абзац шестой статьи 1 Закона об ОСАГО).

Следует учитывать, что заключение договора купли-продажи транспортного средства и его передача покупателю не влекут переход к покупателю права на получение страхового возмещения в связи со страховым случаем, наступившим до момента указанной передачи (пункт 1 статьи 458 ГК РФ). В этом случае лицо, приобретшее поврежденное транспортное средство, не является потерпевшим применительно к обязательному страхованию гражданской ответственности, в связи с чем не может претендовать на получение страхового возмещения по договору обязательного

страхования, заключенному предыдущим владельцем (пункт 1 статьи 930 ГК РФ).

19. В случае смерти потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия право на получение страховой выплаты, предусмотренной пунктом 7 статьи 12 Закона об ОСАГО, принадлежит: нетрудоспособным лицам, состоявшим на иждивении умершего или имевшим ко дню его смерти право на получение от него содержания; ребенку умершего, родившемуся после его смерти; одному из родителей, супругу либо другому члену семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими четырнадцати лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе; лицу, состоявшему на иждивении умершего и ставшему нетрудоспособным в течение пяти лет после его смерти (статья 1088 ГК РФ, пункт 6 статьи 12 Закона об ОСАГО).

В отсутствие лиц, указанных в абзаце первом, право на возмещение вреда имеют супруг, родители, дети потерпевшего, не отнесенные к категориям, перечисленным в пункте 1 статьи 1088 ГК РФ. Также такое право имеют иные граждане, у которых потерпевший находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода (пункт 6 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Действия страхователей и потерпевших при наступлении страхового случая

20. При наступлении страхового случая потерпевший обязан не только уведомить страховщика о его наступлении в сроки, установленные Правилами, но и направить страховщику заявление о страховом возмещении и документы, предусмотренные Правилами (пункт 3 статьи 11 Закона об ОСАГО), а также представить на осмотр поврежденное в результате дорожно-транспортного происшествия транспортное средство и/или иное поврежденное имущество (пункт 10 статьи 12 Закона об ОСАГО). В заявлении о страховом возмещении потерпевший должен также сообщить о другом известном ему на момент подачи заявления ущербе, кроме расходов на восстановление поврежденного имущества, который подлежит возмещению (например, об утрате товарной стоимости, о расходах на эвакуацию транспортного средства с места дорожно-транспортного происшествия и т.п.).

21. Надлежащим исполнением обязанности потерпевшего по направлению заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков и документов, предусмотренных Правилами, является направление этих документов по месту нахождения страховщика или представителя страховщика, уполномоченного страховщиком на рассмотрение указанных требований потерпевшего и осуществление страхового возмещения или прямого возмещения убытков (абзац третий пункта 1 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Перечень представителей страховщика с указанием их мест нахождения и почтовых адресов, средств связи с ними и сведений о времени их работы является обязательным приложением к страховому полису и подлежит вручению под расписку.

22. Предусмотренные Законом об ОСАГО документы, в том числе претензия (абзац второй пункта 1 статьи 16.1 Закона об ОСАГО), которые представляются после подачи заявления о страховом возмещении, должны содержать сведения, позволяющие страховщику идентифицировать эти документы с предыдущими обращениями (например, номера страхового полиса и указания на подразделение, в которое подавалось заявление о страховом возмещении, номера выплатного дела, если он известен, и т.д.).

23. Направление заявления о страховой выплате и представление необходимых документов, перечень которых установлен Правилами, производятся способами, обеспечивающими фиксацию их направления и доставки адресату.

24. Двадцатидневный срок для принятия страховой организацией решения по заявлению потерпевшего о страховой выплате исчисляется со дня представления документов, предусмотренных пунктом 3.10 Правил.

Страховщик не вправе требовать от потерпевшего документы, не предусмотренные Правилами (абзац седьмой пункта 1 статьи 12 Закона об ОСАГО).

При недостаточности документов, подтверждающих факт наступления страхового случая и размер подлежащего возмещению страховщиком вреда, страховщик в течение трех рабочих дней со дня их получения по почте, а при личном обращении к страховщику в день обращения с заявлением о страховой выплате или прямом возмещении убытков обязан сообщить об этом потерпевшему с указанием полного перечня недостающих и/или неправильно оформленных документов (абзац пятый пункта 1 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Прямое возмещение убытков

25. Если транспортные средства повреждены в результате их взаимодействия (столкновения) и гражданская ответственность их владельцев застрахована в обязательном порядке, страховое возмещение осуществляется на основании пункта 1 статьи 14.1 Закона об ОСАГО страховщиком, застраховавшим гражданскую ответственность потерпевшего (прямое возмещение ущерба).

26. Если дорожно-транспортное происшествие произошло до 26 сентября 2017 года в результате взаимодействия (столкновения) более двух транспортных средств (включая транспортные средства с прицепами к ним), осуществление страховой выплаты в порядке прямого возмещения убытков на основании статьи 14.1 Закона об ОСАГО не производится.

Страховое возмещение в связи с причинением вреда жизни и здоровью потерпевшего по прямому возмещению убытков не производится (абзац второй пункта 1 статьи 12 Закона об ОСАГО).

27. Если гражданская ответственность причинителя вреда не застрахована по договору обязательного страхования, осуществление страхового возмещения в порядке прямого возмещения ущерба не производится. В этом случае вред, причиненный имуществу потерпевших, возмещается владельцами транспортных средств в соответствии с гражданским законодательством (глава 59 ГК РФ и пункт 6 статьи 4 Закона об ОСАГО); вред, причиненный жизни и здоровью

потерпевших, возмещается профессиональным объединением страховщиков путем осуществления компенсационной выплаты, а при ее недостаточности для полного возмещения вреда - причинителем вреда (глава 59 ГК и статья 18 Закона об ОСАГО).

28. Потерпевший после реализации в связи с повреждением транспортного средства права на прямое возмещение убытков вправе обратиться к страховщику ответственности лица, причинившего вред, с требованием о возмещении вреда жизни и здоровью, который возник после предъявления требования о прямом возмещении убытков и о котором потерпевший не знал на момент предъявления такого требования (пункт 3 статьи 14.1 Закона об ОСАГО).

29. Потерпевший, имеющий право на прямое возмещение убытков, в случае введения в отношении страховщика его ответственности процедур, применяемых при банкротстве, или в случае отзыва у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности вправе обратиться за страховым возмещением к страховщику ответственности причинителя вреда (пункт 9 статьи 14.1 Закона об ОСАГО).

При осуществлении страховщиком ответственности потерпевшего страхового возмещения, с размером которого потерпевший не согласен, в случае введения в дальнейшем в отношении указанного страховщика процедур, применяемых при банкротстве, или в случае отзыва у него лицензии на осуществление страховой деятельности потерпевший вправе обратиться за доплатой к страховщику причинителя вреда.

Если решением суда в пользу потерпевшего со страховщика его ответственности взыскано страховое возмещение и это решение не исполнено, то при введении в отношении этого страховщика процедур, применяемых при банкротстве, или отзыве у него лицензии на осуществление страховой деятельности потерпевший вправе обратиться за выплатой к страховщику ответственности причинителя вреда.

В случае, если процедуры, применяемые при банкротстве, введены как в отношении страховщика ответственности потерпевшего, так и в отношении страховщика ответственности причинителя вреда, или в случае отзыва у них лицензии на осуществление страховой деятельности потерпевший вправе требовать возмещения убытков посредством компенсационной выплаты Российским Союзом Автостраховщиков (пункт 6 статьи 14.1 Закона об ОСАГО).

Осмотр, независимая техническая экспертиза и независимая экспертиза (оценка)

30. Страховщик обязан осмотреть поврежденное транспортное средство, иное имущество или его остатки в срок не более чем пять рабочих дней со дня поступления заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков с приложенными документами, предусмотренными Правилами, если иной срок не согласован страховщиком с потерпевшим (абзац первый пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Под надлежащим исполнением обязанности страховщика по организации независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) следует понимать направление в названный срок уведомления

с указанием даты, времени и места проведения такой экспертизы (пункт 3.11 Правил).

При этом уведомление считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило потерпевшему, но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или он не ознакомился с ним (пункт 2 статьи 165.1 ГК РФ). Например, сообщение считается доставленным, если потерпевший уклонился от получения корреспонденции в отделении связи, и она была возвращена по истечении срока хранения. Бремя доказывания факта направления и доставки уведомления потерпевшему лежит на страховщике (статья 56 ГПК РФ и статья 65 АПК РФ).

При наличии разногласий между потерпевшим и страховщиком о характере и перечне видимых повреждений имущества и (или) об обстоятельствах причинения вреда в связи с повреждением имущества в результате дорожно-транспортного происшествия страховщик в течение пяти рабочих дней со дня поступления заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков с приложенными документами, предусмотренными Правилами, если иной срок не согласован страховщиком с потерпевшим, организует независимую техническую экспертизу или независимую экспертизу (оценку).

Независимая техническая экспертиза или независимая экспертиза (оценка) поврежденного имущества или его остатков проводится не позднее двадцати календарных дней (за исключением нерабочих праздничных дней) со дня принятия к рассмотрению заявления потерпевшего о страховом возмещении или прямом возмещении убытков и приложенных к нему документов, предусмотренных Правилами (пункт 21 статьи 12 Закона об ОСАГО).

31. Если потерпевшим не представлено поврежденное имущество или его остатки для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) в согласованную со страховщиком дату, страховщик согласовывает с потерпевшим новую дату осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества или его остатков.

При повторном непредставлении потерпевшим поврежденного имущества или его остатков для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) в согласованную со страховщиком дату страховщик вправе вернуть без рассмотрения представленное потерпевшим заявление о страховом возмещении или прямом возмещении убытков вместе с документами, предусмотренными Правилами (абзац четвертый пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Если потерпевший повторно не представил поврежденное имущество или его остатки для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) в согласованные со страховщиком даты, результаты самостоятельно организованной потерпевшим независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества или его остатков не принимаются для определения размера страхового возмещения (абзац пятый пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Если страховщиком заявлено о страховом возмещении или прямом возмещении убытков в соответствии с абзацем четвертым пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО было возвращено потерпевшему, он вправе повторно обратиться к страховщику с таким заявлением, приложив документы, предусмотренные Правилами. При этом сроки проведения страховщиком осмотра поврежденного имущества или его остатков и (или) организации их независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки), а также сроки осуществления страховой выплаты или выдачи потерпевшему направления на ремонт либо направления ему мотивированного отказа в страховом возмещении исчисляются со дня повторного обращения (абзац шестой пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО).

32. Если характер повреждений или особенности поврежденного транспортного средства, иного имущества исключают его представление для осмотра и независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) по месту нахождения страховщика и (или) эксперта (например, имеются повреждения транспортного средства, перечисленные в Перечне неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года N 1090, и т.д.), указанные осмотр и независимая техническая экспертиза, независимая экспертиза (оценка) проводятся по месту нахождения поврежденного имущества (абзац третий пункта 10 статьи 12 Закона об ОСАГО).

При уклонении страховщика от проведения осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) по месту нахождения поврежденного имущества потерпевший вправе самостоятельно организовать проведение независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества или его остатков.

Если страховщиком не произведен осмотр и (или) независимая техническая экспертиза, независимая экспертиза (оценка) в связи с предоставлением потерпевшим недостоверных сведений о том, что характер повреждений исключает представление поврежденного имущества или его остатков для осмотра или независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) по месту нахождения страховщика и (или) эксперта, то при разрешении спора заключение независимого эксперта, представленное потерпевшим в подтверждение своих требований, может быть признано судом недопустимым доказательством (статья 60 ГПК РФ, статья 68 АПК РФ и абзац 5 пункта 11 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Страховое возмещение

33. Страховое возмещение осуществляется в форме страховой выплаты путем получения суммы в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя) либо путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, которая выбрана потерпевшим по согласованию со страховщиком в соответствии с Правилами и с которой

у страховщика заключен договор на организацию восстановительного ремонта.

По общему правилу, право выбора способа страхового возмещения принадлежит потерпевшему (пункт 15 статьи 12 Закона об ОСАГО). Исключением является случай возникновения убытков от повреждения легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан (в том числе индивидуальных предпринимателей) и зарегистрированных в Российской Федерации.

34. Под страховой выплатой понимается конкретная денежная сумма, подлежащая выплате страховщиком в возмещение вреда жизни, здоровью и/или в связи с повреждением имущества потерпевшего (пункт 3 статьи 10 Закона N 4015-1, статьи 1 и 12 Закона об ОСАГО).

35. Причинитель вреда, застраховавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда (статья 15, пункт 1 статьи 1064, статья 1072 и пункт 1 статьи 1079 ГК РФ).

36. При причинении вреда потерпевшему возмещению подлежат: восстановительные и иные расходы, обусловленные наступлением страхового случая и необходимые для реализации потерпевшим права на получение страхового возмещения (например, расходы на эвакуацию транспортного средства с места дорожно-транспортного происшествия, хранение поврежденного транспортного средства, доставку пострадавшего в лечебное учреждение; стоимость работ по восстановлению дорожного знака, ограждения; расходы по доставке ремонтных материалов к месту дорожно-транспортного происшествия и т.д.).

По договору обязательного страхования с учетом положений статей 1 и 12 Закона об ОСАГО возмещаются не только убытки, причиненные в результате повреждения транспортного средства, но и вред в виде утраты (повреждения) груза, перевозимого в транспортном средстве потерпевшего, а также вред в связи с повреждением имущества, не относящегося к транспортным средствам (в частности, объектам недвижимости, оборудованию АЗС, дорожным знакам, ограждениям и т.д.), за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 статьи 6 Закона об ОСАГО.

37. К реальному ущербу, возникшему в результате дорожно-транспортного происшествия, наряду со стоимостью ремонта и запасных частей относится также утрата товарной стоимости, которая представляет собой уменьшение стоимости транспортного средства, вызванное преждевременным ухудшением товарного (внешнего) вида транспортного средства и его эксплуатационных качеств в результате снижения прочности и долговечности отдельных деталей, узлов и агрегатов, соединений и защитных покрытий вследствие дорожно-транспортного происшествия и последующего ремонта.

Утрата товарной стоимости подлежит возмещению и в случае, если страховое возмещение осуществляется в рамках договора обязательного страхования в форме организации и (или) оплаты восстановитель-

ного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика заключен договор о ремонте транспортного средства, в установленном законом пределе страховой суммы.

38. По смыслу пункта 4 статьи 12 Закона об ОСАГО, если дополнительные расходы на лечение и восстановление поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия здоровья потерпевшего и утраченный им заработок (доход) превышают сумму осуществленной страховой выплаты, рассчитанную в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2012 года N 1164 «Об утверждении Правил расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего», страховщик обязан выплатить разницу между совокупным размером утраченного потерпевшим заработка (дохода) и дополнительных расходов и суммой осуществленной страховой выплаты. Общая сумма страховой выплаты за причинение вреда здоровью потерпевшего не должна превышать предельный размер, установленный статьей 7 Закона об ОСАГО.

39. По договору обязательного страхования размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему в связи с повреждением транспортного средства, по страховым случаям, наступившим начиная с 17 октября 2014 года, определяется только в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Положением Центрального банка Российской Федерации от 19 сентября 2014 года N 432-П (далее - Методика).

Расходы, необходимые для восстановительного ремонта и оплаты работ, связанных с таким ремонтом, не предусмотренные Методикой, не включаются в размер страхового возмещения (например, расходы по нанесению (восстановлению) на поврежденное транспортное средство аэрографических и иных рисунков).

При причинении вреда имуществу, не относящемуся к транспортным средствам (в частности, объектам недвижимости, оборудованию АЗС и т.д.), размер страхового возмещения определяется на основании оценки, сметы и т.п.

40. Если разница между фактически произведенной страховщиком страховой выплатой и предъявляемыми истцом требованиями составляет менее 10 процентов, необходимо учитывать, что в соответствии с пунктом 3.5 Методики расхождение в результатах расчетов размера расходов на восстановительный ремонт, выполненных различными специалистами, образовавшееся за счет использования разных технологических решений и погрешностей, следует признавать находящимся в пределах статистической достоверности.

При определении наличия либо отсутствия 10-процентной статистической достоверности утраченная товарная стоимость поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия транспортного средства учету не подлежит.

41. При осуществлении страхового возмещения в форме страховой выплаты размер расходов на запас-

ные части, в том числе и по договорам обязательного страхования, заключенным начиная с 28 апреля 2017 года, определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте. При этом на указанные комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) не может начисляться износ свыше 50 процентов их стоимости (абзац второй пункта 19 статьи 12 Закона об ОСАГО).

42. В соответствии с подпунктом «а» пункта 18 и пунктом 19 статьи 12 Закона об ОСАГО размер подлежащих возмещению страховщиком убытков в случае полной гибели имущества потерпевшего определяется в размере его действительной стоимости на день наступления страхового случая за вычетом стоимости годных остатков с учетом их износа.

Под полной гибелью понимаются случаи, при которых ремонт поврежденного имущества невозможен либо стоимость ремонта поврежденного имущества равна стоимости имущества на дату наступления страхового случая или превышает указанную стоимость (подпункт «а» пункта 18 статьи 12 Закона об ОСАГО).

43. В случае, если по результатам проведенного страховщиком осмотра поврежденного имущества страховщик и потерпевший достигли согласия о размере страховой выплаты и не настаивают на организации независимой технической экспертизы транспортного средства или независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества, такая экспертиза, в силу пункта 12 статьи 12 Закона об ОСАГО, может не проводиться.

При заключении соглашения об урегулировании страхового случая без проведения независимой технической экспертизы транспортного средства или независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества потерпевший и страховщик договариваются о размере, порядке и сроках подлежащего выплате потерпевшему страхового возмещения. После осуществления страховщиком оговоренной страховой выплаты его обязанность считается исполненной в полном объеме и надлежащим образом, что прекращает соответствующее обязательство страховщика (пункт 1 статьи 408 ГК РФ).

Заключение со страховщиком соглашения об урегулировании страхового случая без проведения независимой технической экспертизы транспортного средства или независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества является реализацией права потерпевшего на получение страхового возмещения, вследствие чего после исполнения страховщиком обязательства по страховой выплате в размере, согласованном сторонами, основания для взыскания каких-либо дополнительных убытков отсутствуют. Вместе с тем при наличии оснований для признания указанного соглашения недействительным потерпевший вправе обратиться в суд с иском об оспаривании такого соглашения и о взыскании суммы страхового возмещения в ином размере.

44. Обязанность по страхованию гражданской ответственности не распространяется на принадлежащие гражданам прицепы к легковым автомобилям (подпункт «д» пункта 3 статьи 4 Закона об ОСАГО).

При этом обязанность по страхованию гражданской ответственности юридических лиц и граждан - владельцев прицепов к грузовому транспорту с 1 сентября 2014 года исполняется посредством заключения договора обязательного страхования, предусматривающего возможность управления транспортным средством с прицепом к нему, информация о чем вносится в страховой полис обязательного страхования (пункт 7 статьи 4 Закона об ОСАГО).

С 1 октября 2014 года, т.е. со дня введения утвержденных Банком России предельных размеров базовых ставок страховых тарифов и коэффициентов страховых тарифов, требований к структуре страховых тарифов, а также порядка их применения страховщиками при определении страховой премии по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вред, возникший в результате дорожно-транспортного происшествия при совместной эксплуатации тягача и прицепа в составе автопоезда, считается причиненным посредством одного транспортного средства (тягача), в связи с чем предельная страховая выплата не может превышать страховую сумму по одному договору страхования, в том числе и в случае, если собственниками тягача и прицепа являются разные лица.

Следует принимать во внимание, что отсутствие в полисе обязательного страхования отметки об эксплуатации транспортного средства с прицепом, как того требует пункт 7 статьи 4 Закона об ОСАГО, не может служить основанием для отказа страховой организации в осуществлении страховой выплаты. Вместе с тем применительно к подпункту «в» пункта 1 статьи 14 Закона об ОСАГО страховщик в указанном случае имеет право регресса к страхователю - причинителю вреда.

45. По договору обязательного страхования застрахованным является риск наступления гражданской ответственности при эксплуатации конкретного транспортного средства, поэтому при наступлении страхового случая вследствие действий страхователя или иного лица, использующего транспортное средство, страховщик от выплаты страхового возмещения не освобождается (преамбула, пункт 2 статьи 6 и подпункты «в» и «д» пункта 1 статьи 14 Закона об ОСАГО).

46. Если из документов, составленных сотрудниками полиции, невозможно установить вину застрахованного лица в наступлении страхового случая или определить степень вины каждого из водителей - участников дорожно-транспортного происшествия, лицо, обратившееся за страховой выплатой, не лишается права на ее получение.

В таком случае страховые организации производят страховые выплаты в равных долях от размера ущерба, понесенного каждым потерпевшим (абзац четвертый пункта 22 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Страховщик освобождается от обязанности уплаты неустойки, суммы финансовой санкции, штрафа и компенсации морального вреда, если обязательства по выплате страхового возмещения в равных долях от размера понесенного каждым из водителей - участников дорожно-транспортного происшествия ущерба им исполнены.

В случае несогласия с такой выплатой лицо, получившее страховое возмещение, вправе обратиться в суд с иском о взыскании страхового возмещения в недостающей части. При рассмотрении спора суд обязан установить степень вины лиц, признанных ответственными за причиненный вред, и взыскать со страховой организации страховую выплату с учетом установленной судом степени вины лиц, гражданская ответственность которых застрахована. Обращение с самостоятельным заявлением об установлении степени вины законодательством не предусмотрено.

47. В случаях, когда ответственность каждого из солидарных должников по отношению к потерпевшему застрахована разными страховщиками, при причинении вреда вследствие взаимодействия источников повышенной опасности третьему лицу страховщики возмещают вред солидарно (пункт 2 статьи 323, пункт 4 статьи 931 ГК РФ). Страховое возмещение в связи с причинением вреда, возникшего в результате дорожно-транспортного происшествия вследствие взаимодействия двух источников повышенной опасности третьему лицу производится каждым страховщиком, у которых застрахована гражданская ответственность владельцев транспортных средств в пределах страховой суммы, установленной статьей 7 Закона об ОСАГО, по каждому договору страхования (пункт 3 статьи 1079 ГК РФ и абзац одиннадцатый статьи 1 Закона об ОСАГО).

Восстановительный ремонт

48. По выбору потерпевшего возмещение вреда, причиненного транспортному средству, осуществляется путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика заключен договор о ремонте транспортного средства в рамках договора обязательного страхования, либо путем получения суммы страховой выплаты в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя) (пункт 15 статьи 12 Закона об ОСАГО).

49. По общему правилу, оплата стоимости восстановительного ремонта осуществляется страховщиком с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов) (пункт 19 статьи 12 Закона об ОСАГО).

50. При возмещении вреда в виде организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика заключен договор о ремонте транспортного средства, страховщик не освобождается от возмещения иных расходов, обусловленных наступлением страхового случая и необходимых для реализации потерпевшим права на получение страхового возмещения (например, утрата товарной стоимости, эвакуация транспортного средства с места дорожно-транспортного происшествия, хранение поврежденного транспортного средства, доставка пострадавшего в лечебное учреждение, стоимость работ по восстановлению дорожного знака, ограждения, расходы по доставке ремонтных материалов к месту дорожно-транспортного происшествия и т.д.).

О возмещении иных расходов потерпевшему надлежит подать страховщику соответствующее заявление.

51. В случае организации и оплаты страховщиком восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания между страховщиком, потерпевшим и станцией технического обслуживания должно быть достигнуто соглашение о сроках, в которые станция технического обслуживания производит восстановительный ремонт транспортного средства потерпевшего, о полной стоимости ремонта, о возможном размере доплаты (абзацы третий и шестой пункта 17 статьи 12 Закона об ОСАГО). О достижении такого соглашения свидетельствует получение потерпевшим направления на ремонт.

По общему правилу, за исключением осуществления страхового возмещения в случаях, предусмотренных пунктом 15.1 статьи 12 Закона об ОСАГО, если стоимость восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства выше размера страховой выплаты, определенной с учетом износа комплектующих изделий, подлежащих замене при восстановительном ремонте, потерпевший производит станции технического обслуживания доплату соответствующей разницы между страховой выплатой и стоимостью восстановительного ремонта.

Порядок урегулирования вопросов, связанных с выявленными скрытыми повреждениями транспортного средства, вызванными страховым случаем, определяется станцией технического обслуживания по согласованию со страховщиком и с потерпевшим и указывается станцией технического обслуживания при приеме транспортного средства потерпевшего в направлении на ремонт или в ином документе, выдаваемом потерпевшему (абзац четвертый пункта 17 статьи 12 Закона об ОСАГО).

52. При нарушении страховщиком своих обязательств по выдаче потерпевшему направления на ремонт или по выплате страхового возмещения в денежном эквиваленте потерпевший вправе обратиться в суд с исковым заявлением о взыскании страхового возмещения в форме страховой выплаты.

При нарушении страховщиком требований об организации восстановительного ремонта потерпевший вправе также обратиться в суд с иском о понуждении страховщика к совершению требуемых действий, в том числе выдаче направления на ремонт (пункт 1 статьи 308.3 ГК РФ). По ходатайству истца судом могут быть присуждены денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу потерпевшего (судебная неустойка).

53. Обращение к страховщику с заявлением о страховом возмещении в виде организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания является реализацией права потерпевшего на выбор способа возмещения вреда.

До установления факта нарушения его прав станцией технического обслуживания потерпевший не вправе изменить способ возмещения причиненного вреда. Так, например, если станция технического обслуживания не приступает своевременно к выполне-

нию восстановительного ремонта или выполняет ремонт настолько медленно, что окончание его к сроку становится явно невозможным, потерпевший вправе изменить способ возмещения вреда и потребовать выплаты страхового возмещения в размере, необходимом для устранения недостатков и завершения восстановительного ремонта. Такие требования предъявляются потерпевшим с соблюдением правил, установленных статьей 16.1 Закона об ОСАГО.

54. Вопрос о возврате потерпевшему подлежащих замене комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов) является обстоятельством, имеющим существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения спора между потерпевшим и страховой организацией о возмещении вреда в виде организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, в связи с чем суд обязан вынести данное обстоятельство на обсуждение сторон (статья 56 ГПК РФ и статья 65 АПК РФ).

В случае возврата потерпевшему подлежащих замене комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов) размер страховой выплаты уменьшается на их стоимость.

Если потерпевший отказывается от получения подлежащих замене комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), суд не вправе возложить на страховщика обязанность по их возврату потерпевшему.

55. Ответственность за несоблюдение станцией технического обслуживания срока передачи потерпевшему отремонтированного транспортного средства и нарушение иных обязательств по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего несет страховщик, выдавший направление на ремонт независимо от того, имела ли место доплата со стороны потерпевшего за проведенный ремонт (абзацы восьмой и девятый пункта 17 статьи 12 Закона об ОСАГО). При возникновении спора суд обязан привлекать станцию технического обслуживания к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора (часть 1 статьи 43 ГПК РФ и часть 1 статьи 51 АПК РФ).

Под иными обязательствами по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего, за которые несет ответственность страховщик, следует понимать надлежащее выполнение станцией технического обслуживания работ по ремонту транспортного средства, в том числе выполнение их в объеме и в соответствии с требованиями, установленными в направлении на ремонт, а при их отсутствии - требованиями, обычно предъявляемыми к работам соответствующего рода.

В случае нарушения обязательств станцией технического обслуживания по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего страховая организация вправе требовать возмещения ею убытков на основании статей 15 и 393 ГК РФ.

56. Обязательства страховщика по организации и оплате восстановительного ремонта транспортного средства потерпевшего считаются исполненными страховщиком надлежащим образом со дня получения потерпевшим отремонтированного транспортного средства.

Уклонение потерпевшего от получения отремонтированного транспортного средства (просрочка кредитора) по причинам, признанным судом неуважительными, может явиться основанием для отказа в удовлетворении требований потерпевшего о взыскании со страховщика неустойки, финансовой санкции, штрафа, а также компенсации морального вреда (пункт 3 статьи 405, пункты 1 и 3 статьи 406 ГК РФ).

Особенности осуществления страхового возмещения в связи с повреждением легкового автомобиля, находящегося в собственности гражданина и зарегистрированного в Российской Федерации

57. Если договор обязательного страхования заключен причинителем вреда после 27 апреля 2017 года, страховое возмещение вреда в связи с повреждением легкового автомобиля, находящегося в собственности гражданина (в том числе имеющего статус индивидуального предпринимателя) и зарегистрированного в Российской Федерации, в силу пункта 15.1 статьи 12 Закона об ОСАГО осуществляется путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта (обязательный восстановительный ремонт).

Если договор обязательного страхования заключен ранее указанной даты, то страховое возмещение вреда в связи с повреждением легкового автомобиля осуществляется по правилам статьи 12 Закона об ОСАГО, действующей на момент заключения договора.

58. Положения пунктов 15.1 - 15.3 статьи 12 Закона об ОСАГО применяются только к страховому возмещению вреда в форме восстановительного ремонта в связи с повреждением легкового автомобиля, находящегося в собственности гражданина (в том числе имеющего статус индивидуального предпринимателя) и зарегистрированного в Российской Федерации.

59. В отличие от общего правила оплата стоимости восстановительного ремонта легкового автомобиля, находящегося в собственности гражданина (в том числе имеющего статус индивидуального предпринимателя) и зарегистрированного в Российской Федерации, осуществляется страховщиком без учета износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов) (абзац третий пункта 15.1 статьи 12 Закона об ОСАГО в редакции Федерального закона от 28 марта 2017 года N 49-ФЗ).

Если в соответствии с Методикой требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), то при восстановительном ремонте поврежденного транспортного средства не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Иное может быть определено только соглашением между страховщиком и потерпевшим (абзац третий пункта 15.1 статьи 12 Закона об ОСАГО).

60. Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания (пункт 15.1 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Потерпевший для реализации своего права на получение страхового возмещения должен обратиться на станцию технического обслуживания в течение указанного в направлении срока, а при его отсутствии или при получении уведомления после истечения этого срока либо накануне его истечения - в разумный срок после получения от страховщика направления на ремонт (статья 314 ГК РФ).

Если потерпевший не обратился на станцию технического обслуживания в указанный срок, то для получения страхового возмещения в форме восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства он обязан обратиться к страховщику с заявлением о выдаче нового направления взамен предыдущего.

61. В целях сохранения гарантийных обязательств производителя ремонт поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, являющейся сервисной организацией в рамках договора, заключенного с производителем и (или) импортером (дистрибьютором), производится в течение двух лет с года выпуска транспортного средства (пункт 15.2 статьи 12 Закона об ОСАГО).

62. При наличии письменного согласия страховщика потерпевший вправе самостоятельно организовать проведение восстановительного ремонта своего поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика на момент подачи потерпевшим заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков отсутствует договор на организацию восстановительного ремонта (пункт 15.3 статьи 12 Закона об ОСАГО).

В этом случае ответственность за несоблюдение станцией технического обслуживания срока передачи потерпевшему отремонтированного транспортного средства и нарушение иных обязательств по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего несет страховщик, поскольку такой ремонт осуществляется по его поручению и на условиях заключенного между ним и станцией технического обслуживания договора (статья 313 ГК РФ).

63. Если страховщик в течение пятнадцати календарных дней (за исключением нерабочих праздничных дней) не ответил на запрос потерпевшего о проведении восстановительного ремонта на выбранной им станции технического обслуживания, с которой у страховщика отсутствует договор на организацию восстановительного ремонта (пункт 21 статьи 12 Закона об ОСАГО, пункт 4.17.2 Правил), считается, что в даче согласия отказано (пункт 4 статьи 157.1 ГК РФ).

Такой отказ не подлежит самостоятельному обжалованию в судебном порядке.

64. Если ни одна из станций, с которыми у страховщика заключены договоры на организацию восстановительного ремонта, не соответствует установленным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта, страховщик с согласия потерпевшего в письменной форме может выдать потерпевшему направление на ремонт на одну из таких станций. В случае отсутствия указанного согласия возмещение вреда в связи с повреждением транспортного средства осуществляется в форме стра-

ховой выплаты (абзац пятый пункта 15.2 статьи 12 Закона об ОСАГО).

65. В случае организации и оплаты страховщиком восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания между страховщиком, потерпевшим и станцией технического обслуживания должно быть достигнуто соглашение о сроках, в которые станция технического обслуживания производит восстановительный ремонт транспортного средства потерпевшего, и о полной стоимости ремонта. О достижении такого соглашения свидетельствует получение потерпевшим направления на ремонт.

В направлении на ремонт указываются согласованные срок представления потерпевшим поврежденного транспортного средства на ремонт, срок восстановительного ремонта, полная стоимость ремонта без учета износа комплектующих изделий, подлежащих замене при восстановительном ремонте, возможный размер доплаты (пункты 15.1, 17 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Если стоимость восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства выше страховой суммы, предусмотренной статьей 7 Закона об ОСАГО, потерпевший выплачивает станции технического обслуживания разницу между страховой выплатой и стоимостью восстановительного ремонта.

66. Страховое возмещение вреда, причиненного повреждением легкового автомобиля, находящегося в собственности гражданина и зарегистрированного в Российской Федерации, в том числе индивидуального предпринимателя, осуществляется путем выдачи суммы страховой выплаты в случаях, предусмотренных пунктом 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО, а также в случаях, когда восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства по той или иной причине невозможен.

Так, потерпевший вправе получить страховое возмещение в денежном эквиваленте, если гарантийное обязательство производителя составляет более двух лет с года выпуска транспортного средства, и на момент его повреждения в результате страхового случая по договору обязательного страхования гражданской ответственности срок обязательства не истек, и страховщик не выдает направление на обязательный восстановительный ремонт на станции технического обслуживания, являющейся сервисной организацией в рамках договора, заключенного с производителем и (или) импортером (дистрибьютором) (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 15.2 и подпункт «е» пункта 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО, абзац второй пункта 3 статьи 29 Закона о защите прав потребителей).

Также в случаях, когда потерпевший не согласен произвести доплату за обязательный восстановительный ремонт станции технического обслуживания, страховое возмещение вреда в связи с повреждением легкового автомобиля осуществляется путем выдачи суммы страховой выплаты потерпевшему (подпункт «д» пункта 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО).

67. Независимо от размера доплаты, указанной в направлении на ремонт, потерпевший вправе отказаться от обязательного восстановительного ремонта транспортного средства в разумный срок после его

диагностики станцией технического обслуживания и определения точного размера доплаты, если размер такой доплаты возрастает. При этом расходы на проведение диагностики оплачиваются страховщиком и не входят в объем страхового возмещения.

Цессия, суброгация, регресс

68. Предъявление выгодоприобретателем страховщику требования о выплате страхового возмещения не исключает уступку права на получение страхового возмещения. В случае получения выгодоприобретателем страховой выплаты в части возможна уступка права на получение страховой выплаты в части, не прекращенной исполнением.

69. Договор уступки права на страховую выплату признается заключенным, если предмет договора является определенным, т.е. возможно установить, в отношении какого права (из какого договора) проведена уступка. При этом отсутствие в договоре указания точного размера уступаемого права не является основанием для признания договора незаключенным (пункт 1 статьи 307, пункт 1 статьи 432, пункт 1 статьи 384 ГК РФ).

Если вред, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия, возмещен не страховой организацией причинителя вреда (или в случае прямого возмещения убытков - страховой организацией потерпевшего), а иным лицом, то лицо, возместившее вред, имеет право на возмещение убытков.

Лицо, возместившее потерпевшему вред (причинитель вреда, страховая организация, выплатившая страховое возмещение по договору добровольного имущественного страхования, любое иное лицо, кроме страховых организаций, застраховавших ответственность причинителя вреда или потерпевшего), имеет право требования к страховщику ответственности потерпевшего только в случаях, допускающих прямое возмещение убытков (статья 14.1 Закона об ОСАГО). В иных случаях такое требование предъявляется к страховщику ответственности причинителя вреда.

Лицо, возместившее вред, причиненный в результате страхового случая, имеет право требования к страховщику в размере, определенном в соответствии с Законом об ОСАГО. При этом реализация перешедшего права требования осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации с соблюдением положений Закона об ОСАГО, регулирующих отношения между потерпевшим и страховщиком (пункт 23 статьи 12 Закона об ОСАГО).

70. Передача прав потерпевшего (выгодоприобретателя) по договору обязательного страхования допускается только с момента наступления страхового случая.

Право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, включая права, связанные с основным требованием, в том числе требования к страховщику, обязанному осуществить страховую выплату в соответствии с Законом об ОСАГО, уплаты неустойки и суммы финансовой санкции (пункт 1 статьи 384 ГК РФ, абзацы второй и третий пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Эти же правила применяются к случаям перехода к страховщику, выплатившему страховое возмещение, прав в порядке суброгации, поскольку такой переход является частным случаем перемены лиц в обязательстве на основании закона (подпункт 4 пункта 1 статьи 387, пункт 1 статьи 965 ГК РФ).

71. Права потерпевшего на возмещение вреда жизни и здоровью, на компенсацию морального вреда и на получение предусмотренного пунктом 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО и пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей штрафа, а также права потребителя, предусмотренные пунктом 2 статьи 17 Закона о защите прав потребителей, не могут быть переданы по договору уступки требования (статья 383 ГК РФ).

Присужденные судом суммы компенсации морального вреда и предусмотренного пунктом 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО и пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей штрафа могут быть переданы по договору уступки права требования любому лицу.

72. Если вред причинен лицом, находящимся в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), к страховщику, осуществившему страховую выплату, переходит требование потерпевшего к лицу, причинившему вред, в размере осуществленной потерпевшему выплаты (подпункт «б» пункта 1 статьи 14 Закона об ОСАГО). Презюмируется, что вред причинен лицом, находящимся в состоянии опьянения, если такое лицо отказалось от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

73. При переходе прав выгодоприобретателя (потерпевшего) к другому лицу (например, уступка права требования, суброгация) это лицо может получить возмещение при соблюдении тех же условий, которые действовали в отношении первоначального выгодоприобретателя (пункт 1 статьи 384 ГК РФ), в частности, приобретатель должен уведомить страховую компанию о наступлении страхового случая, подать заявление о страховой выплате с приложением всех необходимых документов, представить поврежденное имущество для осмотра и (или) проведения независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (осмотра), направить претензию, если эти действия не были совершены ранее предыдущим выгодоприобретателем (потерпевшим).

74. Если размер возмещения, выплаченного страховщиком по договору добровольного имущественного страхования, превышает страховую сумму по договору обязательного страхования, к страховщику в порядке суброгации наряду с требованием к страховой организации, обязанной осуществить страховую выплату в соответствии с Законом об ОСАГО, переходит требование к причинителю вреда в части, превышающей эту сумму (глава 59 ГК РФ).

75. Страховщик, выплативший страховое возмещение по договору добровольного страхования имущества, вправе требовать возмещения причиненных убытков от страховщика ответственности причинителя вреда независимо от того, имелись ли условия, предусмотренные для осуществления страхового возмещения в порядке прямого возмещения убытков.

Если при рассмотрении дела по суброгационному иску установлено, что страховая организация причи-

нителя вреда выплатила страховое возмещение в рамках договора обязательного страхования, то суду необходимо установить, какой из страховщиков (истец или ответчик) произвел выплату раньше.

В том случае, если страховое возмещение по договору обязательного страхования выплачено ранее страхового возмещения по договору добровольного страхования имущества, в том числе в случае, когда оно выплачено во исполнение соглашения о прямом возмещении убытков, то суброгационный иск к страховщику причинителя вреда удовлетворению не подлежит (пункт 1 статьи 408 ГК РФ).

Если страховая организация по договору добровольного страхования имущества осуществила выплату ранее страховщика причинителя вреда, в том числе когда имеет место выплата по прямому возмещению убытков, иск подлежит удовлетворению, за исключением случаев, когда будет установлено, что страховая организация, получившая суброгационные требования, не уведомила должным образом страховую компанию причинителя вреда о произошедшей суброгации (пункт 3 статья 382 ГК РФ).

76. В случае оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции, на водителей, причастных к дорожно-транспортному происшествию, возложена обязанность в течение пяти рабочих дней направить в адрес страховщиков, застраховавших их гражданскую ответственность, бланк извещения о дорожно-транспортном происшествии (пункт 2 статьи 11.1 Закона об ОСАГО).

Признание судом причин пропуска причинителем вреда пятидневного срока для направления в адрес страховщика, застраховавшего его гражданскую ответственность, бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии уважительными (например, тяжелая болезнь или другие не зависящие от лица обстоятельства, в силу которых оно было лишено возможности исполнить свою обязанность) является основанием для отказа в удовлетворении требований страховщика, осуществившего страховое возмещение, о взыскании с причинителя вреда денежной суммы в размере осуществленного страхового возмещения на основании подпункта «ж» пункта 1 статьи 14 Закона об ОСАГО.

Меры ответственности страховщика за нарушение сроков выплаты страхового возмещения

77. Размер финансовой санкции за несоблюдение срока направления потерпевшему мотивированного отказа в страховой выплате определяется в размере 0,05 процента за каждый день просрочки от страховой суммы по виду причиненного вреда каждому потерпевшему, установленной статьей 7 Закона об ОСАГО (абзац третий пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Если документы о дорожно-транспортном происшествии оформлены без участия уполномоченных сотрудников полиции, то размер финансовой санкции за несоблюдение срока направления потерпевшему мотивированного отказа в страховой выплате определяется в размере 0,05 процента за каждый день просрочки от

предельной суммы, установленной пунктами 4 и 5 статьи 11.1 Закона об ОСАГО.

Финансовая санкция исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, т.е. с 21-го дня после получения страховщиком заявления потерпевшего о страховой выплате и документов, предусмотренных Правилами, и до дня направления мотивированного отказа потерпевшему, а при его ненаправлении - до дня присуждения ее судом.

В случае организации потерпевшим ремонта на станции технического обслуживания самостоятельно (пункт 15.3 статьи 12 Закона об ОСАГО) финансовая санкция исчисляется с 31-го рабочего дня.

Если после начала начисления финансовой санкции страховщиком полностью или частично осуществлено страховое возмещение в пользу потерпевшего, финансовая санкция подлежит начислению до момента осуществления такого возмещения.

78. Размер неустойки за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства определяется в размере 1 процента, а за несоблюдение срока проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства определяется в размере 0,5 процента за каждый день просрочки от суммы страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему по конкретному страховому случаю, за вычетом сумм, выплаченных страховой компанией в добровольном порядке в сроки, установленные статьей 12 Закона об ОСАГО (абзац второй пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Неустойка исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, т.е. с 21-го дня после получения страховщиком заявления потерпевшего о страховой выплате и документов, предусмотренных Правилами, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору включительно.

Неустойка за несоблюдение срока проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства исчисляется, по общему правилу, с 31-го рабочего дня после представления потерпевшим транспортного средства на станцию технического обслуживания или передачи его страховщику для организации транспортировки к месту восстановительного ремонта.

79. Взыскание неустойки наряду с финансовой санкцией производится в случае, когда страховщиком нарушается как срок направления потерпевшему мотивированного отказа в страховом возмещении, так и срок осуществления страховой выплаты или возмещения причиненного вреда в натуральной форме.

Следует учитывать, что пункт 6 статьи 16.1 Закона об ОСАГО устанавливает ограничение общего размера взысканных судом неустойки и финансовой санкции только в отношении потерпевшего - физического лица.

80. На сумму несвоевременно выплаченного страхового возмещения не подлежат начислению проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ (пункт 4 статьи 395 ГК РФ, пункт 7 статьи 16.1 Закона об ОСАГО).

81. При удовлетворении судом требований потерпевшего суд одновременно разрешает вопрос о взыскании с ответчика штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (пункт 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО). Если такое требование не заявлено, то суд в ходе рассмотрения дела по существу ставит вопрос о взыскании штрафа на обсуждение сторон (часть 2 статьи 56 ГПК РФ).

Если решение о взыскании со страховщика штрафа судом не принято, суд вправе в порядке, установленном статьями 201 ГПК РФ и 178 АПК РФ, вынести дополнительное решение. Отсутствие в решении суда указания на взыскание штрафа может служить также основанием для изменения решения судом апелляционной или кассационной инстанции при рассмотрении соответствующей жалобы (статьи 330, 387 ГПК РФ).

82. Размер штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего определяется в размере 50 процентов от разницы между суммой страхового возмещения, подлежащего выплате по конкретному страховому случаю потерпевшему, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке до возбуждения дела в суде, в том числе после предъявления претензии. При этом суммы неустойки (пени), финансовой санкции, денежной компенсации морального вреда, а также иные суммы, не входящие в состав страховой выплаты, при исчислении размера штрафа не учитываются (пункт 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО).

83. Штраф за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего, исходя из положений абзаца пятого статьи 1 и пункта 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО, взыскивается в пользу физического лица - потерпевшего.

При удовлетворении судом требований, заявленных общественными объединениями потребителей (их ассоциациями, союзами) или органами местного самоуправления в защиту прав и законных интересов конкретного потерпевшего - потребителя, 50 процентов определенной судом суммы штрафа, по аналогии с пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей, взыскивается в пользу указанных объединений или органов независимо от того, заявлялось ли ими такое требование (пункт 1 статьи 6 ГК РФ).

При удовлетворении судом требований юридических лиц указанный штраф не взыскивается.

84. Наличие судебного спора о взыскании страхового возмещения указывает на неисполнение страховщиком обязанности по уплате его в добровольном порядке, в связи с чем удовлетворение требований потерпевшего в период рассмотрения спора в суде не освобождает страховщика от уплаты штрафа.

85. Применение статьи 333 ГК РФ об уменьшении судом неустойки возможно лишь в исключительных случаях, когда подлежащие уплате неустойка, финансовая санкция и штраф явно несоразмерны последствиям нарушенного обязательства. Уменьшение неустойки, финансовой санкции и штрафа допускается только по заявлению ответчика, сделанному в суде первой инстанции или в суде апелляционной инстанции, перешедшем к рассмотрению дела по правилам

производства в суде первой инстанции. В решении должны указываться мотивы, по которым суд пришел к выводу, что уменьшение их размера является допустимым.

86. Страховщик освобождается от обязанности уплаты неустойки, суммы финансовой санкции и/или штрафа, если обязательства страховщика были исполнены в порядке и в сроки, которые установлены Законом об ОСАГО, а также если страховщик докажет, что нарушение сроков произошло вследствие непреодолимой силы или вследствие виновных действий (бездействия) потерпевшего (пункт 5 статьи 16.1 Закона об ОСАГО).

При установлении факта злоупотребления потерпевшим правом суд отказывает во взыскании со страховщика неустойки, финансовой санкции, штрафа, а также компенсации морального вреда (пункт 4 статьи 1 и статья 10 ГК РФ). В удовлетворении таких требований суд отказывает, когда установлено, что в результате действий потерпевшего страховщик не мог исполнить свои обязательства в полном объеме или своевременно, в частности, потерпевшим направлены документы, предусмотренные Правилами, без указания сведений, позволяющих страховщику идентифицировать предыдущие обращения, либо предоставлены недостоверные сведения о том, что характер повреждений или особенности поврежденного транспортного средства, иного имущества исключают его представление для осмотра и независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) по месту нахождения страховщика и (или) эксперта (статья 401 и пункт 3 статьи 405 ГК РФ).

87. Предусмотренные Законом об ОСАГО неустойка, финансовая санкция и штраф применяются и к профессиональному объединению страховщиков (абзац третий пункта 1 статьи 19 Закона об ОСАГО).

Процессуальные особенности рассмотрения дел, связанных с договором обязательного страхования гражданской ответственности

88. Дела по спорам, возникающим из договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления) и не связанным с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции (пункт 1 части 1 и часть 3 статьи 22 ГПК РФ).

При определении подсудности спора, связанного с обязательным страхованием, рассмотрение которого относится к компетенции судов общей юрисдикции, судам следует руководствоваться общими правилами, установленными статьями 23 и 24 ГПК РФ:

а) дела по имущественным спорам (например, в случае предъявления иска о взыскании страховой выплаты) при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей на день подачи заявления, подсудны мировому судье (пункт 5 части 1 статьи 23 ГПК РФ);

б) дела по имущественным спорам при цене иска, превышающей пятьдесят тысяч рублей на день подачи заявления, а также дела по искам, не подлежащим оценке (например, о нарушении права потребителя на

достоверную информацию), подсудны районному суду (статья 24 ГПК РФ).

В случае, если одновременно с требованием имущественного характера, подсудным мировому судье, заявлено производное от него требование о компенсации морального вреда, то такие дела подсудны мировому судье.

Если после увеличения исковых требований или при предъявлении встречного иска новые требования частично или полностью подсудны районному суду, все требования подлежат рассмотрению в районном суде. В этом случае мировой судья выносит определение о передаче дела в районный суд (часть 3 статьи 23 ГПК РФ).

89. Дела по спорам, возникающим из договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, подлежат рассмотрению арбитражным судом (часть 1 статьи 27, статья 28 АПК РФ).

90. Дела по спорам, связанным с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств, рассматриваются по общему правилу территориальной подсудности по месту нахождения ответчика (статья 28 ГПК РФ, статья 35 АПК РФ).

Иск к страховой организации может быть предъявлен также по месту нахождения филиала или представительства, заключившего договор обязательного страхования, или по месту нахождения филиала или представительства, принявшего заявление об осуществлении страховой выплаты (часть 2 статьи 29 ГПК РФ и часть 5 статьи 36 АПК РФ).

При этом иски по спорам о защите прав потребителя, являющегося страхователем, выгодоприобретателем по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, могут также предъявляться в суд по месту жительства или по месту пребывания истца либо по месту заключения или месту исполнения договора (статья 28 и часть 7 статьи 29 ГПК РФ).

Иски по спорам, связанным с компенсационными выплатами, подлежат рассмотрению по общим правилам территориальной подсудности - по месту нахождения профессионального объединения страховщиков либо по месту нахождения его филиала или представительства.

91. При предъявлении потерпевшим иска непосредственно к причинителю вреда суд в силу части 3 статьи 40 ГПК РФ и части 6 статьи 46 АПК РФ обязан привлечь к участию в деле в качестве ответчика страховую организацию, к которой в соответствии с Законом об ОСАГО потерпевший имеет право обратиться с заявлением о страховой выплате или прямом возмещении убытков (абзац второй пункта 2 статьи 11 Закона об ОСАГО).

92. Принимая во внимание, что абзацем вторым пункта 1 статьи 16.1 и пунктом 3 статьи 19 Закона об ОСАГО установлен обязательный досудебный порядок урегулирования споров из договора ОСАГО, по-

терпевший вправе подать претензию со дня, когда узнал или должен был узнать:

об отказе страховщика в осуществлении страхового возмещения или в прямом возмещении убытков путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания или выдачи суммы страховой выплаты либо

об осуществлении страхового возмещения или прямого возмещения убытков не в полном объеме.

Кроме того, потерпевший вправе подать претензию со дня, следующего за днем истечения двадцатидневного (тридцатидневного) срока (за исключением нерабочих праздничных дней) со дня подачи заявления о страховом возмещении с представлением всех необходимых документов для принятия решения страховщиком об организации и оплате восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания или о выдаче суммы страховой выплаты (пункт 15.3 и пункт 21 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Нерабочие праздничные дни определяются в соответствии со статьей 112 Трудового кодекса Российской Федерации.

93. Соблюдением потерпевшим обязательного досудебного порядка урегулирования споров следует считать направление и доставку претензии с приложением всех документов, предусмотренных Правилами, с указанием сведений, позволяющих страховщику идентифицировать ее с предыдущими обращениями.

94. Судья возвращает исковое заявление в случае несоблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора при предъявлении потерпевшим иска к страховой организации или одновременно к страховой организации и причинителю вреда (статья 135 ГПК РФ и статья 129 АПК РФ).

В случаях установления данного обстоятельства при рассмотрении дела или привлечения страховой организации в качестве ответчика иски предъявляемые как к страховщику, так и к причинителю вреда подлежат оставлению без рассмотрения на основании абзаца второго статьи 222 ГПК РФ и пункта 2 части 1 статьи 148 АПК РФ.

Правила об обязательном досудебном порядке урегулирования спора применяются и в случае замены ответчика - причинителя вреда на страховую компанию в соответствии со статьей 41 ГПК РФ и статьей 47 АПК РФ.

95. Правила об обязательном досудебном порядке урегулирования спора применяются также в случае предъявления иска к профессиональному объединению страховщиков о взыскании компенсационных выплат (абзац третий пункта 1 статьи 19 Закона об ОСАГО).

96. Потерпевший вправе обратиться в суд с иском к страховой организации о выплате страхового возмещения после получения ответа страховой организации на претензию или по истечении десятидневного срока, установленного пунктом 1 статьи 16.1 Закона об ОСАГО для рассмотрения страховщиком досудебной претензии, за исключением случаев продления срока, предусмотренного пунктом 11 статьи 12 Закона об ОСАГО.

97. Соблюдение предусмотренного абзацем четвертым пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО досудебно-

го порядка урегулирования спора обязательно также при заявлении требований о понуждении к выдаче направления на ремонт.

98. При предъявлении в суд требований о взыскании одновременно страхового возмещения, неустойки и/или финансовой санкции обязательный досудебный порядок урегулирования спора считается соблюденным и в случае, если требования, установленные пунктом 1 статьи 16.1 Закона об ОСАГО, выполнены истцом только в отношении требований о страховой выплате.

Соблюдение предусмотренного абзацем четвертым пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО обязательного досудебного порядка урегулирования спора для обращения в суд с требованиями о взыскании неустойки и/или финансовой санкции является обязательным, если вступившим в законную силу решением суда рассмотрены требования о выплате страхового возмещения, а исковые требования о взыскании неустойки и финансовой санкции истцом не заявлялись.

Соблюдение предусмотренного абзацем четвертым пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО досудебного порядка урегулирования спора обязательно также при обращении в суд с требованиями о взыскании неустойки в связи с нарушением станцией технического обслуживания срока восстановительного ремонта.

99. Стоимость независимой технической экспертизы и (или) независимой экспертизы (оценки), организованной потерпевшим в связи с неисполнением страховщиком обязанности по осмотру поврежденного транспортного средства и (или) организации соответствующей экспертизы страховщиком в установленный пунктом 11 статьи 12 Закона об ОСАГО срок, является убытками. Такие убытки подлежат возмещению страховщиком по договору обязательного страхования сверх предусмотренного Законом об ОСАГО размера страхового возмещения в случае, когда страховщиком добровольно выплачено страховое возмещение или судом удовлетворены требования потерпевшего (статья 15 ГК РФ, пункт 14 статьи 12 Закона об ОСАГО).

С момента оплаты стоимости указанной экспертизы на эту сумму расходов, понесенных потерпевшим, также подлежат начислению проценты по правилам статьи 395 ГК РФ.

100. Если потерпевший, не согласившись с результатами проведенной страховщиком независимой технической экспертизы и (или) независимой экспертизы (оценки), самостоятельно организовал проведение независимой экспертизы до обращения в суд, то ее стоимость относится к судебным расходам и подлежит возмещению по правилам части 1 статьи 98 ГПК РФ и части 1 статьи 110 АПК РФ независимо от факта проведения по аналогичным вопросам судебной экспертизы.

101. Исходя из требований добросовестности (часть 1 статьи 35 ГПК РФ и часть 2 статьи 41 АПК РФ) расходы на оплату независимой технической экспертизы и (или) независимой экспертизы (оценки), понесенные потерпевшим, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом со страховщика в разумных пределах, под которыми следует понимать расходы,

обычно взимаемые за аналогичные услуги (часть 1 статьи 100 ГПК РФ, часть 2 статьи 110 АПК РФ).

Бремя доказывания того, что понесенные потерпевшим расходы являются завышенными, возлагается на страховщика (статья 56 ГПК РФ и статья 65 АПК РФ).

102. С целью обеспечения баланса интересов сторон, исключения возможности получения необоснованной выгоды в результате недобросовестного поведения стороны, которое может выражаться в том числе в искусственном разделении требования по одному договору посредством предъявления нескольких исковых заявлений, судом с учетом конкретных обстоятельств дела такие действия могут быть признаны злоупотреблением процессуальными правами истца и повлечь отказ в признании понесенных истцом судебных издержек разумными и необходимыми полностью или в части (часть 1 статьи 35 ГПК РФ) либо возложение на истца понесенных ответчиком судебных издержек (статья 111 АПК РФ).

103. В связи с принятием настоящего постановления признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 года N 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Верховный Суд РФ представил пятый обзор судебной практики
в 2017 году

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
27 декабря 2017 г.

**ОБЗОР
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ N 5 (2017)**

**ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

По уголовным делам

1. По смыслу закона, если статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой квалифицировано преступление, предусматривает возможность назначения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

По приговору суда (оставленному без изменения в апелляционном порядке) К. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) к 8 годам лишения свободы со штрафом в размере 300 тыс. руб., с ограничением свободы на срок 2 года, в течение которого запрещено изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области, и обязан являться 3 раза в месяц в специализированный государственный орган для регистрации, с отбыванием лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В надзорной жалобе осужденный просил о пересмотре судебных решений в части назначения ему дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы, поскольку их применение не мотивировано в приговоре.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе, изменил судебные решения в отношении осужденного по следующим основаниям.

По приговору суда от 11 июня 2013 г., который по итогам рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке оставлен без изменения, К. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) к 8 годам лишения свободы со штрафом в размере 300 тыс. руб. и с ограничением свободы на срок 2 года, с установлением указанных в приговоре ограничений.

Санкцией ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) предусмотрены в качестве дополнительных наказаний к лишению свободы штраф в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного

дохода осужденного за период до пяти лет и ограничение свободы на срок до двух лет, которые могут быть назначены по усмотрению суда.

По смыслу закона, если статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой квалифицировано преступление, предусматривает возможность назначения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

В силу требований, предусмотренных п. 4 ст. 307 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия.

Между тем суд, назначив К. по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) к лишению свободы дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы, принятое решение в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора не мотивировал. Следовательно, приговор суда в этой части не может быть признан законным и обоснованным.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и апелляционное определение, исключил назначение К. по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) дополнительных наказаний в виде штрафа в размере 300 тыс. руб. и ограничения свободы на срок 2 года. Эти же судебные решения в части осуждения К. по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) к 8 годам лишения свободы оставил без изменения.

Постановление
Президиума Верховного Суда
Российской Федерации
N 143-П17

2. При назначении наказания в виде ограничения свободы в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны конкретные виды ограничений, предусмотренные ст. 53 УК РФ.

По приговору суда Ю. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы сроком на 11 лет с ограничением свободы на 1 год.

В надзорной жалобе осужденный просил исключить из приговора указание о назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы, поскольку суд в нарушение ст. 53 УК РФ не установил никаких ограничений, указав лишь срок.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в части назначенного Ю. наказания по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть, в частности, указаны вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным; решение о дополнительных видах наказания в соответствии со ст. 45 УК РФ;

ограничения, которые устанавливаются для осужденного к наказанию в виде ограничения свободы.

Наказание в виде ограничения свободы регламентировано ст. 53 УК РФ, в соответствии с положениями которой ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному ограничений и возложении на него определенных обязанностей и назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой и средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

По данному делу по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ суд назначил осужденному дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год.

Однако вопреки требованиям ст. 53 УК РФ суд не возложил на осужденного обязанностей и не установил конкретных ограничений. Указанное нарушение уголовного закона при назначении наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и кассационное определение, исключил назначение по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы сроком на 1 год.

Постановление
Президиума Верховного Суда
Российской Федерации
N 144-П17

3. В силу положений ч. 3 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство) не может превышать 10 лет лишения свободы.

По приговору суда Ч. помимо прочего осужден по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ за покушение на убийство А., П. и М. к 11 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ за покушение на убийство К. и других к 10 годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений к 16 годам лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указанный приговор изменила: действия Ч., квалифицированные по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство А. и других) и по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство К. и других), квалифицировала по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по которой назначила 11 лет лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, назначила 15 лет 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. руб.

В надзорной жалобе осужденный просил о смягчении ему наказания. В обоснование указывал, что судом были установлены смягчающие наказание обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, при этом отягчающих наказание обстоятельств не установлено. Следовательно, на момент рассмотрения

уголовного дела в кассационном порядке подлежал применению в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ новый уголовный закон (ч. 1 ст. 62 УК РФ в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. N 141-ФЗ), улучшающий его положение, этого не учел суд кассационной инстанции. Таким образом, имеются основания для смягчения осужденному наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. N 141-ФЗ).

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям.

Как усматривается из приговора, суд первой инстанции при назначении Ч. наказания признал смягчающими обстоятельствами в том числе явку с повинной, его активное содействие раскрытию преступлений и изобличению других соучастников преступлений, то есть обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. При этом обстоятельство, отягчающих наказание, судом не установлено.

Согласно ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ, действовавшей на момент совершения преступления) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти требования закона при постановлении приговора были соблюдены.

Кассационная инстанция, признав, что при квалификации содеянного по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство А. и других) и по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство К. и других) неправильно применен уголовный закон, квалифицировала действия осужденного по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по которой назначила ему 11 лет лишения свободы.

Между тем на момент рассмотрения уголовного дела в кассационном порядке ст. 62 УК РФ действовала в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. N 141-ФЗ.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. N 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

При назначении наказания за неоконченное преступление указанные сроки или размеры наказания исчисляются от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, которое может быть назначено с учетом правил чч. 2 и 3 ст. 66 УК РФ.

Следовательно, с учетом требований ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г.

№ 141-ФЗ), которая в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ подлежала применению судом кассационной инстанции, Ч. по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ не может быть назначено наказание, превышающее 10 лет лишения свободы.

Таким образом, судом кассационной инстанции при назначении Ч. наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ допущено существенное нарушение уголовного закона.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и кассационное определение и смягчил Ч. наказание по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 9 лет 6 месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, назначил Ч. 15 лет лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. руб.

Постановление
Президиума Верховного Суда
Российской Федерации
№ 169-П17

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров по требованиям о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения

4. Собственник жилого дома, в непосредственной близости от которого ведутся строительные работы, вправе требовать обеспечения застройщиком безопасного производства работ.

Ц. обратился в суд с иском к К. о возмещении ущерба, компенсации морального вреда и возложении на ответчика обязанности совершить определенные действия, указав на то, что ответчик в процессе возведения многоэтажного здания в непосредственной близости от жилого дома истца нарушает порядок осуществления строительства, что причиняет истцу и членам его семьи имущественный ущерб, а также создает угрозу их жизни и здоровью. В связи с этим Ц. просил суд обязать ответчика привести в соответствие с установленными требованиями ограждение всей территории строительной площадки, установив специальный защитный козырек, а также оградительную сетку в целях избежания попадания строительного мусора и бетонного раствора со строящегося объекта на проезд к дому, в котором проживает Ц., и придомовую территорию.

Кроме того, истец указал, что вследствие допущения ответчиком при ведении строительства нарушений в части устройства защитных ограждений строительной площадки и соблюдения техники безопасности причинен ущерб принадлежащим ему транспортным средствам, который подлежит возмещению.

Разрешая спор и частично удовлетворяя требования Ц., суд с учетом заключения судебной автотехнической экспертизы установил факт падения со строящегося объекта капель строительного раствора, причинивших повреждения лакокрасочному покрытию автомобилей истца, и признал доказанным при-

чинение вреда имуществу истца по вине ответчика. Отказывая в удовлетворении требований Ц. о возложении на К. как на застройщика многоэтажного здания обязанности привести ограждение строительных конструкций в соответствии с требованиями нормативных документов, обеспечить безопасность прохода к дому вдоль стройки и пользования придомовой территорией, суд пришел к выводу об отсутствии у Ц. субъективного права заявлять соответствующие требования, поскольку посчитал, что они направлены на защиту прав неопределенного круга лиц и конкретного муниципального образования, выступать от имени которых истец в силу действующего законодательства не вправе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно указав на отсутствие в материалах дела данных о том, что строительство ведется ответчиком с нарушением строительных и градостроительных норм и правил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с вынесенными судебными постановлениями в той части, в которой в удовлетворении исковых требований заявителя было отказано, не согласилась по следующим основаниям.

Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46). Право на судебную защиту является непосредственно действующим, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 17, ст. 18).

Исходя из принципа диспозитивности гражданского судопроизводства заинтересованное лицо по своему усмотрению выбирает формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом. В силу положений ч. 1 ст. 3 и ч. 1 ст. 4 ГПК РФ условием реализации этих прав является указание в исковом заявлении на то, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца.

Статья 1 (п. 1) ГК РФ к числу основных начал гражданского законодательства относит, в частности, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, а абзац третий ст. 12 ГК РФ устанавливает такой способ защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Таким образом, действующее законодательство прямо предусматривает, что заявление требования о пресечении действий, нарушающих право, может быть использовано конкретным субъектом в качестве способа защиты его нарушенного права.

В связи с этим вывод суда о том, что требования истца о возложении обязанности на ответчика привести в соответствие с установленными требованиями ограждение всей территории строительной площадки, установив специальный защитный козырек, а также оградительную сетку, направлены на защиту

прав неопределенного круга лиц и муниципального образования, а не на защиту прав заявителя, является ошибочным.

В силу ч. 6 ст. 52 Градостроительного кодекса Российской Федерации лицо, осуществляющее строительство, обязано обеспечивать безопасность работ для третьих лиц и окружающей среды.

Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. N 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» безопасность зданий и сооружений, а также связанных со зданиями и сооружениями процессов проектирования (включая изыскания), строительства, монтажа, наладки, эксплуатации и утилизации (сноса) обеспечивается посредством установления соответствующих требованиям безопасности проектных значений параметров зданий и сооружений и качественных характеристик в течение всего жизненного цикла здания или сооружения, реализации указанных значений и характеристик в процессе строительства и поддержания состояния таких параметров и характеристик на требуемом уровне в процессе эксплуатации, консервации и сноса.

В ст. 35 названного закона установлено, что строительство, реконструкция, капитальный и текущий ремонт здания или сооружения, консервация объекта, строительство которого не завершено, должны осуществляться таким образом, чтобы негативное воздействие на окружающую среду было минимальным и не возникла угроза для жизни и здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества, жизни и здоровья животных и растений.

Статья 304 ГК РФ предусматривает, что собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения, предоставляя собственнику защиту от действий, не связанных с лишением владения, в том числе от действий собственника (владельца) соседнего земельного участка.

Из содержания приведенных выше норм Градостроительного кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 30 декабря 2009 г. N 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» в их системной взаимосвязи с положениями ст. 304 ГК РФ следует, что К., занимающийся строительными работами на расположенном в непосредственной близости от жилого дома истца земельном участке, должен обеспечить такое производство работ, которое было бы безопасным для истца и членов его семьи, а Ц., в свою очередь, обладает правом требовать от ответчика исполнения соответствующей обязанности.

Как указано в п. 45 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее - постановление Пленума N 10/22), применяя ст. 304 ГК РФ, судам необходимо учитывать, что в силу ст. 304, 305 ГК РФ иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, подлежит удовлетворению в случае,

если истец докажет, что он является собственником или лицом, владеющим имуществом по основанию, предусмотренному законом или договором, и что действиями ответчика, не связанными с лишением владения, нарушается его право собственности или законное владение. Иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, подлежит удовлетворению независимо от того, на своем или чужом земельном участке либо ином объекте недвижимости ответчик совершает действия (бездействие), нарушающие право истца.

В соответствии с п. 46 постановления Пленума N 10/22 при рассмотрении исков об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, путем возведения ответчиком здания, строения, сооружения суд устанавливает факт соблюдения градостроительных и строительных норм и правил при строительстве соответствующего объекта. Несоблюдение, в том числе незначительное, градостроительных и строительных норм и правил при строительстве может являться основанием для удовлетворения заявленного иска, если при этом нарушается право собственности или законное владение истца.

В силу п. 47 постановления Пленума N 10/22, удовлетворяя иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, суд вправе как запретить ответчику совершать определенные действия, так и обязать ответчика устранить последствия нарушения права истца.

Согласно п. 1 ст. 1065 ГК РФ опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность.

С учетом изложенного обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел о пресечении действий, нарушающих право, является установление факта нарушения ответчиком права, принадлежащего истцу, либо угрозы такого нарушения.

Как следует из материалов дела, Ц., обращаясь в суд с иском о возложении на К. обязанности устранить нарушения порядка осуществления строительства многоэтажного здания, указывал на то, что эти нарушения не только сопряжены с причинением вреда его имуществу, но и ставят под угрозу жизнь и здоровье заявителя и членов его семьи.

При рассмотрении дела суд установил факт падения капель раствора со строящегося здания на автомобиль истца, причинившего повреждение их лакокрасочному покрытию, то есть факт нарушения имущественных прав истца в результате производства строительных работ, однако указал, что опасения истца за свою жизнь и жизнь членов его семьи безосновательны, поскольку опасность падения тяжелого предмета за пределы строительной площадки отсутствует.

Между тем судом не было учтено следующее.

В ходе судебных заседаний Ц. указывал, что строящееся здание находится в непосредственной близости от его домовладения. Ширина проезда между его домом и строящимся объектом составляет 6 метров.

Допрошенный в судебном заседании свидетель пояснил, что на проезде, разделяющем земельные участки истца и ответчика, валяются куски кирпича. Дру-

гой свидетель в судебном заседании указал, что видел, как при сильном ветре кусок профнастила отлетел от строительного забора ответчика и упал на автомобиль, принадлежащий истцу.

Согласно ответу на обращение Ц., данному департаментом по надзору в строительной сфере, специалистом департамента в период с 22 по 30 декабря 2015 г. проводилась плановая проверка строящегося здания и выявлены в том числе нарушения в части устройства защитных ограждений строительной площадки и лестничных маршей, а также установки информационного щита при въезде на строительную площадку. При очередной проверке с 10 февраля по 10 марта 2016 г. выявлены нарушения требований проектной документации, утвержденной в установленном порядке, требований технических регламентов, в том числе техники безопасности (допущены нарушения при устройстве монолитных перемычек и внутренних стен и перегородок, ограждения строительной площадки выполнено без защитных экранов, козырек выполнен не по всему периметру, отсутствуют защитные ограждения перепадов высот более 1,3 метра, отсутствует информационный щит). Впоследствии при проведении внеплановой проверки в период с 12 по 29 апреля 2016 г. специалистом департамента установлено, что строительные работы возобновлены, ранее выявленные нарушения не устранены. Отмечалось также, что срок действия разрешения на строительство истек. С 24 июля по 1 июля 2016 г. при очередной проверке выявлено продолжение незаконного строительства, нарушения не устранены.

Однако эти обстоятельства были оставлены без внимания и оценки судебных инстанций.

Определение N 18-КГ17-49

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

5. Несоблюдение компетентными органами процедуры изъятия жилого помещения, установленной ст. 32 ЖК РФ, не препятствует собственнику данного жилого помещения требовать в связи с изъятием выплаты возмещения.

М. обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования о взыскании денежной компенсации в счет возмещения за жилое помещение.

В обоснование исковых требований М. указала, что является собственником 1/10 доли в праве общей долевой собственности на жилое помещение - квартиру, расположенную в многоквартирном доме. Заключение межведомственной комиссии указанный жилой дом признан аварийным и непригодным для проживания, после чего снесен. Поскольку компенсация за жилое помещение ей не была предоставлена, просила взыскать с ответчика денежную компенсацию за 1/10 доли в праве собственности на указанную квартиру в размере 690 000 руб., а также возмещение расходов на регистрацию права собственности на другое жилое помещение в размере 2000 руб., на оплату услуг по подбору жилого помещения в размере 50 000 руб., расходы на проведение оценки в сумме 2 000 руб.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные иски требования в полном объеме, суд первой инстанции указал на то, что жилой дом, в котором находилось принадлежащее истцу жилое помещение, признан аварийным и подлежащим сносу, в связи с чем истец имеет право на получение выкупной стоимости жилого помещения. То обстоятельство, что администрация муниципального образования снесла дом, то есть осуществила действия по реализации властных полномочий, не разрешив вопрос о выплате возмещения собственникам жилых помещений в установленном порядке, без соблюдения процедуры, установленной ст. 32 ЖК РФ, не является основанием для освобождения ответчика от выплаты возмещения за жилое помещение.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что правовым последствием признания дома аварийным и подлежащим сносу для собственника жилого помещения является выплата ему выкупной цены изымаемого жилого помещения, порядок и процедура которой определены в ст. 32 ЖК РФ, предусматривающей предъявление собственнику требования о сносе и реконструкции названного жилого дома.

Поскольку требование о сносе или реконструкции признанного аварийным жилого дома собственникам расположенных в нем жилых помещений не направлялось, решение об изъятии земельного участка не принималось, судебная коллегия пришла к выводу о том, что у администрации муниципального образования отсутствовала законная возможность осуществить возмездное изъятие принадлежащего М. жилого помещения в аварийном жилом доме, а также ее доли в праве собственности на земельный участок, с учетом которой определена выкупная стоимость.

При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что М. не лишена возможности осуществить защиту своих прав собственника жилого помещения в признанном аварийном многоквартирном жилом доме путем понуждения администрации муниципального образования к осуществлению регламентированной ст. 32 ЖК РФ процедуры изъятия земельного участка и принадлежащего ей жилого помещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ч. 8 ст. 32 ЖК РФ предоставление собственнику взамен изымаемого жилого помещения другого жилого помещения допускается только по соглашению с собственником жилого помещения с зачетом стоимости предоставляемого жилого помещения в выкупную цену.

Таким образом, жилое помещение может быть изъято у собственника либо путем выкупа, либо по соглашению с собственником ему может быть предоставлено другое жилое помещение с зачетом его стоимости в выкупную цену.

В силу ч. 9 ст. 32 ЖК РФ, если собственник жилого помещения не согласен с решением об изъятии жилого

го помещения либо с ним не достигнуто соглашение о выкупной цене жилого помещения или других условиях его выкупа, орган государственной власти или орган местного самоуправления, принявшие такое решение, могут предъявить в суд иск о выкупе жилого помещения.

В соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» судам следует учитывать, что в силу ч. 10 ст. 32 ЖК РФ признание в установленном порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является, по общему правилу, основанием для предъявления органом, принявшим такое решение, к собственникам жилых помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок за счет их собственных средств.

В том случае, если собственники жилых помещений в предоставленный им срок не осуществили снос или реконструкцию многоквартирного дома, органом местного самоуправления принимается решение об изъятии земельного участка, на котором расположен указанный аварийный дом, для муниципальных нужд (чтобы на территории муниципального образования не было жилого дома, не позволяющего обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан) и соответственно об изъятии каждого жилого помещения в доме путем выкупа, за исключением жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальному образованию. К порядку выкупа жилых помещений в аварийном многоквартирном доме в этом случае согласно ч. 10 ст. 32 ЖК РФ применяются нормы чч. 1 - 3, 5 - 9 ст. 32 ЖК РФ. При этом положения ч. 4 ст. 32 ЖК РФ о предварительном уведомлении собственника об изъятии принадлежащего ему жилого помещения применению не подлежат.

Как усматривается из материалов дела, ответчиком процедура изъятия жилого помещения для муниципальных нужд, установленная ст. 32 ЖК РФ, нарушена, в связи со сносом жилого дома возможность соблюдения такой процедуры утрачена.

На момент рассмотрения спора принадлежащее истцу на праве собственности жилое помещение в результате распорядительных действий ответчика было фактически изъято из ее владения без предоставления равноценного возмещения.

Между тем в соответствии со ст. 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Несоблюдение органом местного самоуправления установленной законом процедуры, что имело место по данному делу, не должно умалять права истца и препятствовать их восстановлению.

С учетом изложенных выше норм права Судебная коллегия признала необоснованным вывод суда апелляционной инстанции о том, что М. не лишена возможности осуществить защиту своих прав собственника

жилого помещения в аварийном многоквартирном жилом доме путем понуждения администрации муниципального образования к осуществлению регламентированной ст. 32 ЖК РФ процедуры изъятия земельного участка и принадлежащего ей жилого помещения.

Определение N 1-КГ17-6

б. Цена находящегося в государственной собственности земельного участка, выкупаемого собственником расположенных на нем строений, определяется исходя из кадастровой стоимости этого участка на момент обращения с заявлением о выкупе в уполномоченный орган.

К. обратился в суд с иском к департаменту имущественных и земельных отношений администрации области об урегулировании разногласий, возникших при заключении договора купли-продажи земельного участка.

Судом по делу установлено, что К. является арендатором земельного участка, который поставлен на кадастровый учет.

На арендуемом земельном участке располагаются принадлежащие К. на праве собственности объекты недвижимости - нежилые здания.

Решением суда от 6 февраля 2015 г. кадастровая стоимость арендуемого К. земельного участка установлена в размере 6 549 422 руб.

5 октября 2015 г. К. обратился в департамент с заявлением о предоставлении в собственность арендуемого им земельного участка.

24 декабря 2015 г. департамент направил К. проект договора купли-продажи земельного участка от 11 декабря 2015 г., проект дополнительного соглашения о расторжении договора аренды земельного участка от 18 ноября 2004 г., заявителю предложено произвести оплату согласно п. 2.2 договора в размере 2 026 822 руб. 29 коп. в течение 7 рабочих дней с даты получения договора и в 30-дневный срок со дня получения уведомления подписать проект договора купли-продажи, проект дополнительного соглашения и направить в департамент.

Не согласившись с расчетом цены выкупа земельного участка исходя из размера кадастровой стоимости 16 214 578 руб. 32 коп., 25 декабря 2015 г. К. обратился в департамент с заявлением с просьбой внести изменения в проект договора купли-продажи находящегося в государственной собственности земельного участка от 11 декабря 2015 г. в части расчета выкупной стоимости указанного участка, поскольку на момент обращения его с заявлением в государственном кадастре недвижимости содержались сведения о кадастровой стоимости земельного участка в размере 6 549 422 руб., информация о кадастровой стоимости земельного участка в размере 16 214 578 руб. 32 коп. являлась неактуальной и в ГКН не содержалась.

16 февраля 2016 г. департамент проинформировал о рассмотрении указанного обращения по вопросу перерасчета выкупной стоимости земельного участка и сообщил, что с 1 января 2016 г. кадастровая стоимость земельного участка установлена в размере 12 581 583 руб. 8 коп., в связи с чем направил истцу

проект договора купли-продажи земельного участка от 4 февраля 2016 г., проект дополнительного соглашения о расторжении договора аренды земельного участка от 18 ноября 2004 г., К. предложено произвести оплату согласно п. 2.2 договора в размере 1 572 697 руб. 89 коп. в течение 7 рабочих дней с даты получения договора и в 30-дневный срок со дня получения уведомления подписать проект договора купли-продажи, проект дополнительного соглашения и направить в департамент.

Не согласившись с расчетом цены выкупа земельного участка и выкупной ценой, К. 25 февраля 2016 г. сопроводительным письмом направил в департамент проект договора купли-продажи находящегося в государственной собственности земельного участка от 4 февраля 2016 г. вместе с протоколом разногласий к проекту договора от 24 февраля 2016 г. и протоколом согласования разногласий от 24 февраля 2016 г.

29 апреля 2016 г. К. получен ответ от 24 марта 2016 г. об отклонении протокола разногласий, так как на момент принятия решения о заключении договора купли-продажи земельного участка кадастровая стоимость земельного участка составляла 12 581 583 руб. 8 коп.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

Согласно п. 5 ст. 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ, Кодекс) для приобретения права собственности на земельный участок все собственники здания, сооружения или помещений в них, за исключением лиц, которые пользуются земельным участком на условиях сервитута для прокладки, эксплуатации, капитального или текущего ремонта коммунальных, инженерных, электрических и других линий, сетей или имеют право на заключение соглашения об установлении сервитута в указанных целях, совместно обращаются в уполномоченный орган.

Из положений п. 5 ст. 39.17 Кодекса следует, что в срок не более чем 30 дней со дня поступления заявления о предоставлении земельного участка в собственность уполномоченный орган рассматривает поступившее заявление, проверяет наличие или отсутствие оснований для отказа в предоставлении земельного участка, предусмотренных ст. 39 ЗК РФ, и при отсутствии таких оснований, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ, осуществляет подготовку проекта договора купли-продажи в трех экземплярах и их подписание, а также направляет проекты указанных договоров для подписания заявителю либо принимает решение о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно и направляет принятое решение заявителю.

Таким образом, обязанность заключить с собственником расположенных на земельном участке строений договор купли-продажи этого участка, по общему правилу, возникает у уполномоченного органа с момента обращения такого собственника с соответствующим заявлением.

Как предусмотрено п. 4 ст. 421 ГК РФ, условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

Согласно п. 2 ст. 39.4 ЗК РФ при заключении без проведения торгов договора купли-продажи земельного участка, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации или государственная собственность на который не разграничена, цена такого земельного участка определяется в порядке, установленном органом государственной власти субъекта Российской Федерации, если иное не установлено федеральными законами.

Цена названного земельного участка не может превышать его кадастровую стоимость или иной размер цены земельного участка, если он установлен федеральным законом (п. 3 ст. 39.4 Кодекса).

Статьей 24.20 Федерального закона от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» предусмотрено, что, по общему правилу, сведения о кадастровой стоимости используются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с даты их внесения в государственный кадастр недвижимости.

Следовательно, цена находящегося в государственной собственности земельного участка, выкупаемого собственником расположенных на таком участке строений, определяется исходя из кадастровой стоимости этого участка на момент обращения собственника расположенных на нем строений в уполномоченный орган с соответствующим заявлением.

Это не было учтено судами первой и апелляционной инстанций, указавшими, что выкупная цена земельного участка подлежит определению исходя из его кадастровой стоимости на момент принятия.

Определение N 14-КГ17-12

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

7. Право на индексацию взысканной решением суда денежной суммы за период до исполнения обязательства должника третьим лицом и последующего перехода к этому лицу права требования к должнику принадлежит первоначальному кредитору, если исполнение произведено третьим лицом без учета индексации присужденной денежной суммы.

Вступившим в законную силу решением суда от 5 июня 2012 г. в пользу общества-1 с общества-2 и Т. солидарно взыскана задолженность по договору поставки от 20 сентября 2010 г., в том числе сумма основного долга, проценты за пользование коммерческим кредитом, проценты за пользование коммерческим кредитом, начисленные по ставке 0,1% за каждый день пользования кредитом, расходы на оплату государственной пошлины.

Определением суда от 17 июня 2015 г. произведена замена взыскателя (общество-1) на К. на основании заключенного между ними договора уступки права (требований).

Судом установлено, что 11 ноября 2015 г. общество-3 исполнило обязательства Т.

Отказывая в удовлетворении заявления К. об индексации взысканной решением суда денежной суммы за период с момента вынесения решения до его исполнения обществом-3, суд первой инстанции сослался на то, что предложенное обществом-3 исполнение принято кредитором К., в связи с чем на основании ст. 313 и 387 ГК РФ с момента исполнения обязательства к обществу-3 перешли все права кредитора по этому обязательству, что является основанием для замены в соответствии с ч. 1 ст. 44 ГПК РФ взыскателя К. на общество-3 в полном объеме, включая индексацию присужденной суммы за весь период неисполнения решения суда.

Суд апелляционной инстанции с такими выводами суда первой инстанции согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ при просрочке должником исполнения денежного обязательства кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом и в том случае, если должник не возлагал на это лицо исполнение обязательства.

Согласно п. 5 данной статьи закона к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству в соответствии со ст. 387 названного кодекса. Если права кредитора по обязательству перешли к третьему лицу в части, они не могут быть использованы им в ущерб кредитору, в частности, такие права не имеют преимуществ при их удовлетворении за счет обеспечивающего обязательства или при недостаточности у должника средств для удовлетворения требования в полном объеме.

По смыслу приведенных выше норм права кредитора переходят к третьему лицу в названном выше случае в том объеме, в каком это лицо произвело исполнение за должника.

Из установленных судом обстоятельств следует, что на момент исполнения обществом-3 обязательства должников кредитором являлся К.

Решение суда о взыскании суммы долга и процентов по договору принято 5 июня 2012 г., а исполнение произведено обществом-3 10 ноября 2015 г.

Того обстоятельства, что исполнение решения суда о взыскании денежной суммы произведено обществом-3 с учетом ее индексации, судом не установлено.

Напротив, из приложенного к заявлению общества-3 расчета следует, что уплаченная этим обществом К. денежная сумма включает в себя только взысканные решением суда основной долг, проценты на определенную этим решением дату, сумму возмещения расходов на уплату государственной пошлины, а также проценты по договору за последующий период по день фактической уплаты долга. Индексация присужденной решением суда денежной суммы за период неисполнения этого решения в расчет не включена.

При таких обстоятельствах выводы суда первой инстанции об объеме требований, перешедших к исполнившему обязательство третьему лицу, сделаны без учета положений п. 5 ст. 313 ГК РФ.

Определение N 5-КГ17-13

8. Неисполнение покупателем обязанности по оплате переданного ему продавцом товара относится к существенным нарушениям условий договора купли-продажи.

Д. обратилась в суд с иском к П. о расторжении договора купли-продажи и возврате недвижимого имущества.

В обоснование заявленных требований истица указала, что заключила с ответчиком договор купли-продажи принадлежащих ей земельного участка и жилого дома.

Переход к ответчику права собственности на эти объекты недвижимости был в установленном законом порядке зарегистрирован в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, однако ответчик свои обязательства по оплате земельного участка и жилого дома не исполнил, тем самым существенно нарушив условия договора купли-продажи.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что в результате длительного неисполнения ответчиком обязательств по оплате приобретенных у истицы объектов недвижимости Д. в значительной степени лишилась того, на что она была вправе рассчитывать при заключении договора. Суд указал, что такое нарушение условий договора со стороны ответчика является существенным и порождает у истицы право требовать расторжения договора купли-продажи и возврата переданного ответчику имущества.

Проверяя законность принятого судом первой инстанции решения, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о принятии по делу нового решения об отказе в удовлетворении исковых требований. При этом суд согласился с позицией истицы о том, что ответчик не выполнил свои обязанности по оплате приобретенного имущества, однако пришел к выводу, что такое нарушение договора не является существенным и каких-либо доказательств, подтверждающих именно такой характер нарушения договора, истицей не представлено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данный вывод противоречащим положениям п. 2 ст. 450 ГК РФ, согласно которому существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

Определяя существенность нарушения, допущенного покупателем, суд апелляционной инстанции должен был исходить из установленного им обстоятельства о том, что продавец не получил вообще никакой денежной суммы за проданное имущество, а потому с очевидностью лишился того, на что вправе был рассчитывать при заключении договора.

Кроме того, суд апелляционной инстанции со ссылкой на п. 3 ст. 486 ГК РФ указал, что неисполнение обязанности по оплате проданного товара не влечет возникновения у продавца права на расторжение договора купли-продажи, а порождает у него лишь право требовать оплаты товара и уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами.

Такой вывод основан на неправильном толковании п. 3 ст. 486 ГК РФ, предусматривающего, что, если покупатель своевременно не оплачивает переданный в соответствии с договором купли-продажи товар, продавец вправе потребовать оплаты товара и уплаты процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ.

Из буквального толкования текста правовой нормы не следует, что в случае несвоевременной оплаты покупателем переданного в соответствии с договором купли-продажи товара продавец не имеет права требовать расторжения такого договора на основании подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Судом апелляционной инстанции также неправильно применены разъяснения, содержащиеся в п. 65 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

Согласно абзацу четвертому указанного пункта в силу п. 4 ст. 453 ГК РФ стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон. Вместе с тем согласно ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством. Поэтому в случае расторжения договора продавец, не получивший оплаты по нему, вправе требовать возврата переданного покупателю имущества на основании ст. 1102 и 1104 указанного кодекса.

Определение N 78-КГ17-21

Разрешение споров, связанных с защитой прав потребителей

9. Определение страховых рисков по договору страхования жизни и здоровья гражданина-потребителя и предоставление страхователю необходимой информации о страховой услуге - обязанность страховщика, на котором лежит бремя доказывания надлежащего исполнения этой обязанности.

Х. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения и компенсации морального вреда.

В обоснование требований истец указал, что между ним и ответчиком заключен договор страхования от несчастных случаев. К страховым рискам отнесено в том числе наступление инвалидности в результате несчастного случая. В период действия договора истцу была установлена I группа инвалидности. Х. обратился в страховую компанию с заявлением о выплате страхового возмещения, приложив все необходимые документы, однако ответчик в выплате отказал, сославшись на отсутствие страхового случая, так как инвалидность установлена истцу в результате заболевания, а не несчастного случая.

Х. счел данный отказ незаконным и нарушающим его права, в связи с чем просил взыскать в его пользу

сумму страхового возмещения в размере 1 000 000 руб. и 300 000 руб. в счет компенсации морального вреда.

Как установлено судом, указанный договор страхования заключен между сторонами на основании утвержденных страховщиком Общих правил страхования от несчастных случаев и болезней (далее также - Правила). В качестве страховых рисков по указанному договору определены: временная утрата трудоспособности (здоровья) в результате несчастного случая; травма в результате несчастного случая; инвалидность в результате несчастного случая; смерть в результате несчастного случая; госпитализация в результате несчастного случая; операция в результате несчастного случая.

В период действия договора Х. установлена I группа инвалидности вследствие ишемического инсульта.

Отказ в выплате страхового возмещения страховая компания обосновала тем, что инвалидность Х. установлена в результате общего заболевания, а потому согласно условиям договора страхования данное событие не является страховым случаем.

Исследовав и оценив доказательства, а также дав толкование условиям договора, суд первой инстанции, с которым согласился и суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о том, что в связи с установлением Х. I группы инвалидности наступил предусмотренный договором страхования страховой случай, а страховая компания неправомерно отказала истцу в выплате страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя названные судебные акты без изменения, исходила из следующего.

Согласно ст. 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее - Закон об организации страхового дела) страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления (п. 1).

Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам (п. 2).

Согласно ст. 10 Закона Российской Федерации 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Как разъяснено в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных ему недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), суду

следует исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках, имея в виду, что в силу Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Судом по делу установлено, что при заключении договора страхования были заполнены и подписаны заявление на страхование от несчастного случая, а также карточка сведений о лице, подлежащем страхованию. Страхователю выдан полис с указанием на ознакомление с Правилами страхования и получение этих правил застрахованным.

При этом как в заявлении, так и в полисе отсутствует указание на какое-либо различие между наступлением инвалидности от несчастного случая и от заболевания, равно как и то, что инвалидность вследствие болезни исключается из числа страховых случаев по договору.

Доказательств, свидетельствующих о том, что истцу разъяснялось, что инвалидность по болезни не будет являться страховым случаем, а также о наличии возможности заключить договор с дополнительным условием страхования от инвалидности вследствие болезни, суду не представлено.

Из содержания заявления и полиса усматривается, что указанные документы заполнены печатным способом, включая отметки - значок «V» - о том или ином выборе условий страхования. При этом варианта страхования на предмет инвалидности по болезни не имеется.

При таких обстоятельствах суд, оценив волеизъявление сторон при заключении договора страхования с учетом отсутствия у потребителя специальных познаний, пришел к выводу о том, что наступившая у истца инвалидность относится к страховым случаям, на предмет которых заключался договор страхования.

Доводы заявителя о том, что договор страхования заключен на основании Общих правил страхования от несчастных случаев и болезней, сами по себе не опровергают вывода судов.

Так, п. 1.12.1 Правил предусмотрено, что несчастный случай - фактически произошедшее извне, возникшее внезапно, непредвиденно, помимо воли застрахованного событие, произошедшее в период действия

договора страхования, в том числе: взрыв, утопление, действие электрического тока, удар молнии, нападение злоумышленников или животных, падение какого-либо предмета на застрахованного, падение самого застрахованного, удушение, отравление вредными веществами, наезд средств транспорта или их авария, резкое физическое перенапряжение конечностей или позвоночника, в результате чего происходит вывих сустава, частичный или полный разрыв мускулов, сухожилий, связок или сосудов. Если это прямо предусмотрено договором страхования, к несчастным случаям относятся также неправильные медицинские манипуляции.

В п. 1.12.2 Правил указано, что заболевание (болезнь) - заболевание, впервые выявленное (диагностированное) в период действия договора страхования либо, если это предусмотрено договором страхования, заявленное страхователем (застрахованным) и принятое страховщиком на страхование.

Таким образом, перечень указанных в Правилах несчастных случаев является не исчерпывающим, а определение в п. 1.12.2 заболевания (болезни) уточняет только период его выявления.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Между тем в возражениях на иск и в кассационной жалобе ответчиком не представлено обоснования того, что инсульт, вызванный внешними факторами, произошедший внезапно, непредвиденно и помимо воли застрахованного, не является предусмотренным договором страховым случаем.

Как видно из материалов дела, программы по страхованию от несчастных случаев и болезней, включая программу страхования, по которой был застрахован истец, не предусматривают каких-либо различий в страховых рисках инвалидности от несчастного случая и от болезни, в том числе и в тарифах. Каких-либо сведений о программах, предусматривающих страхование лишь от болезни или от болезни в дополнение к несчастному случаю, не имеется.

Решение суда основано на оценке обстоятельств дела и толковании условий договора.

Доводы кассационной жалобы страховой компании, основанные на несогласии с оценкой обстоятельств дела и с толкованием судом условий договора, сами по себе не могут служить основанием для кассационного пересмотра состоявшихся по делу судебных постановлений.

В соответствии с ч. 2 ст. 390 ГПК РФ при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими дело, в пределах доводов кассационных жалоб, представлений.

Суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того

или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими.

Кроме того, из материалов дела следует, что решение суда исполнено, денежные средства истцу - инвалиду I группы - выплачены, являются его собственностью.

В соответствии с принципом правовой определенности не допускается пересмотр окончательного решения суда исключительно в целях проведения повторного слушания по делу и постановления нового решения, а в соответствии с принципом уважения собственности не допускается произвольное лишение полученного по решению суда имущества.

Определение N 18-КГ17-27

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

10. В случае прекращения семейных отношений бывшие члены семьи собственника жилого помещения утрачивают право пользования этим жилым помещением, если соглашением между ними не установлено иное.

Суд может рассмотреть вопрос о возможности сохранения за таким лицом права пользования жилым помещением на определенный срок на основании ч. 4 ст. 31 ЖК РФ.

Ш.С., действуя также в интересах несовершеннолетнего Ш.В., обратилась в суд с иском к Ш.А. о признании утратившим право пользования жилым помещением, снятии с регистрационного учета, выселении, возложении обязанности передать ключи.

В обоснование исковых требований Ш.С. указала, что состояла в браке с ответчиком. По условиям брачного договора Ш.С. на праве собственности принадлежит жилой дом. Ответчик зарегистрирован и продолжает проживать в спорном жилом доме, при этом создает невыносимые условия для проживания ей и ребенку. Соглашения о порядке проживания, пользования жилым домом между сторонами не достигнуто, ответчик, перестав быть членом ее семьи, утратил основания для проживания.

Судом установлено, что с 2003 года Ш.А. и Ш.С. состояли в браке, который расторгнут в 2015 году, от брака имеют несовершеннолетнего сына Ш.В.

В 2003 году между Ш.А. и Ш.С. заключен договор купли-продажи земельного участка с жилым домом. Данная сделка совершена с согласия Ш.А., право собственности зарегистрировано за Ш.С.

В спорном жилом доме проведена реконструкция за счет взятых супругами Ш.С. и Ш.А. в апреле 2008 года кредитных средств, задолженность по кредиту оплачивается ими совместно, окончание срока выплаты по кредиту - 2028 год. В этом доме проживают и имеют регистрацию Ш.С., Ш.А., их несовершеннолетний сын Ш.В.

В 2011 году между Ш.С. и Ш.А. заключен брачный договор, удостоверенный нотариусом, в соответствии с условиями которого по взаимному согласию сторон на все нажитое супругами во время брака имущество, в том числе и имущество, приобретенное до заключения данного договора, устанавливается правовой

режим раздельной (индивидуальной) собственности каждого из супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака (п. 1.1). В случае расторжения брака супругами по взаимному согласию на все нажитое во время брака имущество сохраняется правовой режим раздельной собственности супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака, если этим договором не предусмотрено иное (п. 1.2). Доли в имуществе и (или) доходах коммерческих организаций, доли в уставных капиталах, а также любые имущественные права на приобретенные в период брака объекты недвижимого имущества (земельные участки, здания, сооружения, жилые и нежилые помещения (доли в праве собственности), движимого имущества, в том числе автомобили, мотоциклы, яхты и иное, права по договорам инвестиционной деятельности и иное имущество являются во время брака и в случае его расторжения собственностью того из супругов, на имя которого они приобретены, оформлены, зарегистрированы.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, судебные инстанции пришли к выводу о том, что с учетом конкретных обстоятельств дела при отсутствии у Ш.А. каких-либо прав на другое жилое помещение достаточных оснований для признания ответчика утратившим право пользования спорным жилым помещением не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав, в частности, следующее.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», по общему правилу, в соответствии с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением собственника с бывшим членом его семьи. Это означает, что бывшие члены семьи собственника утрачивают право пользования жилым помещением и должны освободить его (ч. 1 ст. 35 ЖК РФ). В противном случае собственник жилого помещения вправе требовать их выселения в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения.

По смыслу чч. 1 и 4 ст. 31 ЖК РФ к бывшим членам семьи собственника жилого помещения относятся лица, с которыми у собственника прекращены семейные отношения. Под прекращением семейных отношений между супругами следует понимать расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в суде, признание брака недействительным.

Таким образом, юридически значимыми обстоятельствами для разрешения данного спора являлись обстоятельства, свидетельствующие о том, что семей-

ные отношения между Ш.С. и Ш.А. прекращены, ответчик является бывшим членом семьи собственника жилого помещения, в силу закона после прекращения брака право пользования спорным жилым помещением за ним не сохраняется, соглашения между собственником спорной квартиры и Ш.А. о праве пользования спорной квартирой не имеется. Приобретение спорного имущества на совместные денежные средства, мотивы заключения брачного договора правового значения для разрешения возникшего спора не имеют.

Судами также не принято во внимание, что при рассмотрении иска собственника жилого помещения к бывшему члену семьи о прекращении пользования жилым помещением и выселении в целях обеспечения баланса интересов сторон спорного правоотношения суд, исходя из положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, может решить вопрос о возможности сохранения за бывшим членом семьи права пользования жилым помещением на определенный срок.

Определение N 85-КГ17-19

11. Лица, вселенные в квартиру в качестве членов семьи собственника, не имеют права на внеочередное обеспечение жилым помещением в связи с признанием многоквартирного дома, в котором данная квартира расположена, аварийным.

Г., действующая в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери, обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования о предоставлении во внеочередном порядке благоустроенного жилого помещения. В обоснование иска Г. указала, что вместе с несовершеннолетней дочерью проживала и была зарегистрирована в квартире, принадлежащей на праве собственности ее матери Г.Ф. В результате произошедшего пожара указанный дом фактически был уничтожен. Заключение межведомственной комиссии многоквартирный дом признан аварийным и подлежащим сносу. Поскольку она признана малоимущей и в составе семьи из двух человек, включая несовершеннолетнюю Г.Н., поставлена на учет граждан, нуждающихся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, полагает, что на ответчика должна быть возложена обязанность предоставить ей с учетом дочери во внеочередном порядке благоустроенное жилое помещение площадью не менее нормы предоставления.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что поскольку Г. не является нанимателем жилого помещения муниципального жилищного фонда либо собственником жилого помещения, то в силу положений ст. 32, 49, 57, 85 и 86 ЖК РФ, а также Федерального закона от 21 июля 2007 г. N 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» правом на обеспечение благоустроенным жилым помещением во внеочередном порядке не обладает.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что, поскольку единственное для проживания истца жилое помещение в установленном законом порядке призна-

но непригодным для проживания и решением органа местного самоуправления определено к сносу, а истец признана малоимущей и принята на учет в качестве лица, нуждающегося в жилом помещении (отдельно от собственника жилого помещения, подлежащего сносу), у органов местного самоуправления в силу ст. 57 ЖК РФ возникла обязанность по предоставлению истцу благоустроенного жилого помещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с нарушением норм материального права.

Жилищные права собственника жилого помещения в доме, признанном в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу, обеспечиваются в порядке, предусмотренном ст. 32 ЖК РФ.

Согласно ч. 10 ст. 32 ЖК РФ признание в установленном Правительством Российской Федерации порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является основанием предъявления органом, принявшим решение о признании такого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, к собственникам помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок. В случае, если данные собственники в установленный срок не осуществили снос или реконструкцию указанного дома, земельный участок, на котором расположен указанный дом, подлежит изъятию для муниципальных нужд и, соответственно, подлежит изъятию каждое жилое помещение в указанном доме, за исключением жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальному образованию, в порядке, предусмотренном чч. 1 - 3, 5 - 9 данной статьи.

В соответствии с ч. 1 ст. 32 ЖК РФ жилое помещение может быть изъято у собственника путем выкупа в связи с изъятием соответствующего земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Выкуп части жилого помещения допускается не иначе как с согласия собственника.

По соглашению с собственником жилого помещения ему может быть предоставлено взамен изымаемого жилого помещения другое жилое помещение с зачетом его стоимости при определении размера возмещения за изымаемое жилое помещение (ч. 8 ст. 32 ЖК РФ).

Вместе с тем, если жилой дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения в таком доме в силу п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. N 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» имеет право на предоставление другого жилого помещения либо его выкуп.

Судом по делу установлено, что жилое помещение, принадлежащее матери истца на праве собственности, находится в доме, признанном непригодным для проживания и подлежащим сносу, который не включен в адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда; истец, а также ее несовершеннолетняя дочь, вселены в указанное жилое по-

мещение его собственником и проживали в нем в качестве членов семьи последнего, а потому исходя из содержания приведенных выше норм Г. права на внеочередное предоставление жилого помещения в связи с признанием жилого дома аварийным, в котором ее матери принадлежит на праве собственности жилое помещение, не имеет, а правом на получение возмещения за жилое помещение в соответствии с требованиями ст. 32 ЖК РФ обладает только собственник жилого помещения, то есть мать Г.

При указанных обстоятельствах у суда апелляционной инстанции отсутствовали правовые основания для отмены решения суда первой инстанции и вынесения нового решения об удовлетворении исковых требований.

Определение N 25-КГ16-13

Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

12. Факт смерти военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы подтверждается в том числе справкой установленной формы, составленной уполномоченным должностным лицом о том, что в момент смерти военнослужащий находился на территории воинской части в связи со служебной необходимостью.

Заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы требуется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Л.Е. и Л.А. обратились 21 марта 2016 г. в суд с иском к открытому акционерному обществу «Страховое общество газовой промышленности» (далее - страховщик) о признании права на получение единовременного пособия и взыскании единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. N 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее - Федеральный закон N 306-ФЗ), компенсации морального вреда.

Судом установлено и следует из материалов дела, что Л.Е. являлась супругой, а Л.А., 1993 года рождения, - сыном военнослужащего - полковника Л.С., проходившего военную службу в войсковой части в должности начальника центра управления - заместителя начальника штаба по боевому управлению и умершего 25 декабря 2014 г.

По результатам проведенного служебного разбирательства по факту смерти Л.С. заместителем начальника штаба войсковой части составлен рапорт от 28 декабря 2014 г., а заместителем начальника центра управления войсковой части - рапорт от 27 мая 2015 г. о том, что в соответствии с должностными и специальными обязанностями начальник центра управления Л.С. получил сигнал оповещения, отданный от имени командира войсковой части, о введении степени боевой готовности, приступил к выполнению приказа, был обязан экипироваться, прибыть на службу. При выполнении приказа, исполняя свои обязанности начальника центра управления, Л.С. умер.

25 декабря 2014 г. полковник Л.С. находился по месту прохождения военной службы в войсковой части (справка начальника штаба войсковой части от 30 декабря 2015 г.).

Согласно выписке из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения по личному составу от 31 января 2015 г. полковник Л.С. в соответствии с п. 7 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее - Федеральный закон N 53-ФЗ) и ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации N 1237, исключен с 26 декабря 2014 г. из списков личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в связи со смертью 25 декабря 2014 г. В этом же документе указано, что смерть Л.С. наступила в период прохождения им военной службы, связана с исполнением обязанностей военной службы.

По факту смерти Л.С. командиром войсковой части выдана справка от 10 марта 2015 г. установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

По заключению военно-врачебной комиссии филиала главного центра военно-врачебной экспертизы Министерства обороны Российской Федерации от 26 марта 2015 г. заболевание полковника Л.С. «острая левожелудочковая недостаточность, вследствие повторного субэндокардиального инфаркта миокарда передней стенки левого желудочка», приведшее к его смерти, получено в период военной службы.

17 марта 2015 г. Л.Е. и Л.А. обратились в военный комиссариат с заявлениями о выплате единовременного пособия в связи со смертью Л.С., наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

Выплату единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ, по соглашению от 16 января 2015 г., заключенному между Министерством обороны Российской Федерации и страховщиком, осуществляет последний.

Для решения вопроса о выплате единовременного пособия членам семьи умершего при исполнении обязанностей военной службы Л.С. (жене Л.Е., сыну Л.А. - курсанту 2 курса высшего военно-учебного заведения очной формы обучения и отцу Л.И.) начальник отдела военного комиссариата направил их заявления о выплате единовременного пособия с приложенными документами страховщику.

Страховщик направил командиру войсковой части запрос о представлении дополнительных документов для принятия решения о выплате единовременного пособия в равных долях членам семьи военнослужащего полковника Л.С.

Командиром войсковой части повторно выдана справка установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

Единовременное пособие страховщиком Л.Е. и Л.А. выплачено не было.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, исходя из положений Федерального закона N 306-ФЗ, Федерального закона N 53-ФЗ с учетом установленных по делу обстоятельств, пришел к выводу о том, что смерть полковника Л.С. наступила от острой коронарной недостаточности сердца на территории войсковой части при исполнении им обязанностей военной службы, в связи с чем удовлетворил исковые требования о признании за членами семьи умершего Л.С. права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ, и взыскании со страховщика в пользу истцов единовременного пособия в равных долях в размере 2 110 000 руб.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения иска Л.Е. и Л.А. о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании с ответчика этого пособия в их пользу и принимая в этой части новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. N 565, исходил из того, что у членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего право на получение единовременного пособия возникает только при наличии причинно-следственной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы, в то время как согласно заключению военно-врачебной комиссии заболевание, приведшее к смерти полковника Л.С., получено им в период военной службы. Ввиду отсутствия доказательств того, что заболевание Л.С., приведшее к его смерти, является заболеванием, полученным им при исполнении обязанностей военной службы, суд апелляционной инстанции не признал за истцами права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона о денежном довольствии военнослужащих.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо его смерти, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных им при исполнении обязанностей военной службы (далее - военная травма), до истечения одного года со дня увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных сборов), членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего или гражданина, проходившего военные сборы, выплачивается в равных долях единовременное пособие в размере 3 000 000 руб.

Согласно п. 1 ч. 11 ст. 3 указанного федерального закона членами семьи военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида

вследствие военной травмы, имеющими право на получение единовременного пособия, предусмотрено ч. 8 данной статьи, и ежемесячной денежной компенсации, установленной чч. 9 и 10 данной статьи, независимо от нахождения на иждивении погибшего (умершего) кормильца или трудоспособности считаются в том числе супруга (супруг), состоящая (состоящий) на день гибели (смерти) военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы в зарегистрированном браке с ним; дети, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, - до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет.

Из содержания ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ следует, что гибель (смерть) военнослужащего признается основанием для выплаты членам его семьи единовременного пособия в двух имеющих самостоятельное значение случаях: если она наступила при исполнении им обязанностей военной службы либо вследствие военной травмы до истечения одного года со дня увольнения с военной службы.

Пунктом 1 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ определен перечень случаев, когда военнослужащий признается исполняющим обязанности военной службы.

Так, в соответствии с подп. «б», «д», «е» данного пункта военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы в случаях: исполнения должностных обязанностей; выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); нахождения на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью.

В п. 2 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ приводится исчерпывающий перечень случаев, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей воинской службы. К ним отнесены случаи: а) самовольного нахождения вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы, за исключением случаев, предусмотренных подп. «л», «м», «н», «о», «п» и «р» (нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированно; безвестного отсутствия - до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности; оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; совершения иных действий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества и государства); б) добровольного приведения себя в состояние опьянения; в) совершения им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным.

В п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. N 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» разъяснено, что исходя из положений чч. 8 и 9 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо смерти, наступившей вследствие военной травмы, членам его семьи выплачиваются установленные этим законом пособия и компенсации. Разрешая споры, связанные с предоставлением членам семьи указанных лиц социальных гарантий и компенсаций, судам следует проверять, наступила ли гибель (смерть) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении ими обязанностей военной службы, принимая во внимание то, что при обстоятельствах, перечисленных в п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (например, совершение ими деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным), военнослужащие или граждане, призванные на военные сборы, не признаются погибшими (умершими), получившими увечье или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

Приказом Министерства обороны Российской Федерации от 6 мая 2012 г. N 1100 утвержден Порядок выплаты в Министерстве обороны Российской Федерации единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ (далее также - Порядок выплаты единовременных пособий, Порядок).

Единовременные пособия военнослужащим или членам семей погибших (умерших) военнослужащих выплачиваются в установленных законодательством Российской Федерации случаях за счет средств Министерства обороны Российской Федерации организацией, с которой заключено соглашение об осуществлении выплат единовременных пособий военнослужащим и членам семей погибших (умерших) военнослужащих (п. 2 Порядка выплаты единовременных пособий).

Выплата единовременных пособий производится организацией на основании документов, подтверждающих наступление у военнослужащих или членов семей погибших (умерших) военнослужащих права на соответствующие выплаты (п. 3 Порядка).

Пункт 8 Порядка выплаты единовременных пособий содержит положения, аналогичные положениям п. 1 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ, определяющим случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы.

Пункт 9 Порядка аналогичен по содержанию п. 2 Федерального закона N 53-ФЗ, предусматривающему случаи, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

В п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий перечислены необходимые документы, которые воинские части (военные комиссариаты, отделы военных

комиссариатов) оформляют и направляют в страховую организацию для принятия решения о выплате единовременного пособия членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего.

В числе этих документов в подп. «б» п. 12 Порядка указана справка согласно приложению N 2 к Порядку. Из содержания формы данной справки следует, что в ней должностным лицом воинской части (военного комиссариата, отдела военного комиссариата) указываются обстоятельства гибели (смерти) военнослужащего: вследствие увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученных им при исполнении обязанностей («военная травма»); при исполнении обязанностей военной службы, при обстоятельствах, указанных в соответствии с рапортом по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалами административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенными судебными решениями.

В подп. «д» п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий в числе документов, требуемых для принятия решения о выплате единовременного пособия, также названо заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы в формулировке «военная травма». При этом в примечании к подп. «д» поясняется, что данное заключение военно-врачебной комиссии представляется в случае гибели (смерти) военнослужащего, наступившей при обстоятельствах, не указанных в п. 8 данного Порядка (в п. 8 Порядка предусмотрены случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы).

Таким образом, из приведенных положений нормативных правовых актов следует, что для решения вопроса о выплате членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего единовременного пособия в связи с его гибелью (смертью) при исполнении обязанностей военной службы доказательствами, подтверждающими гибель (смерть) военнослужащего при исполнении им обязанностей военной службы, являются соответствующие документы, в том числе справка установленной формы, составленная уполномоченным должностным лицом на основании рапорта по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалов административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенных судебных решений, о том, что военнослужащий погиб (умер) при исполнении обязанностей военной службы, а заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы представляется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Ввиду изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что у истцов - членов семьи умершего военнослужащего полковника Л.С. - не имеется права на получение единовременного пособия, поскольку отсутствуют доказательства причинно-следственной связи смерти Л.С. с исполнением им обязанностей военной службы (заключение военно-врачебной комиссии о причинно-следственной связи заболевания Л.С.,

приведшего его к смерти, с исполнением им обязанностей военной службы), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным.

Судом апелляционной инстанции, в отличие от суда первой инстанции, не учтено, что в данном деле основанием исковых требований Л.Е. и Л.А. о признании права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ, и взыскании этого пособия со страховщика в их пользу была названа смерть военнослужащего полковника Л.С. при исполнении им обязанностей военной службы, а не вследствие военной травмы, в результате чего судом апелляционной инстанции неправильно определены правоотношения сторон и, соответственно, обстоятельства, имеющие значение для дела.

Между тем в материалах дела имеются документы, которые были приняты судом первой инстанции в качестве допустимых доказательств, подтверждающих смерть полковника Л.С. при исполнении обязанностей военной службы, а именно: выписка из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения от 31 января 2015 г., справки командира войсковой части, составленные по форме согласно Приложению N 2 к Порядку выплаты единовременных пособий, и рапорт по результатам проведенного разбирательства по факту смерти Л.С. от 27 мая 2015 г.

Кроме того, обстоятельств, предусмотренных п. 2 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ, исключающих возможность признания Л.С. умершим при исполнении им обязанностей военной службы, судом апелляционной инстанции установлено не было, тогда как суд первой инстанции с учетом положений п. 1 ст. 37 данного федерального закона и представленных истцами доказательств в обоснование заявленных требований пришел к выводу о том, что смерть военнослужащего полковника Л.С., произошедшая на территории войсковой части при выполнении приказа, отданного командиром (выполнение запланированного тренировочного мероприятия), следует признать наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

В связи с этим Судебная коллегия признала ошибочной и ссылку суда апелляционной инстанции в обоснование своего вывода об отказе в удовлетворении исковых требований истцов о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании данной выплаты в их пользу на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. N 565, так как названные нормы определяют лишь цели военно-врачебной экспертизы и формулировки для заключений военно-врачебной комиссии о причинной связи увечий, заболеваний, полученных военнослужащими.

Неправильное применение судом апелляционной инстанции норм материального права привело к незаконному лишению Л.Е. и Л.А. права на получение единовременного пособия в порядке ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ.

Определение N 51-КГ17-4

Процессуальные вопросы

13. Требования налогового органа о взыскании с наследника гражданина-налогоплательщика задолженности по транспортному налогу подлежат рассмотрению судом в порядке гражданского судопроизводства, поскольку переход данной обязанности к наследникам не является безусловным и требует соблюдения порядка, установленного гражданским законодательством.

Налоговый орган обратился в суд с иском к Г.Г. о взыскании задолженности по транспортному налогу.

В обоснование иска указано, что в 2011 году за Г.Э. было зарегистрировано транспортное средство, в связи с чем с указанного периода Г.Э. являлась плательщиком транспортного налога. В 2012 году Г.Э. умерла. Поскольку при жизни налогоплательщика образовалась задолженность по налогу в размере 1800 руб., а Г.Г. является наследником Г.Э., принявшим наследство, к нему перешла обязанность по уплате транспортного налога в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Определением судьи первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в принятии искового заявления отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в связи с тем, что заявление налогового органа не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают иски с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям, в том числе административные дела о взыскании денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций с физических лиц.

В силу ч. 1 ст. 286 КАС РФ органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, другие органы, наделенные в соответствии с федеральным законом функциями

контроля за уплатой обязательных платежей (далее - контрольные органы), вправе обратиться в суд с административным иском с заявлением о взыскании с физических лиц денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций, если у этих лиц имеется задолженность по обязательным платежам, требование контрольного органа об уплате взыскиваемой денежной суммы не исполнено в добровольном порядке или пропущен указанный в таком требовании срок уплаты денежной суммы и федеральным законом не предусмотрен иной порядок взыскания обязательных платежей и санкций.

По данному делу налоговый орган в порядке гражданского судопроизводства обратился в суд с требованием о взыскании с наследника задолженности по транспортному налогу, обязанность по уплате которого лежала на умершем гражданине-налогоплательщике, в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате налога или сбора возникает, изменяется и прекращается при наличии оснований, установленных названным кодексом или иным актом законодательства о налогах и сборах. Обязанность по уплате конкретного налога или сбора возлагается на налогоплательщика и плательщика сбора с момента возникновения установленных законодательством о налогах и сборах обстоятельств, предусматривающих уплату данного налога или сбора.

В силу п. 3 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате налога и (или) сбора прекращается со смертью физического лица - налогоплательщика или с объявлением его умершим в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации. Задолженность по налогам, указанным в п. 3 ст. 14 (транспортный налог) и ст. 15 НК РФ, умершего лица либо лица, объявленного умершим, погашается наследниками в пределах стоимости наследственного имущества в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя.

Как предусмотрено ст. 1112 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Таким образом, установленная налоговым законодательством возможность погашения наследниками умершего лица его налоговой задолженности не влечет за собой безусловного перехода данной обязанности к наследникам и требует соблюдения порядка, установленного гражданским законодательством.

Согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Из приведенных выше норм права следует, что для возложения на наследника умершего лица обязанности исполнить его налоговые обязательства в порядке универсального правопреемства необходимо установить наличие обстоятельств, связанных с наследованием имущества. К таким обстоятельствам, имеющим

значение для правильного разрешения спора, в частности, относятся: факт открытия наследства, состав наследства, круг наследников, принятие наследниками наследственного имущества, его стоимость. Данный спор, возникший из гражданских правоотношений, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Определение N 75-КГ16-15

14. Отсутствие в материалах дела доказательств того, что копия определения суда о принятии искового заявления к производству и рассмотрению дела в порядке упрощенного производства ответчиком получена, является основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств.

3. обратился в суд с иском к администрации городского поселения о признании права собственности на самовольную постройку.

Дело рассмотрено в порядке упрощенного производства по правилам гл. 21.1 ГПК РФ.

Суд первой инстанции, разрешая дело и отказывая в удовлетворении исковых требований 3., исходил из того, что в нарушение ст. 56 ГПК РФ истец не доказал всех обстоятельств, необходимых для разрешения спора, в том числе наличия у него вещных прав на земельный участок, на котором возведена самовольная постройка, не представил доказательств того, что самовольная постройка соответствует параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилам землепользования и застройки, не доказал возможность сохранения постройки ввиду отсутствия нарушений прав и охраняемых законом интересов других лиц и отсутствия угрозы жизни и здоровью граждан.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменения, суд апелляционной инстанции, рассматривая апелляционные жалобы истца и ответчика, признавшего исковые требования, дополнительно сослался на то, что между сторонами отсутствует гражданско-правовой спор, а потому не имеется оснований признавать нарушенными права и охраняемые законом интересы истца со стороны ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данные выводы не соответствующими требованиям закона по следующим основаниям.

Судом установлено, что 3. подал исковое заявление о признании права собственности на самовольно возведенное строение - гараж, построенный в 1994 году во дворе дома.

3. изготовил технический паспорт строения и получил справку начальника отдела архитектуры и градостроительства администрации муниципального образования о том, что разрешение на строительство гаража не выдавалось, поскольку его выдача не требовалась; гараж находится в зоне среднеэтажной жилой застройки (Ж-5), относится к условно разрешенному виду использования земельного участка и не препятствует обслуживанию инженерных сетей.

Определением судьи от 25 июля 2016 г. исковое заявление З. принято к рассмотрению в порядке упрощенного производства, поскольку цена имущества определена истцом в размере 60 759,00 руб.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает ста тысяч рублей.

Однако каких-либо доказательств, подтверждающих кадастровую или рыночную стоимость имущества, истцом при подаче искового заявления представлено не было.

Допущенные нарушения были оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Кроме того, судебными инстанциями не было учтено следующее.

Лица, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства, считаются получившими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, если ко дню принятия решения суд располагает доказательствами вручения им соответствующих копий, направленных заказным письмом с уведомлением о вручении (ч. 1 ст. 113 ГПК РФ), а также в случаях, указанных в чч. 2 и 4 ст. 116 ГПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе.

Доказательства получения администрацией городского поселения (ответчик по делу) копии определения суда о принятии искового заявления к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства в материалах дела отсутствуют.

Между тем, если ко дню принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, соответствующая информация в суд не поступила либо поступила, но с очевидностью свидетельствует о том, что лицо не имело возможности ознакомиться с материалами дела и представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ).

Однако в нарушение указанных норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд не перешел к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Определением о принятии искового заявления и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства суд установил, что имеющими значение для дела и подлежащими доказыванию являются, в частности, наличие права на земельный участок, на котором осуществлено строительство; соблюдение целевого назначения и разрешенного использования земельного участка; наличие либо отсутствие разрешения на строительство, наличие отказа в выдаче разрешения на строительство, причины отказа в выдаче разрешения на строительство, соблюдение прав и законных интересов собственников, землевладельцев, земле-

пользователей и арендаторов сопредельных земельных участков и иных объектов недвижимости; отсутствие угрозы жизни и здоровью граждан строительством гаража.

В то же время в нарушение ст. 56 ГПК РФ суд не определил, какой стороне - истцу или ответчику - надлежит их доказывать.

Тем самым были нарушены положения ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, согласно которой суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Ссылка суда апелляционной инстанции на отсутствие между сторонами гражданско-правового спора, положенная в обоснование отказа в удовлетворении апелляционной жалобы ответчика, признана Судебной коллегией неправильной.

Суд апелляционной инстанции не учел, что согласие ответчика с иском само по себе не свидетельствует об отсутствии гражданско-правового спора и наличии у истца возможности реализовать принадлежащее ему право во внесудебном порядке, поскольку согласно п. 3 ст. 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку, по общему правилу, может быть признано за лицом именно в судебном порядке.

Определение N 57-КГ17-4

15. Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа, утраченного судебным приставом-исполнителем, согласно ч. 2 ст. 430 ГПК РФ может быть подано в течение месяца со дня, когда взыскателю стало известно об этом.

Вступившим в законную силу заочным решением суда от 1 июня 2007 г. с З. в пользу банка взыскана задолженность по кредитному договору.

19 июня 2007 г. судом банку выдан исполнительный лист для принудительного взыскания с ответчика указанной денежной суммы.

24 июля 2007 г. судебным приставом-исполнителем на основании данного исполнительного листа возбуждено исполнительное производство.

28 декабря 2011 г. судебным приставом-исполнителем вынесено постановление об окончании исполнительного производства и возвращении исполнительного листа взыскателю в связи с тем, что невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в кредитных организациях.

25 января 2016 г. представитель банка обратился в суд с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа, указав на то, что постановление об окончании исполнительного производства от 28 декабря 2011 г. и исполнительный лист в адрес банка не поступали.

По утверждению заявителя, о прекращении исполнительного производства с возвращением исполнительного листа банку стало известно в 2016 году после обращения банка к судебному приставу-исполнителю с запросом по поводу неисполнения решения суда.

Согласно ответу управления федеральной службы судебных приставов от 19 января 2016 г. реестр отправки почтовой корреспонденции, подтверждающий направление исполнительного документа в адрес взыскателя, уничтожен в связи с истечением срока хранения.

Определением суда заявление о выдаче дубликата исполнительного листа удовлетворено.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления о выдаче дубликата исполнительного листа, суд апелляционной инстанции указал на то, что на момент обращения банка с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа истек трехлетний срок для предъявления исполнительного документа к исполнению.

По мнению суда апелляционной инстанции, оснований полагать, что срок пропущен по уважительной причине, не имеется, поскольку заявитель таких сведений не представил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенным апелляционным определением, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее - Закон об исполнительном производстве) исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, за исключением исполнительных листов, указанных в чч. 2, 4 и 7 данной статьи, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу.

Согласно ч. 1 ст. 430 ГПК РФ в случае утраты подлинника исполнительного листа или судебного приказа (исполнительных документов) суд, принявший решение, вынесший судебный приказ, может выдать по заявлению взыскателя или судебного пристава-исполнителя дубликаты исполнительных документов.

Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд до истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению, за исключением случаев, если исполнительный документ был утрачен судебным приставом-исполнителем или другим осуществляющим исполнение лицом и взыскателю стало об этом известно после истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению. В этих случаях заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд в течение месяца со дня, когда взыскателю стало известно об утрате исполнительного документа (ч. 2 ст. 430 ГПК РФ).

Таким образом, законом установлен специальный срок для обращения за выдачей дубликата исполнительного листа в случаях его утраты судебным приставом-исполнителем.

Обращаясь в суд за дубликатом исполнительного листа, банк указал, что исполнительный лист утрачен

в результате ненадлежащего возвращения его судебным приставом-исполнителем в банк, то есть в результате действий судебного пристава-исполнителя, о чем банк узнал только в 2016 году.

Суд апелляционной инстанции, применяя общий трехлетний срок предъявления исполнительного листа, данным обстоятельствам оценку не дал и не разрешил вопрос о применении специального срока для обращения за дубликатом исполнительного листа.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 432 ГПК РФ срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается предъявлением его к исполнению, если федеральным законом не установлено иное, а также частичным исполнением должником судебного постановления.

В силу ч. 1 ст. 22 Закона об исполнительном производстве срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается в том числе частичным исполнением исполнительного документа должником.

После перерыва течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению возобновляется. Время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается (ч. 2 ст. 22 Закона об исполнительном производстве).

Таким образом, при применении судом срока предъявления исполнительного листа существенное значение имеет факт наличия или отсутствия перерыва течения этого срока.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, и выносит обстоятельства на обсуждение сторон, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Поскольку судом первой инстанции срок предъявления исполнительного листа не применялся, то вопрос наличия или отсутствия перерыва его течения на обсуждение сторон не выносился.

Отменяя определение суда о выдаче дубликата исполнительного листа и отказывая в удовлетворении заявления о его выдаче на основании пропуска срока, суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных положений ст. 56 ГПК РФ данный вопрос на обсуждение сторон также не поставил, тем самым лишил лиц, участвующих в деле, права представить доказательства по этому вопросу.

В кассационной жалобе банк ссылался на то, что должник производил частичное исполнение обязательства, в том числе в 2016 году, в связи с чем течение названного срока было прервано.

Данное обстоятельство, имеющее значение для разрешения вопроса о выдаче дубликата исполнительного листа, судом апелляционной инстанции не исследовалось и не получило никакой правовой оценки.

Определение N 16-КГ16-43

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

16. Нахождение организации - должника в стадии ликвидации и работа ликвидационной комиссии не влекут за собой утрату кредитором права на обраще-

ние в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

В ситуации, когда уполномоченным органом должника принято решение о его ликвидации, к нему в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ невозможно применить реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение) и процедуру наблюдения.

Решениями суда от 22 января 2016 г. и от 9 февраля 2016 г. по другим делам подтверждены требования общества к фирме, размер которых превысил 300 000 руб. Просрочка исполнения денежных обязательств фирмы перед обществом составила более трех месяцев.

С 10 марта 2016 г. фирма находится в процедуре добровольной ликвидации.

Общество 17 марта 2016 г. обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании фирмы банкротом по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявления общества отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, фирма признана банкротом по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника, в отношении нее открыта процедура конкурсного производства, требования общества признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов, назначен конкурсный управляющий.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Сложившаяся судебная арбитражная практика исходит из того, что нахождение организации - должника в стадии ликвидации и работа ликвидационной комиссии не влекут за собой утрату кредитором права на обращение в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

При этом согласно п. 1 ст. 53 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) решение о признании должника - юридического лица банкротом и об открытии в отношении него конкурсного производства принимается судом в случае установления признаков банкротства, предусмотренных ст. 3 названного Закона, при отсутствии оснований для оставления заявления о признании должника банкротом без рассмотрения, введения финансового оздоровления, внешнего управления, утверждения мирового соглашения или прекращения производства по делу о банкротстве.

В ситуации, когда уполномоченным органом должника принято решение о его ликвидации, состоялось назначение ликвидационной комиссии, не предполагается дальнейшее осуществление ликвидируемой организацией хозяйственной деятельности. Поскольку воля участников (учредителей) такого юридического

лица направлена на прекращение существования организации, к данной организации в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ невозможно применить реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение), целью которых является сохранение юридического лица.

По этим же причинам к ликвидируемой организации не подлежала применению и процедура наблюдения. Данная процедура направлена, прежде всего, на проведение первого собрания кредиторов и выявление на этом собрании позиции гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, относительно возможности применения к должнику реабилитационной процедуры либо о необходимости введения конкурсного производства как ликвидационной процедуры (абзац тринадцатый ст. 2, ст. 73 и 74 Закона о банкротстве). Однако в отношении ликвидируемой организации точка зрения кредиторов по названному вопросу не имела правового значения. Так, независимо от мнения кредиторов, высказанного на первом собрании, недопустимо обязывать участников корпорации, учредителей унитарных организаций осуществлять экономическую деятельность через юридическое лицо, о судьбе которого ими уже принято решение о ликвидации.

Определение N 305-ЭС17-4728

17. Иск залогодержателя к ликвидационной комиссии залогодателя по долгам третьего лица об обязанности обратиться в суд с заявлением о банкротстве залогодателя является надлежащим способом защиты гражданских прав.

Участниками общества принято решение о ликвидации этого юридического лица. Соответствующее сообщение опубликовано 11 ноября 2015 г.

Решением суда от 17 декабря 2015 г. в пользу банка обращено взыскание на недвижимое имущество общества, предоставленное последним в залог банку в обеспечение исполнения обязательств третьего лица.

Согласно промежуточному балансу общества от 18 апреля 2016 г. кредитная задолженность общества превышала его оборотные активы.

Банк обратился в арбитражный суд с иском о признании незаконным бездействия ликвидационной комиссии общества, выразившегося в неисполнении обязанности по обращению в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом, обязанности обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 20 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. N 58 «О некоторых вопросах, связан-

ных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» залогодержатель не вправе возбуждать дело о банкротстве залогодателя, предоставившего обеспечение по долгу третьего лица. Предполагается, что в таком случае законный интерес залогодержателя на получение возмещения реализуется путем обращения взыскания на заложенное имущество, в частности путем продажи данного имущества с публичных торгов в рамках исполнительного производства с последующим направлением вырученных средств на погашение долга по основному обязательству (ст. 78 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее - Закон об исполнительном производстве)).

Вместе с тем, в силу п. 6 ч. 1 ст. 47 Закона об исполнительном производстве в случае ликвидации организации-должника исполнительное производство подлежит окончанию, после чего судебный пристав-исполнитель направляет исполнительный документ ликвидационной комиссии (ликвидатору).

Наделение ликвидационной комиссии, с одной стороны, публичными функциями (п. 4 ст. 62 ГК РФ), а с другой, назначение ее членов участниками должника (п. 3 ст. 62 ГК РФ) при определенных обстоятельствах могут давать весомые основания сомневаться в добросовестности, независимости и беспристрастности членов ликвидационной комиссии при осуществлении названных функций.

Для залогового кредитора, не имеющего денежного требования, указанное означает, что судьба его требования и исполнение судебного акта находится в руках лиц, подконтрольных участникам должника, то есть по существу в воле самого должника, что не исключает со стороны последнего возможности немотивированно и произвольно бездействовать в течение длительного времени, не предпринимая мер по реализации заложенного имущества.

В рассматриваемом случае банком в качестве способа защиты его права избрано оспаривание действий (бездействия) ликвидационной комиссии с требованием обязать ее обратиться с заявлением о признании общества банкротом в целях последующей реализации заложенного имущества под контролем суда по правилам ст. 138 Закона о банкротстве, предоставляющей залоговому кредитору специальные полномочия, в том числе по определению порядка и условий реализации имущества.

В настоящем деле банком доказано, что ликвидационная комиссия общества действовала (бездействовала) незаконно, в частности нарушив стандарты добросовестного и разумного поведения в интересах кредиторов.

Определение N 310-ЭС17-8699

18. Не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника требование участника должника, основанное на притворной сделке, прикрывающей обязательства, вытекающие из факта участия заявителя в хозяйственном обществе, признанном банкротом.

Участник общества с долей в размере 50% уставного капитала в рамках дела о банкротстве общества обратился в арбитражный суд с заявлением о включе-

нии в реестр требований кредиторов своих требований к обществу, одно из которых основано на договоре займа, а другое - на факте исполнения участником как поручителем обязательств общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление участника удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается.

Кроме того, тот факт, что займодавец является участником должника, сам по себе не свидетельствует о том, что требования по возврату суммы займа вытекают из факта такого участия для целей применения законодательства о банкротстве.

Вместе с тем в силу абзаца восьмого ст. 2 Закона о банкротстве к числу конкурсных кредиторов не могут быть отнесены участники, предъявляющие к должнику требования из обязательств, вытекающих из факта участия.

По смыслу названной нормы к подобного рода обязательствам относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено законодательством о юридических лицах (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (в том числе по причине того, что их возникновение и существование было бы невозможно, если бы займодавец не участвовал в капитале должника).

В этой связи при оценке допустимости включения основанного на договоре займа требования участника следует определить природу соответствующих отношений, сложившихся между должником и займодавцем.

В частности, суд в силу п. 2 ст. 170 ГК РФ может установить притворность договора займа в ситуации, когда заем используется вместо механизма увеличения уставного капитала, позволяя на случай банкротства формально нарастить подконтрольную кредиторскую задолженность с целью последующего уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов. В таком случае к требованию участника общества как вытекающему из факта участия подлежит применению абзац восьмой ст. 2 Закона о банкротстве.

При предоставлении заинтересованным лицом доказательств, указывающих на то, что требование участника вытекает из факта его участия в обществе, признанном банкротом, на такого участника переходит бремя по опровержению соответствующего довода. В частности, судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические

мотивы выбора конструкции займа, привлечения займа именно от аффилированного лица, предоставления финансирования на нерыночных условиях и т.д.

При рассмотрении настоящего обособленного спора общество отмечало, что единственным источником предоставленных в заем средств являлись денежные средства самого общества, распределенные в качестве прибыли от хозяйственной деятельности, распределение прибыли в пользу участника и последующее предоставление обществу финансирования за счет этой прибыли свидетельствуют об искусственном обороте денежных средств и позволяют сделать вывод о злоупотреблении участником своими правами во вред остальным кредиторам и мнимости договора займа.

Однако ни один из указанных доводов общества в нарушение положений ст. 71, 168 и 170 АПК РФ не получил правовой оценки со стороны судов.

Аналогичный подход применяется к суброгационным требованиям, основанным на договоре поручительства.

Определение N 308-ЭС17-1556(2)

19. Для целей квалификации требования об оплате услуг в качестве реестрового или текущего правовое значение имеет момент оказания услуг, несмотря на то, что срок исполнения обязанности по их оплате может быть перенесен по соглашению сторон на более поздний период.

Ссылаясь на то, что общество не оплатило оказанные в октябре 2015 г. услуги по договору, фирма обратилась в арбитражный суд с иском об их оплате.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично, в остальной части иск оставлен без рассмотрения. Суд исходил из того, что определением суда по другому делу от 19 октября 2015 г. принято к производству заявление о признании общества несостоятельным, следовательно, возможно удовлетворение только текущих требований, которые возникли после возбуждения дела о банкротстве.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции изменено, исковые требования удовлетворены полностью. Суды отметили, что счета-фактуры по всем оказанным услугам были получены фирмой после 19 октября 2015 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Для определения того, является ли денежное требование текущим, необходимо установить дату его возникновения и соотнести указанную дату с моментом возбуждения дела о банкротстве. Текущим является то требование, которое возникло после названного момента.

Срок исполнения денежного обязательства не всегда совпадает с датой возникновения самого обязательства. Требование существует независимо от того, наступил ли срок его исполнения либо нет.

Для целей определения момента возникновения обязанности по оплате услуг по смыслу п. 1 ст. 779 ГК РФ, ст. 5 Закона о банкротстве и п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. N 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» значение имеет дата оказания этих услуг, несмотря на то, что исполнение данной обязанности может по согласованию сторон быть перенесено на более поздний период (например, путем привязки к подписанию акта, выставлению счета-фактуры, посредством предоставления отсрочки либо рассрочки исполнения).

Следовательно, в рассматриваемом деле для квалификации требований в качестве текущих необходимо было определить, в какую дату общество оказало фирме услуги.

Определение N 303-ЭС17-2748

20. Если конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие признаков мнимости у сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки.

Решением суда по другому делу фирма признана банкротом, в отношении нее открыто конкурсное производство.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, удовлетворен иск общества к фирме о взыскании задолженности по оплате услуг за хранение и неустойки. Суды руководствовались ст. 309, 310, 330, 886, 890, 896, 900 - 902 ГК РФ. Суды исходили также из признания фирмой исковых требований.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, поскольку суды не исследовали доказательств и доводы другого конкурсного кредитора фирмы о том, что договор хранения является мнимой сделкой, направленной на создание фиктивной задолженности фирмы перед обществом.

Выводы судебных актов по существу рассмотренного спора должны основываться на анализе доказательств, представленных сторонами, и содержать, помимо прочего, мотивы, по которым отвергнуты доказательства, а также отклонены доводы лиц, участвующих в деле (п. 4 ст. 15, ст. 71, пп. 2, 4 ст. 169, п. 2 ст. 271, п. 2 ст. 289 АПК РФ).

Как правило, для установления обстоятельств, подтверждающих позицию истца или ответчика, достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора. Однако в условиях банкротства ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора (далее также - «дружественный» кредитор) в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу фиктивной сделки. Соккрытие действительного смысла сделки находится

в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора.

Стороны мнимой сделки могут осуществить для вида ее формальное исполнение (п. 86 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Для предотвращения необоснованных требований к должнику и, как следствие, нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника - банкрота, предъявляются повышенные требования (п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. N 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», п. 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г.). Это правило применяется для требований по текущим обязательствам.

Следовательно, во избежание нарушения прав кредиторов фирмы все обстоятельства сделок с ней как с банкротом подлежали судебному исследованию, тем более что на пороки договоров (в том числе на мнимость хранения) указывал как ответчик, так и конкурирующий кредитор.

Таким образом, проверяя заявление о дефектах сделки, судам следовало установить, имелось ли у фирмы имущество, указанное в договорах хранения, и мог ли ответчик его передать истцу. Подлежат проверке доводы о наличии у общества возможности исполнять обязательства с учетом особенностей предмета хранения, а также об аффилированности общества и фирмы.

Установление наличия внутригрупповых отношений между сторонами сделки и, как следствие, общности хозяйственных интересов участников спорных отношений, о котором заявлял конкурирующий кредитор, позволит дать надлежащую оценку добросовестности действий фирмы и общества.

Следует учесть, что конкурирующий кредитор не является стороной сделки, в силу чего объективно ограничен в возможности доказывания необоснованности требования другого кредитора. Поэтому предъявление к конкурирующему кредитору высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. В данном случае достаточно подтвердить существенность сомнений в наличии долга. Напротив, стороны сделки не лишены возможности представить в суд как прямые, так и косвенные доказательства, опровергающие сомнения в реальности ее исполнения. Таким образом, при наличии убедительных доводов и доказательств невозможности хранения бремя доказывания обратного возлагается в данном споре на истца и ответчика.

Определение N 301-ЭС17-4784

21. По смыслу п. 9 ст. 24.1 Закона о банкротстве для взыскания с арбитражного управляющего в порядке регресса суммы произведенной страховщиком выплаты необходимо установить умышленный характер действий управляющего, повлекших причинение убытков, направленность этих действий на извлечение им собственной выгоды.

Определением суда первой инстанции, вынесенным в рамках дела о банкротстве общества, внешний управляющий отстранен от исполнения своих обязанностей.

Впоследствии вступившим в законную силу решением суда первой инстанции с арбитражного управляющего в пользу общества взысканы убытки, в том числе бесосновательно полученное арбитражным управляющим вознаграждение и непроизводственные потери, образовавшиеся вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей внешнего управляющего.

Страховое общество, в котором была застрахована ответственность арбитражного управляющего, констатировав наступление страхового случая, возместило убытки обществу в полном размере.

Сославшись на то, что убытки причинены обществу в результате противоправных действий (бездействия) арбитражного управляющего, страховое общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с управляющего выплаченного страхового возмещения в порядке регресса.

Решением суда первой инстанции искивые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении искивых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа в части отказа во взыскании суммы бесосновательно полученного вознаграждения по следующим основаниям.

Пунктом 9 ст. 24.1 Закона о банкротстве предусмотрены случаи, при наличии которых подлежит удовлетворению регрессное требование страховщика к причинившему убытки арбитражному управляющему.

Само по себе нарушение арбитражным управляющим, являющимся профессиональным участником отношений, связанных с банкротством, обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах должника и кредиторов (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве) не свидетельствует о наличии в его действиях вины в форме умысла.

Один лишь факт нарушения управляющим положений законодательства о банкротстве не являлся достаточным основанием для удовлетворения регрессного требования страхового общества. Нарушение названного стандарта поведения может быть проявлением грубой неосторожности. При рассмотрении спора о взыскании убытков с арбитражного управляющего в пользу общества форма вины управляющего не устанавливалась как не имеющая правового значения для правильного разрешения вопроса о привлечении управляющего к ответственности в виде возмещения убытков.

Бремя доказывания умысла в действиях страхователя лежит на страховщике (ст. 65 АПК РФ).

Обстоятельства, указывающие на наличие умысла в действиях (бездействии) арбитражного управляющего, приведших к образованию на стороне должника непроизводственных потерь, страховым обществом не доказаны. Арбитражный управляющий был отстранен за нарушения, не связанные с образованием непроизводственных потерь.

Вместе с тем согласно вступившему в законную силу решению арбитражного суда по другому делу часть убытков на стороне общества образовалась вследствие выплаты данной суммы из конкурсной массы самому арбитражному управляющему в качестве вознаграждения, которое ему не причиталось ввиду ненадлежащего исполнения возложенных на управляющего обязанностей.

Незаконно полученная страхователем за счет должника денежная выгода, возмещенная должнику страховщиком, в силу прямого указания п. 9 ст. 24.1 Закона о банкротстве подлежит взысканию в порядке регресса.

Определение N 310-ЭС17-4393

22. В ситуации, когда в обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору заключен договор ипотеки права аренды земельного участка, на котором возводится недвижимость, при банкротстве залогодателя суд вправе признать требования банка обеспеченными залогом незавершенного строительством объекта.

В рамках дела о банкротстве должника требования банка включены в третью очередь реестра кредиторов как обеспеченные залогом имущества должника, в том числе права аренды земельного участка.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о признании за ним статуса залогового кредитора в отношении вновь возведенного объекта на земельном участке - объекта незавершенного строительства и внесении соответствующих изменений в реестр требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования банка удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Законодательство о залоге недвижимости различает два правовых режима распространения ипотеки на строения, находящиеся на заложенном земельном участке, в зависимости от момента возведения таких строений - до или после передачи участка в залог (ст. 64 и 65 Федерального закона от 16 июля 1998 г. N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»; далее - Закон об ипотеке).

По смыслу п. 5 ст. 5 Закона об ипотеке соответствующие последствия предусмотрены не только для

ситуаций, когда залогодателем является собственник участка, но и в случаях, когда ему принадлежит право аренды участка.

Если иное не предусмотрено договором ипотеки, такой арендатор-залогодатель вправе без согласия залогодержателя возводить на арендованном участке строения (здания, сооружения), которые также в силу законодательного предписания попадают в залог (п. 1 ст. 65 Закона об ипотеке).

Согласно п. 1 ст. 5 названного закона ипотека может быть установлена только в отношении недвижимого имущества (ст. 130 ГК РФ), права на которое зарегистрированы в установленном законом порядке.

В рассматриваемом случае на момент обращения с заявлением о признании установленных требований обеспеченными залогом объекта незавершенного строительства права на него зарегистрированы не были, то есть формально он не был введен в оборот как объект недвижимого имущества (возведен после заключения договора ипотеки).

Вместе с тем, во избежание негативных последствий пропуска срока на предъявление кредиторами требований (абзац третий п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве) и реализации статуса залогового кредитора (п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве), суд вправе признать требования кредитора обеспеченными залогом на незарегистрированный объект, в отношении которого представлены достаточные доказательства соответствия его признакам объекта недвижимого имущества (без учета регистрации), применив предусмотренный ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» порядок, регулирующий схожие правоотношения, согласно которому застройщик обязан зарегистрировать право собственности на объект незавершенного строительства при возникновении оснований для обращения взыскания на предмет залога. При уклонении застройщика от государственной регистрации права собственности на объект незавершенного строительства государственная регистрация права собственности на такой объект осуществляется на основании решения суда, принятого по иску участника долевого строительства об обращении взыскания на предмет залога.

Определение N 306-ЭС17-3016(2)

Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

23. Отказ уполномоченного органа в предоставлении в собственность субъекту малого и среднего предпринимательства недвижимого имущества на основании ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2008 г. N 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» является правомерным, если на момент принятия данного решения договор аренды прекращен и в действиях арендодателя отсутствуют признаки злоупотребления правом.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (арендодатель; далее - департамент) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилых помещений сроком до 30 июня 2015 г.

Департамент 22 июля 2015 г. провел осмотр арендуемых обществом помещений, в ходе которого установил нарушение предусмотренного договорами аренды целевого назначения перечисленных помещений, фактически используемых для размещения караоке-клуба.

Департамент 29 июля 2015 г. направил обществу уведомление об отказе от договоров аренды.

Общество 30 сентября 2015 г. обратилось в департамент с заявлениями о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2008 г. N 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон N 159-ФЗ).

Уведомление об отказе от договора получено обществом 29 октября 2015 г.

Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Москве внесена запись в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним о прекращении действия перечисленных договоров аренды на основании уведомлений об отказе от договора.

Департамент 6 ноября 2015 г. сообщил обществу об отказе в предоставлении государственной услуги по выкупу арендуемого помещения в связи с прекращением действия договора аренды.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к департаменту об обязанности заключить договор купли-продажи помещений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды пришли к выводу об отсутствии у общества преимущественного права выкупа, поскольку договор аренды прекратил действие в связи с отказом департамента.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что договор аренды прекращен 29 октября 2015 г., а общество обратилось с заявлением о реализации преимущественного права 30 сентября 2015 г., то есть в период, когда договор еще действовал.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Преимущественное право, предусмотренное ст. 3 Закона N 159-ФЗ, может быть реализовано при ус-

ловии, что: 1) арендуемое имущество по состоянию на 1 июля 2015 г. находится во временном владении и (или) временном пользовании непрерывно в течение двух и более лет в соответствии с договором или договорами аренды такого имущества, за исключением случая, предусмотренного ч. 2.1 ст. 9 данного закона; 2) отсутствует задолженность по арендной плате за такое имущество, неустойкам (штрафам, пеням) на день заключения договора купли-продажи арендуемого имущества в соответствии с ч. 4 ст. 4 данного закона, а в случае, предусмотренном ч. 2 или ч. 2.1 ст. 9 этого закона, - на день подачи субъектом малого или среднего предпринимательства заявления о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества; 4) арендуемое имущество не включено в утвержденный в соответствии с ч. 4 ст. 18 Закона N 159-ФЗ перечень государственного имущества или муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) в пользование субъектам малого и среднего предпринимательства, за исключением случая, предусмотренного ч. 2.1 ст. 9 указанного закона.

В абзацах шестом и седьмом п. 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2009 г. N 134 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разъяснено следующее. При применении положений ст. 3 Закона N 159-ФЗ арбитражным судам следует иметь в виду, что субъект малого или среднего предпринимательства пользуется правом на приобретение только при условии, что он является арендатором по договору аренды недвижимого имущества (заключенному как с указанием срока аренды, так и на неопределенный срок), действующему на момент принятия соответствующим органом решения о приватизации данного имущества (в том числе и по договору аренды, действие которого возобновлено на неопределенный срок по правилам п. 2 ст. 621 ГК РФ). Если на момент принятия решения о приватизации недвижимого имущества срок договора его аренды истек, но арендатор, несмотря на возражения со стороны арендодателя, не вернул имущество арендодателю, права на приобретение у него не возникает.

По смыслу ст. 3 Закона N 159-ФЗ и в соответствии со ст. 10 ГК РФ суд вправе признать наличие у арендатора права на приобретение в случае, когда договор аренды был прекращен в одностороннем порядке арендодателем, действовавшим исключительно с целью воспрепятствования реализации арендатором права на приобретение имущества в собственность.

Поскольку общество продолжало пользоваться помещениями по истечении срока действия договора аренды, в силу п. 2 ст. 621 ГК РФ договор был возобновлен на тех же условиях на неопределенный срок.

В таком случае согласно п. 2 ст. 610 ГК РФ каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора,

предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества - за три месяца.

Таким образом, на дату принятия департаментом решений об отказе в приватизации договор аренды не действовал. Следовательно, у общества не возникло право на приобретение в собственность спорных помещений, поскольку оно не являлось арендатором на дату принятия решения по заявлению на выкуп.

При рассмотрении данного дела суды вправе были признать наличие у арендатора такого права в случае признания, что договор аренды был прекращен в одностороннем порядке арендодателем, действовавшим исключительно с целью воспрепятствования реализации арендатором права на приобретение (ст. 10 ГК РФ). Между тем, оценив представленные в материалы дела доказательства по правилам ст. 71 АПК РФ, суды первой и апелляционной инстанций не усмотрели в действиях департамента по отказу от договора злоупотребления правом. Напротив, согласно представленным доказательствам арендатором допущено нарушение предусмотренного договорами аренды целевого назначения арендованных помещений. Арендодатель направил сообщение об отказе от договора за два месяца до подачи обществом заявления о выкупе. Общество, арендуя спорные помещения с 1 декабря 1999 г., ранее с заявлением о реализации преимущественного права в департамент не обращалось, поэтому на момент отказа от договоров ответчик не мог знать о намерении общества приобрести в собственность данное недвижимое имущество.

Определение N 305-ЭС17-5424

Практика применения земельного и градостроительного законодательства

24. При применении положений п. 5.1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» учитывается фактическое использование сельскохозяйственной организацией или крестьянским (фермерским) хозяйством земельного участка.

Уполномоченный орган муниципального образования (далее - администрация) и сельскохозяйственная организация (далее - общество) обратились в регистрирующий орган с заявлениями о государственной регистрации перехода права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения на основании договора купли-продажи, заключенного в соответствии с п. 5.1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее - Закон N 101-ФЗ).

Регистрирующий орган приостановил государственную регистрацию перехода права собственности, указав на отсутствие документа, подтверждающего использование земельных участков обществом.

Общество и администрация представили в регистрирующий орган дополнительные документы: структуру севооборота полей общества, опись документов бухгалтерского учета на посев и обработку полей, письмо главы муниципального образования, акт осмотра земельных участков.

Регистрирующий орган отказал в государственной регистрации перехода права собственности на основании абзаца десятого п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с непредставлением документа, подтверждающего использование земельных участков обществом.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа регистрирующего органа незаконным и об обязанности регистрирующего органа произвести государственную регистрацию перехода права.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Истолковав п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ и ст. 5 ЗК РФ, суды сочли, что представленные обществом доказательства не свидетельствуют о законном использовании обществом спорных земельных участков, под которыми суды понимают владение земельным участком и его использование на праве собственности, правах постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, ограниченного пользования чужими земельными участками (сервитут), безвозмездного срочного пользования либо по договорам аренды, субаренды.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ установлен льготный порядок приобретения прав на земельный участок, сформированный в счет не востребуемых земельных долей.

Из буквального толкования названной нормы права и ст. 12.1 Закона N 101-ФЗ следует, что заявитель должен доказать факт использования истребуемого им в собственность земельного участка.

При этом закон не устанавливает основания использования, перечень доказательств, подтверждающих данный факт, так же как не определяет срок использования участка и другие обстоятельства его использования с учетом особенностей ведения сельскохозяйственной деятельности. Поэтому при возникновении судебного спора о наличии оснований для приобретения прав на земельный участок в порядке указанной нормы данный факт подлежит установлению судом на основе исследования и оценки относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности, установленных гл. 7 АПК РФ. К таким основаниям и доказательствам использования земельного участка могут быть отнесены: договоры аренды или безвозмездного пользования, иные договоры, заключенные в отношении земельного участка, находящегося в общей долевой собственности в соответствии с действовавшим на момент их заключения законодательством; в случае если указанные субъекты использовали истребуемый участок без оформления правоотношений, то ими могут быть представлены любые относимые и допустимые доказа-

тельства, подтверждающие использование земельного участка в сельскохозяйственных целях (например, сведения о расходах по обработке земельного участка и внесении удобрений, проведении посевных работ и уборке урожая и другие).

Таким образом, в целях применения положений п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ и установления факта использования земельного участка могут быть учтены как договорные отношения, так и фактическое использование сельскохозяйственной организацией или крестьянским (фермерским) хозяйством земельного участка, находившегося в общей долевой собственности до государственной регистрации права муниципальной собственности на такой земельный участок. При этом указанный порядок предоставления земли в порядке приведенной нормы права не должен позволять приобрести земельный участок недобросовестным лицом.

Определение N 310-КГ16-21437

25. Отказ регистрирующего органа в регистрации перехода права собственности на земельный участок на основании положений п. 5.1 ст. Закона N 101-ФЗ является правомерным при отсутствии доказательств наличия у приобретателя статуса сельскохозяйственной организации и фактического использования им земельного участка.

Решением регистрирующего органа уполномоченному органу муниципального образования (далее - администрации) и обществу отказано в государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения на основании п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ в связи с несоответствием предоставленных на регистрацию документов действующему законодательству.

Администрация и общество обратились в арбитражный суд с заявлением о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Регистрирующий орган утверждал, что общество не является сельскохозяйственной организацией, ссылаясь при этом на сведения налогового органа, согласно которым основным видом деятельности общества является «деятельность по операциям с недвижимым имуществом», сведениями об осуществлении им сельскохозяйственной деятельности налоговый орган не располагает.

Пунктом 1 ст. 177 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дано понятие сельскохозяйственной организации, которой могут быть юридические лица, основными видами деятельности которых являются производство или производство и переработка сельскохозяйственной продукции, выручка от реализации которой составляет не менее чем 50% общей суммы выручки.

Судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела наличие у общества статуса сельскохозяйственной организации не проверялось, соответствующих выводов в судебных актах не содержится.

Арбитражный суд округа, указывая, что общество является сельскохозяйственной организацией, этот вывод не мотивировал.

Поскольку в соответствии с п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ льготный порядок приобретения земельного участка возможен только для сельскохозяйственной организации или крестьянского (фермерского) хозяйства, проверка наличия у общества признаков сельскохозяйственной организации являлась необходимой при разрешении настоящего спора.

Кроме того, суды также должным образом не проверили использование обществом спорного земельного участка до государственной регистрации на него права муниципальной собственности, которое было зарегистрировано 28 сентября 2015 г., общество представило договор аренды от 3 сентября 2015 г., заключенный участниками общей долевой собственности и обществом. Между тем суды не проверили, каким образом общество использовало земельный участок в сельскохозяйственных целях, осуществлялось ли его фактическое использование за такой непродолжительный период действия договора аренды. Оценивая представленный обществом договор аренды, по сути являющийся его единственным доказательством использования земельного участка, суды не учли, что наличие заключенного договора само по себе не подтверждает фактическое использование земельного участка.

Определение N 310-КГ17-6693

26. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. N 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не определяет специальных оснований для установления сервитута на земельные участки, расположенные в границах полосы отвода автомобильных дорог. Такие основания закреплены гражданским законодательством.

Общество обратилось в уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (далее - департамент) с заявлением об установлении в интересах общества частного сервитута на земельный участок для размещения коммерческой парковки на основании подп. 2 п. 4 ст. 39.26 ЗК РФ, указав что Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. N 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон N 257-ФЗ) допускается использование земельных участков в границах полос отвода автомобильных дорог.

Департамент отказал обществу, ссылаясь на то, что спорный земельный участок находится в зоне городского наземного транспорта ИТ-2 в границах полосы отвода автомобильной дороги, но расположен на землях общего пользования под улицей.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа департамента недействительным и об установлении частного сервитута.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены. Суды исходили из того, что в силу п. 1 ст. 274 ГК РФ, п. 10 ст. 23, ст. 39.26 ЗК РФ, ст. 3, ст. 25 Закона N 257-ФЗ предоставление земельного участка для размещения дорожного сервиса на земельном участке в границах отвода автомобильной дороги возможно только на условиях частного сервитута.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

Ни положениями ЗК РФ, ни Закона N 257-ФЗ не установлено оснований для предоставления свободного (не предоставленного иному лицу) земельного участка, находящегося в публичной собственности, расположенного в полосе отвода автомобильной дороги, гражданину или юридическому лицу только на условиях сервитута.

В соответствии с п. 10 ст. 23 ЗК РФ в нормах специального законодательства, в том числе в п. 4.1 ст. 25 Закона N 257-ФЗ, определяются лишь особый порядок, условия и случаи установления сервитутов в отношении земельных участков в границах полос отвода автомобильных дорог. Основания для установления сервитута предусмотрены в ст. 274 ГК РФ.

Учитывая, что общество не является ни собственником соседнего земельного участка, ни любого другого объекта недвижимости, для использования которого на испрашиваемый участок необходимо установить сервитут, ни собственником объектов дорожного сервиса, уже размещенных в полосе отвода автомобильной дороги, для функционирования которых необходима стоянка транспортных средств, оснований для установления сервитута в данном случае не имеется. При таких обстоятельствах департамент правомерно, в соответствии с подп. 2 п. 4 ст. 39.26 ЗК РФ, отказал обществу в установлении сервитута на испрашиваемый земельный участок.

Определения N 304-ЭС17-1624,
304-ЭС17-1639

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

27. В случае установления двухкомпонентных тарифов на горячую воду количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения независимо от наличия коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного жилого дома.

Теплоснабжающей организацией и абонентом заключен договор теплоснабжения, по условиям которого теплоснабжающая организация обязуется по-

ставить абоненту тепловую энергию и горячую воду, а абонент обязуется оплачивать принятую тепловую энергию, горячую воду, а также теплоноситель, не возвращенный в тепловую сеть теплоснабжающей организации.

Ссылаясь на ненадлежащее исполнение абонентом обязательств по оплате горячей воды, теплоснабжающая организация обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности и пени, начисленной в связи с просрочкой внесения платежей.

Разногласия сторон возникли по объему (количеству) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению, который ответчик определял расчетным способом в соответствии с Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. N 354 (далее - Правила N 354), а истец - по показаниям приборов учета.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иски удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу прямого указания п. 13 Правил N 354 условия договоров о приобретении коммунальных ресурсов в целях использования таких ресурсов для предоставления коммунальных услуг потребителям определяются с учетом названных Правил и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

В соответствии с п. 87 Основ ценообразования в сфере теплоснабжения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. N 1075, двухкомпонентный тариф на горячую воду в открытой системе теплоснабжения (горячего водоснабжения) устанавливается для теплоснабжающих организаций, поставляющих горячую воду с использованием открытой системы теплоснабжения (горячего водоснабжения). При этом двухкомпонентный тариф на горячую воду в открытой системе теплоснабжения (горячего водоснабжения) состоит из компонента на теплоноситель и компонента на тепловую энергию.

Разделом VII Приложения 2 к Правилам N 354 установлен порядок расчета размера платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению, предоставленную потребителю за расчетный период в жилом помещении (жилом доме, квартире) или нежилом помещении и на общедомовые нужды, в случае установления двухкомпонентных тарифов на горячую воду. В соответствии с п. 26 названного приложения размер платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению в i -м жилом или нежилом помещении определяется по формуле 23, которая содержит величину Q_i^n - объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период в i -м жилом или нежилом помещении. Указан-

ная величина рассчитывается как произведение объема потребленной за расчетный период в *i*-м жилом или нежилом помещении горячей воды, определенного по показаниям индивидуального или общего (квартирного) прибора учета в *i*-м жилом или нежилом помещении, и утвержденного норматива расхода тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению. Аналогичным образом определяется объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период на общедомовые нужды, приходящиеся на *i*-е жилое помещение или нежилое помещение $Q_i^{общ}$ в формуле 24 того же приложения.

Таким образом, в силу Правил N 354 количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения независимо от наличия коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного жилого дома.

Определение N 305-ЭС17-8232

Практика применения норм международного частного права

28. При определении того, является ли норма иностранного права материальной или процессуальной, судам следует исходить не из ее расположения в системе нормативно-правовых актов соответствующего государства, а из существа содержания нормы и регулируемых ею отношений.

Банком (кредитором) и обществом (поручителем) заключен договор поручительства и согласовано, что применимым правом к обязательствам из названного договора будет являться право Республики Кипр.

В отношении общества открыто конкурсное производство. Определением суда первой инстанции требование банка о взыскании с общества суммы основного долга включено в реестр требований кредиторов.

Ссылаясь на положения ст. 33 Закона Республики Кипр 1960 г. N 14/1960 «О судах справедливости» (далее - Закон о судах справедливости), банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов требования о взыскании суммы законных процентов, подлежащих начислению за период со дня инициирования дела о взыскании долга с поручителя по день введения наблюдения в отношении поручителя.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что проценты, предусмотренные Законом о судах справедливости, имеют процессуальную природу и названная норма не может быть применена российским судом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и на-

правила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 33 Закона о судах справедливости в любом судебном разбирательстве перед любым судом о взыскании любого долга, по которому проценты подлежат уплате или предусмотрены договором или иначе предусмотрены договором или иначе предусмотрены законом, суд должен присуждать проценты в соответствии с процентной ставкой, которая согласована или иначе предусмотрена законом, за период с даты, в которую проценты стали подлежащими уплате, и до окончательного погашения.

В соответствии с п. 2 названной статьи на сумму, присужденную каждым решением, в том числе на ее часть, относящуюся к судебным издержкам, если иное не предусмотрено в судебном акте в соответствии с п. 1, начисляются, при условии соблюдения положений подраздела (4), проценты по ставке 5,5 % годовых с даты подачи иска до окончательного погашения долга.

В связи с тем, что стороны согласовали в качестве применимого право Республики Кипр, суд первой инстанции, разрешая настоящий спор о допустимости взыскания процентов, начисленных по правилам ст. 33 Закона о судах справедливости, должен был в применяемой к отношениям сторон части установить содержание норм права данного государства в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной (ч. 1 ст. 14 АПК РФ и п. 1 ст. 1191 ГК РФ).

Суд первой инстанции не отразил в решении наличие в материалах дела заключений иностранных специалистов по данному вопросу и мотивы принятия своего решения, формально констатировав, что норма, на которую ссылается банк, находится в законе, регулирующем вопросы судостроительства и процессуального права, в связи с чем имеет процессуальную природу, а поэтому в силу п. 5 ст. 1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не может быть применена в деле о банкротстве российской организации.

В то же время нахождение нормы в процессуальном законе само по себе не создает неопровержимой презумпции ее процессуального характера. Так, российскому праву известны случаи нахождения процессуальных норм в материальном законе (например, содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации положения о запрете ссылаться на свидетельские показания при несоблюдении письменной формы сделки (п. 1 ст. 162), о порядке установления судом содержания норм иностранного права (ст. 1191) и т.д.), и наоборот, нахождения материальных норм в процессуальном законе (например, положения ст. 446 ГПК РФ, устанавливающие исключение из принципа полной имущественной ответственности гражданина, предусмотренного ст. 24 ГК РФ).

Таким образом, судам при решении вопроса о применимости спорной нормы следовало исходить не из ее расположения в системе нормативно-правовых актов соответствующего государства, а из существа содержания нормы и регулируемых ею отношений.

Определение N 305-ЭС16-13148(2)

Практика применения законодательства о защите конкуренции

29. Условие документации о закупке, осуществляемой коммерческой организацией, о недопустимости привлечения исполнителем субподрядчиков или соисполнителей само по себе не противоречит действующему законодательству.

Решением антимонопольного органа общество признано нарушившим требования Федерального закона от 18 июня 2011 г. N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц» (далее - Закон N 223-ФЗ). Нарушения выразились в установлении в документации о закупке при проведении запроса предложений условия о недопустимости привлечения исполнителем при исполнении договора субподрядчиков или соисполнителей.

Общество обратилось в арбитражный суд о признании решения антимонопольного органа недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и признала недействительным решение антимонопольного органа по следующим основаниям.

Запрет привлечения субподрядчиков и соисполнителей не является требованием, предъявляемым к участнику закупки, а относится к способу и порядку исполнения договора и соответствует положениям ст. 706 и 780 ГК РФ, предоставляющим возможность включения в договор условия о личном выполнении подрядчиком работ (оказании услуг).

Включение в документацию о закупках спорного условия также не противоречит Закону N 223-ФЗ и Федеральному закону от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции», поскольку при проведении закупочных процедур заказчик не ограничен в вопросах формирования системы закупок, позволяющей выявить участника закупки, способного своевременно и качественно удовлетворить потребности заказчика в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности.

Условие о выполнении работ, являющихся предметом закупки, собственными силами может рассматриваться как нарушающее законодательство, если антимонопольный орган докажет, что это условие включено в документацию о закупках специально для того, чтобы обеспечить победу конкретному хозяйствующему субъекту.

В рамках настоящего дела не установлено, что условие о недопустимости привлечения исполнителем субподрядчиков или соисполнителей было включено для того, чтобы обеспечить победу в запросе предложений конкретного хозяйствующего субъекта, либо иным способом ограничить доступ хозяйствующим субъектам к участию в запросе предложений.

Определение N 305-КГ17-3423

30. Заинтересованное лицо вправе обжаловать в антимонопольный орган действия (бездействия) заказчика при осуществлении закупок в соответствии с положениями Федерального закона от 18 июля 2011 г. N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» только в случаях, прямо предусмотренных ч. 10 ст. 3 указанного закона.

Решением антимонопольного органа признана обоснованной жалоба фирмы на действия общества при организации и проведении запроса предложений в электронной форме на право заключения договора на выполнение работ, общество признано нарушившим ч. 2 ст. 4, ч. 12 ст. 4, ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 18 июня 2011 г. N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц» (далее - Закон N 223-ФЗ) и п. 2 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции). В соответствии с указанным решением антимонопольным органом обществу выдано предписание об устранении выявленных нарушений антимонопольного законодательства: отмене протоколов торгов, повторном проведении процедуры рассмотрения и оценки заявок. Антимонопольным органом также предписано принять меры по внесению изменений в Положение о закупках товаров, работ, услуг общества.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанных решения и предписания антимонопольного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

В соответствии с п. 4.2 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции антимонопольные органы наделены полномочиями по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов. Порядок рассмотрения указанных жалоб установлен ст. 18.1 Закона о защите конкуренции. Данные нормы введены в действие Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. N 401-ФЗ в рамках т.н. «третьего антимонопольного пакета».

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. N 250-ФЗ, принятым в рамках т.н. «четвертого антимонопольного пакета», положения ч. 1 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции изложены в новой редакции, согласно которой установленный данной статьей порядок рассмотрения жалоб применяется также при организации и проведении закупок в соответствии с Законом N 223-ФЗ.

Таким образом, ст. 18.1 Закона о защите конкуренции регламентирует лишь порядок действий антимонопольного органа (процедуру) при рассмотрении жалоб участников закупок, осуществляемых в соответствии с Законом N 223-ФЗ, но не определяет основания компетенции (полномочия) антимонопольного органа. Эти основания установлены в ч. 10 ст. 3

Закона N 223-ФЗ, согласно которой антимонопольные органы рассматривают жалобы участников закупки на действия (бездействие) заказчика в определенных случаях. Перечисленные в данной норме основания обжалования действий заказчика в административном порядке соотносятся с принципом прозрачности информации о закупках. Иные же действия заказчиков подлежат обжалованию в судебном порядке, о чем указано в ч. 9 ст. 3 Закона N 223-ФЗ.

Статья 18.1 Закона о защите конкуренции в силу своего процедурного характера не может рассматриваться как расширяющая перечень оснований, в пределах которых антимонопольный орган обладает полномочиями по рассмотрению жалоб, а лишь допускает возможность вынесения решения по итогам рассмотрения жалобы участника закупки с учетом всех нарушений, связанных с обеспечением информационной прозрачности закупок и упомянутых в ч. 10 ст. 3 Закона N 223-ФЗ.

Оспоренное обществом решение антимонопольного органа таких оснований не содержит.

Определение N 309-КГ17-7502

31. Объекты электро- и теплоснабжения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть переданы в хозяйственное ведение или оперативное управление государственным или муниципальным унитарным предприятиям без проведения конкурсных процедур.

Решением антимонопольного органа уполномоченный орган муниципального образования (далее - администрация) признан допустившим нарушение п. 7 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции), выразившееся в передаче объектов электро- и теплоснабжения в хозяйственное ведение муниципального унитарного предприятия без проведения конкурса. Администрации выдано предписание о принятии мер по возврату спорного имущества в казну муниципального образования.

Администрация обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании названных решения и предписания недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения постановление арбитражного суда округа по следующим основаниям.

Понятие, условия и цели предоставления преференций уполномоченными на это органами и организациями определены в ст. 4 и 19 Закона о защите конкуренции, из которых следует, что закрепление государственного или муниципального имущества за хозяйствующими субъектами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления не является государственной или муниципальной преференцией.

Названные положения учитывают специфику отношений между собственником государственного или муниципального имущества и учрежденным им юридическим лицом, предусмотренную пп. 1 и 2 ст. 209, ст. 215, 216, 294, 296 ГК РФ.

С момента официального опубликования (8 мая 2013 г.) Федерального закона от 7 мая 2013 г. N 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» передача прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, централизованными системами горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельными объектами таких систем, находящимися в государственной или муниципальной собственности, осуществляется с учетом требований, установленных ст. 41.1 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» и ст. 28.1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее - Закон о теплоснабжении).

Согласно ч. 1 ст. 28 Закона о теплоснабжении передача прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, находящимися в государственной или муниципальной собственности, осуществляется только по договорам их аренды, которые заключаются в соответствии с требованиями гражданского законодательства, антимонопольного законодательства Российской Федерации и принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, с учетом предусмотренных настоящим Федеральным законом особенностей, или по концессионным соглашениям, заключенным в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о концессионных соглашениях.

Статьей 17.1 Закона о защите конкуренции предусмотрено, что заключение договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов на право заключения этих договоров, за исключением предоставления указанных прав на такое имущество в силу закона.

Указанные требования регулируют обязательственные отношения, связанные с передачей прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, и касаются только тех ситуаций, когда такое имущество передается на основании договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров.

Статья 28.1 Закона о теплоснабжении, устанавливая особые требования к передаче прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, не затрагивает правомочий собственника по распоряжению принадлежащим ему имуществом и не исключает возможности по передаче собственником имуще-

ства на праве хозяйственного ведения и оперативного управления в порядке, предусмотренным ГК РФ.

Определение N 303-КГ17-4054

**Практика применения законодательства
о налогах и сборах и законодательства
о взносах в государственные
внебюджетные фонды**

32. Обязанность по уплате сумм налогов в бюджет считается исполненной налогоплательщиком с момента предъявления в банк поручения о перечислении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации со счета налогоплательщика при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа, за исключением случаев, когда налогоплательщик действовал в обход закона.

На основании заключенного с банком договора налогоплательщик 22 октября 2015 г. направил в банк платежные поручения и дал банку распоряжение о перечислении с его расчетного счета в бюджет денежных средств с назначением платежа об уплате налога по упрощенной системе налогообложения.

Денежные суммы списаны с банковского счета налогоплательщика 28 октября 2015 г. и 3 ноября 2015 г., но не поступили в бюджет.

Приказом Банка России от 16 ноября 2015 г. с даты его издания у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций.

Налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением к налоговому органу о признании исполненной обязанности по уплате налога.

Решением суда первой инстанции заявление удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

При исполнении конституционной обязанности по уплате налогов, установленной ст. 57 Конституции Российской Федерации, налогоплательщик не несет ответственность за действия всех организаций, участвующих в многостадийном процессе уплаты и перечисления налогов в бюджет: на налогоплательщика возложена публично-правовая обязанность уплатить законно установленные налоги и сборы, а на кредитные учреждения возлагается публично-правовая обязанность обеспечить перечисление соответствующих платежей в бюджет.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 12 октября 1998 г. N 24-П, конституционная обязанность каждого налогоплательщика по уплате налогов должна считаться исполненной в тот момент, когда изъятие части его имущества, предназначенной для уплаты в бюджет в качестве налога, фактически произошло. Такое изъятие происходит в момент списания банком с расчетно-

го счета налогоплательщика соответствующих средств в уплату налога. Иное приводило бы к повторному взысканию с добросовестного налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов, что нарушает конституционные гарантии частной собственности и принцип равенства всех перед законом (ст. 19 и 35 Конституции Российской Федерации).

Положениями подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ установлено, что обязанность по уплате налога считается исполненной налогоплательщиком с момента предъявления в банк поручения на перечисление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации со счета налогоплательщика в банке при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа.

Вместе с тем в силу вытекающего из ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации запрета злоупотребления правом никто не вправе извлекать преимущество (выгоду) из своего недобросовестного поведения.

Таким образом, выдача распоряжения банку о списании денежных средств со счета клиента для уплаты налогов не создает правовых последствий, предусмотренных подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ, если к моменту предъявления соответствующего платежного поручения плательщик знал (не мог не знать) о неспособности кредитного учреждения обеспечить перечисление налогов в бюджетную систему Российской Федерации.

Об известности этого факта налогоплательщику - владельцу банковского счета должны свидетельствовать прямые доказательства осведомленности владельца счета о невозможности осуществления платежа (например, наличие ранее неисполненных банком платежных поручений клиента), либо достаточная совокупность косвенных доказательств, прежде всего, не получившее разумного объяснения несоответствие поведения налогоплательщика при направлении платежных поручений о перечислении налогов в бюджет его собственному предшествующему поведению при исполнении налоговой обязанности и поведению любого иного плательщика, ожидаемому в сравнимой ситуации (формирование остатка денежных средств на счете путем совершения внутрибанковских операций, не являвшихся обычными для налогоплательщика; направление имевшихся на счете клиента денежных средств только на уплату налогов при одновременном осуществлении расчетов с иными кредиторами за счет средств, имевшихся на счете, открытом налогоплательщиком в другом банке, и т.п.).

Само по себе высказывание в узкоспециализированных средствах массовой информации, не направленных на массового потребителя, предположений о техническом сбое в работе банка, тем более при наличии комментариев сотрудника банка о его устранении в короткое время, при отсутствии ограничений на проведение платежей в банке со стороны органа банковского надзора и при отсутствии иной информации о проведении контрольных мероприятий в банке, не может служить основанием для вывода о недобросовестности налогоплательщика, направившего платежное поручение об уплате налогов через соответствующий банк, поскольку клиенты кредитной организации, не являющиеся профессиональными участниками банковского сектора, как правило, не имеют сведений

о возникновении проблем в банковском учреждении до того, как проблема приобрела общеизвестный характер.

На момент предъявления спорных платежных поручений у налогоплательщика был открыт единственный счет в банке и, соответственно, отсутствовала возможность использовать счет в ином банке для осуществления платежей. По данному счету совершалось большое число операций, связанных с хозяйственной деятельностью налогоплательщика, а также операций по перечислению налоговых платежей в бюджет и страховых взносов во внебюджетные фонды. Оставшиеся на счете денежные средства были размещены налогоплательщиком на депозите в том же банке.

Приведенные обстоятельства не позволяют утверждать, что исполнение обязанности по уплате налога за счет средств, находящихся на счете налогоплательщика, открытом в банке, в рассматриваемый период было сопряжено с созданием искусственных условий для применения подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ (совершением действия в обход закона).

Определение N 305-КГ17-6981

33. Научно-производственный центр, не обладающий статусом государственного научного центра, не вправе применять льготу по налогу на имущество организаций в виде освобождения принадлежащих ему основных средств от налогообложения.

Государственное унитарное предприятие (далее - предприятие) оспорило в арбитражном суде решение налоговой инспекции, которым ему доначислен налог на имущество организаций.

Основанием для доначислений послужил вывод налогового органа об отсутствии у предприятия оснований для применения льготы по налогу на имущество организаций в соответствии с п. 15 ст. 381 НК РФ, поскольку предприятие не является организацией, которой в проверяемом периоде присвоен статус государственного научного центра в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 1993 г. N 939.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, признал решение налогового органа недействительным, сочтя, что льгота, предусмотренная п. 15 ст. 381 НК РФ, распространяется на федеральные научно-производственные центры, к числу которых относится предприятие.

Суды учли, что такое разъяснение в отношении круга лиц, имеющих право на использование рассматриваемой льготы, дано в п. 5 Обзора практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений гл. 30 НК РФ, N 148, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по жалобе налоговой инспекции, признала выводы судов ошибочными.

Новая редакция п. 15 ст. 381 НК РФ, действующая с 1 января 2015 г., предполагает, что освобождается от

налогообложения имущество организаций, которым присвоен статус государственных научных центров.

Соответственно, действующее положение исключает применение ранее данных разъяснений, по причине чего предприятие с указанной датой не может использовать соответствующую льготу.

Сведений о том, что предприятию присвоен статус государственного научного центра в деле не имеется. Таким образом, предприятие не имеет права на использование льготы, предусмотренной п. 15 ст. 381 НК РФ, вследствие чего доначисления произведены налоговым органом законно.

Определение N 310-КГ17-5116

34. Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих включать в базу для начисления страховых взносов не принятые Фондом социального страхования к зачету суммы выплаченного работникам страхового обеспечения.

Региональным отделением Фонда социального страхования Российской Федерации (далее - фонд) приняты решения, которыми хозяйственное общество (далее - страхователь) привлечено к ответственности за совершение нарушения законодательства Российской Федерации о страховых взносах и к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Фонд включил в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, денежные средства в сумме выплаченных обществом своим сотрудникам - внешним совместителям - пособий по беременности и родам и по временной нетрудоспособности, не принятых к зачету по результатам выездной проверки.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества о признании недействительным указанного решения фонда отказано.

Суды сочли, что указанные суммы пособий, не принятые к зачету, уже не могут признаваться страховым обеспечением, не подлежащим обложению страховыми взносами в силу положений п. 1 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее - Закон N 212-ФЗ) и п. 1 ч. 1 ст. 20.2 Федерального закона от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее - Закон N 125-ФЗ).

В связи с этим, по мнению судов, фонд пришел к правомерному выводу, что данные средства подлежат включению в базу, облагаемую страховыми

взносами на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и в базу, облагаемую страховыми взносами от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты и удовлетворила требования страхователя по следующим основаниям.

Положениями ч. 1 ст. 7 Закона N 212-ФЗ и ч. 1 ст. 20.1 Закона N 125-ФЗ определены объекты обложения соответствующими страховыми взносами.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона N 212-ФЗ и п. 1 ч. 1 ст. 20.2 Закона N 125-ФЗ не подлежат обложению соответствующими страховыми взносами пособия и иные виды обязательного страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию.

Как следует из материалов дела и установлено судами, общество выплатило своим сотрудникам - внешним совместителям пособия по беременности и родам и по временной нетрудоспособности. Названные расходы общества не были приняты фондом к зачету, поскольку указанные сотрудники работали в обществе менее двух лет до наступления страхового случая и у общества отсутствуют справки с основного места работы этих лиц о том, что им не выплачивалось такое пособие по основному месту работы.

Однако отказ фонда в принятии к зачету расходов по выплате спорных пособий не может изменить статус выплаченных средств как страховое обеспечение, то есть страховые выплаты, обусловленные наступлением страхового случая. Указанные суммы сохраняют свою социальную направленность и не являются вознаграждением за выполнение работником трудовых функций. Сам факт наступления страхового случая фондом не оспаривается.

Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих включать в базу для начисления страховых взносов не принятые фондом к зачету суммы выплаченного страхового обеспечения.

Таким образом, выплаченные обществом в связи с наступлением страхового случая своим сотрудникам спорные суммы признаются страховым обеспечением по обязательному социальному страхованию и не могут квалифицироваться как объекты обложения соответствующими страховыми взносами на основании положений ч. 1 ст. 7 Закона N 212-ФЗ и ч. 1 ст. 20.1 Закона N 125-ФЗ.

Определение N 308-КГ17-680

Споры, связанные с применением таможенного законодательства

35. При рассмотрении споров о классификации ввозимых товаров для таможенных целей могут учитываться рекомендации по классификации, данные Всемирной таможенной организацией, и международная практика классификации таких товаров.

Предварительными решениями таможенного органа товар общества - персональные беспроводные приемо-передающие носимые устройства AppleWatch («Эпл Ватч», далее по тексту используется оригинальное название товара) классифицирован по

Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее - ТН ВЭД) в товарных позициях 9102/9101 «часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой/часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой с корпусом, изготовленным из драгоценного металла».

Общество, полагая, что устройства AppleWatch должны быть отнесены к товарной позиции 8517 («аппаратура для передачи данных»), обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений таможенного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества по следующим основаниям.

Международная Конвенция по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (совершена в Брюсселе 14 июня 1983 г., далее - Конвенция) возлагает на Российскую Федерацию как государство - участника данного международного договора обязанность обеспечивать соответствие применяемых таможенно-тарифных и статистических номенклатур Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее - Гармонизированная система).

Обязательность применения Гармонизированной системы в Российской Федерации, кроме того, вытекает из п. 2 ст. 25 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.), согласно которому Гармонизированная система является основой ТН ВЭД.

Применение Гармонизированной системы включает в себя обязательное использование ее Основных правил интерпретации ТН ВЭД, приведенных в Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза (утвержден решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. N 54; далее - Основные правила интерпретации, ОПИ).

Статьи 6 - 7 Конвенции также предусматривают учреждение Комитета по Гармонизированной системе, одной из функций которого является разработка пояснений, классификационных решений и прочих рекомендаций, необходимых для интерпретации Гармонизированной системы. Названные рекомендации, в соответствии со ст. 8 Конвенции, имеют цель обеспечить единообразную интерпретацию и применение Гармонизированной системы, подготавливаются в ходе сессии Комитета по Гармонизированной системе, с участием уполномоченных представителей государств и после своего принятия считаются утвержденными Всемирной таможенной организацией.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. N 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» указано, что неправильная классификация товара таможенным органом является ос-

нованием для вывода о незаконности оспариваемого классификационного решения, и при проверке обоснованности классификационного решения судами могут учитываться рекомендации (разъяснения) по классификации товаров, данные Всемирной таможенной организацией в соответствии со ст. 7 Конвенции, в отношении которых Российская Федерация не заявила об отказе в их применении.

По результатам 55-й сессии Комитета по Гармонизированной системе, прошедшей в марте 2015 года, принято решение, касающееся классификации «умных часов», согласно которому данные переносные устройства с питанием от аккумулятора, способные принимать и передавать данные и предназначенные для ношения на запястье, рекомендуется классифицировать в товарной позиции 8517.62 Гармонизированной системы в соответствии с Основными правилами интерпретации 1, 3(б) и 6, то есть основное свойство «умных часов» определяется компонентом (модулем) беспроводного обмена данными.

На уровне Евразийского экономического союза не принято решение о классификации устройств вида «умные часы» по тому или иному коду ТН ВЭД.

В такой ситуации классификационные рекомендации Всемирной таможенной организации имеют значение для обеспечения правовой определенности при классификации ввозимых обществом товаров в таможенных целях.

Правильная классификация устройств AppleWatch не может быть произведена только на основании ОПИ 1 и 6. В действующей редакции ТН ВЭД отсутствует надлежащая товарная позиция (субпозиция), к которой рассматриваемые новые высокотехнологичные устройства могли быть отнесены непосредственным образом и однозначно, в том числе к товарным позициям 9102/9101 «часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой/часы наручные, карманные».

В соответствии с ОПИ 3(б) в таком случае классификация многокомпонентного товара должна осуществляться исходя из той составной части, которая придает товару основное свойство. Фактор, который определяет основное свойство многокомпонентного товара, устанавливается по природе компонента, объему, количеству, массе, стоимости или же роли, которую играет этот компонент при использовании товара, на что обращено внимание в п. VIII Пояснений к данному правилу (рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 марта 2013 г. N 4).

Исходя из классификационной рекомендации Всемирной таможенной организации, применение данного правила к «умным часам» объясняется тем, что их основное свойство определяется компонентом (модулем) беспроводного обмена данными, который позволяет AppleWatch синхронизировать данные с основным устройством (смартфоном iPhone) и выводить на экран соответствующую информацию. После синхронизации со смартфоном с включенной функцией передачи данных AppleWatch, в частности, выполняет функции приема/отклонения и инициирования телефонных звонков; визуализации полученных на материнское устройство (iPhone) сообщений; воспро-

изведения видео и аудиофайлов, сохраненных в памяти материнского устройства; дистанционного управления фотовидеокамерой материнского устройства; контроля времени (часы, календарь, таймер обратного отсчета, секундомер).

Доводы таможенного органа о многообразии функций, выполняемых AppleWatch, не могли служить основанием для отказа в применении Основного правила интерпретации 3(б) и использования иного подхода к классификации товара. По существу эти доводы сводятся к констатации значительного числа потребительских нужд, удовлетворяемых при бытовом использовании «умных часов».

Таким образом, классификация многокомпонентного товара не ставится в зависимость от выполняемых им функций, а производится по составляющим его компонентам, их объективной роли и значимости в функциональности устройства.

В нарушение ч. 5 ст. 200 АПК РФ таможенный орган не опроверг относимость и обоснованность подхода к классификации товаров, рекомендованного Всемирной таможенной организацией в соответствии со ст. 6 - 7 Конвенции, к заявленным обществом устройствам AppleWatch и не доказал правильность принятых им решений по предварительной классификации товаров.

Определение N 305-КГ17-3138

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

36. Оказание услуг, отвечающих критериям образовательной деятельности, без получения необходимой лицензии является основанием для привлечения оказывающего такие услуги лица к административной ответственности, установленной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявление прокурора о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, за осуществление образовательной деятельности без лицензии, назначив обществу наказание в виде штрафа.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено и в удовлетворении заявления прокурора о привлечении общества к административной ответственности отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как следовало из материалов дела, общество на платной основе предоставляло образовательные услуги по подготовке судоводителей маломерных судов в соответствии с Типовой программой обучения судоводителей судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России (утвержденной МЧС России 28 октября 2005 г.), а также в соответствии с собственной Программой подготовки судоводителей маломерных судов.

В соответствии с пп. 1, 3 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее - Закон об образовании) образование - единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а также совокупность приобретаемых знаний; обучение - целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни.

Как следует из положений ч. 1 ст. 12 Закона об образовании, содержание образования определяют образовательные программы. В силу ч. 5 ст. 12 Закона об образовании образовательные программы самостоятельно разрабатываются и утверждаются организацией, осуществляющей образовательную деятельность, если данным Законом не установлено иное.

Таким образом, общество, осуществляя обучение слушателей по программе «Подготовка судоводителей маломерных судов», а также фиксируя (в протоколах заседаний экзаменационной комиссии общества по проведению внутренних экзаменов) факт овладения слушателями соответствующими знаниями, умениями, навыками и компетенцией, осуществляет именно образовательную деятельность.

В соответствии с ч. 1 ст. 91 Закона об образовании образовательная деятельность подлежит лицензированию. Лицензирование, как установлено ч. 1 ст. 2 Закона о лицензировании, осуществляется, в том числе в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан.

Эксплуатация маломерных судов связана с повышенной опасностью для жизни и здоровья граждан, что дополнительно подтверждает квалификацию деятельности общества как образовательной и подлежащей в связи с этим лицензированию.

Как следует из ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, наказуемо осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна).

Следовательно, выводы прокурора о совершении обществом правонарушения, ответственность за которое предусмотрена указанной нормой, обоснованы, а решение суда первой инстанции соответствует действующему законодательству.

Определение N 310-АД17-3729

37. Срок привлечения к ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 7.34 КоАП РФ, начинает исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения.

Общество, в нарушение требований ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. N 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», не исполнило обязанность по переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в срок до 1 июля 2012 г.

Административный орган, составив акт обследования от 4 мая 2016 г., пришел к выводу о наличии в деянии общества состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ст. 7.34 КоАП РФ, вследствие чего был составлен протокол от 9 июня 2016 г. и принято постановление от 17 июня 2016 г. о привлечении общества к административной ответственности в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного постановления незаконным и подлежащим отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что общество в связи с допущенным в рассматриваемом случае бездействием не подлежало административной ответственности на момент его выявления административным органом, поскольку после введения с 1 января 2013 г. в действие новой редакции ст. 7.34 КоАП РФ нового срока исполнения хозяйствующими субъектами обязанности по переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками не устанавливалось.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала обществу в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

В соответствии с действующей с 20 марта 2015 г. редакцией ст. 7.34 КоАП РФ наказуемо использование земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования юридическим лицом, не выполнившим в установленный федеральным законом срок обязанности по переоформлению такого права на право аренды земельного участка или по приобретению этого земельного участка в собственность.

Соответственно, данное правонарушение является длящимся, вследствие чего срок давности привлечения к ответственности начинает исчисляться с учетом положений ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ со дня обнаружения административного правонарушения.

Определение N 307-АД17-2298

38. Работник организации, не наделенный организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, не может выступать субъектом административной ответственности, установленной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ.

Арбитражный суд удовлетворил заявление прокурора о привлечении работника акционерного общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ за несвоевременное предоставление конкурсному управляющему сведений (документов), необходимых для исполнения возложенных на них обязанностей.

Как установил суд, конкурсный управляющий направили в акционерное общество запрос о предоставлении информации, обосновывающей перечисление денежных средств должника по делу о банкротстве на расчетный счет указанной организации и о поступлении на расчетный счет этой организации денежных средств должника. Упомянутый запрос был исполнен

сотрудником организации с нарушением установленного п. 1 ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) срока.

В связи с этим суд первой инстанции, с которым согласились арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанций, пришел к выводу о наличии в действиях работника акционерного общества состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и назначил наказание в виде штрафа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Согласно ст. 2.4 КоАП РФ административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

Как следует из представленных в материалы дела доказательств, в том числе приказа по организации и соответствующей должностной инструкции организации, привлеченный к административной ответственности работник являлся ведущим юрисконсультотом отдела претензионно-исковой работы корпоративно-правового департамента акционерного общества и не был наделен организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, в отсутствие которых он не может быть признан должностным лицом, подлежащим привлечению к административной ответственности за совершение административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

То обстоятельство, что согласно должностной инструкции в обязанности привлеченного к ответственности гражданина входит представление интересов организации в делах о банкротстве, в том числе ведение переписки с арбитражными управляющими, представителями временной администрации, не свидетельствует о том, что данный гражданин наделен какими-либо организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями.

Таким образом, будучи рядовым сотрудником организации, гражданин не является должностным лицом, к которому по смыслу положений ст. 2.4 КоАП РФ может быть применена административная ответственность.

Определение N 305-АД17-1484

39. Рассмотрение дела об оспаривании постановления антимонопольного органа, которым к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ привлечено должностное лицо, не относится к компетенции арбитражного суда.

Постановлением антимонопольного органа гражданин привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координацию экономической деятельности.

Не согласившись с указанным постановлением, гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о его признании незаконным и отмене.

При рассмотрении дела антимонопольным органом заявлено ходатайство о прекращении производства, поскольку оспариваемое постановление вынесено в отношении должностного лица.

Арбитражный суд, руководствуясь положениями ст. 27, 29 АПК РФ, ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ, вынес определение о прекращении производства по делу в связи с отсутствием у арбитражного суда компетенции рассматривать данный спор.

Постановлением суда апелляционной инстанции данное определение отменено и дело направлено для рассмотрения по существу в суд первой инстанции.

Суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения абзаца пятого ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, согласно которым судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных, в частности, ст. 14.32 КоАП РФ, указал, что арбитражный суд обладает компетенцией по рассмотрению настоящего спора об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ, независимо от субъектного состава - должностное лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе определение суда первой инстанции о прекращении производства по делу, отметив следующее.

Положения абзаца пятого ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, на которые сослался суд апелляционной инстанции, подлежат применению с учетом положений чч. 1 и 2 указанной статьи.

Соответственно, рассмотрение дел о привлечении должностных лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности за совершение правонарушений, которые предусмотрены статьями (частями статей), перечисленными одновременно в ч. 2 и абзаце пятом ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, осуществляется административными органами, если они не передали такие дела на рассмотрение в арбитражный суд, или арбитражным судом, если ему соответствующие дела переданы административными органами на рассмотрение.

Правонарушения, административная ответственность за совершение которых предусмотрена ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ, перечислены одновременно в ч. 2 и абзаце пятом ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ.

При этом в силу ч. 1 ст. 23.48 КоАП РФ федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных в частности ст. 14.32 КоАП РФ.

Поскольку в рассматриваемой ситуации антимонопольный орган не воспользовался своими полномочиями на передачу дела об административном правонарушении на рассмотрение в арбитражный суд, то упомянутое постановление о привлечении к административной ответственности могло быть обжаловано

в арбитражный суд только по правилам гл. 30 КоАП РФ и параграфа 2 гл. 25 АПК РФ, положения которых не предполагают возможность рассмотрения арбитражным судом дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

Определение N 305-АД17-6208

40. Субъектом ответственности, установленной ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, является лицо, обязанное соблюдать требования технических регламентов применительно к осуществляемой им деятельности.

Постановлением уполномоченного органа о привлечении к административной ответственности общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, и подвергнуто наказанию в виде взыскания штрафа.

Основанием для привлечения общества к ответственности послужили выводы уполномоченного органа о том, что общество при организации питания детей использовало сливочное масло, состав которого не соответствовал требованиям ТР ТС 021/2011, ТР ТС 033/2013, ГОСТ-32261-2013 «Масло сливочное. Технические условия» (далее - технические регламенты).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным указанного постановления и об его отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила названные судебные акты без изменения по следующим основаниям.

Согласно примечанию к ст. 14.43 КоАП РФ под подлежащими применению до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательными требованиями для целей применения данной статьи понимаются обязательные требования к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, установленные нормативными правовыми актами, принятыми Комиссией Таможенного союза в соответствии с Соглашением Таможенного союза по санитарным мерам от 11 декабря 2009 г., а также не противоречащие им требования нормативных правовых актов Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, подлежащих обязательному исполнению в соответствии с пп. 1, 1.1, 6.2 ст. 46 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ «О техническом регулировании».

Таким образом, объективная сторона правонарушения, описанного в ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, заключается в совершении действий (бездействия), нарушающих установленные требования технических регламентов или обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями

к продукции процессам реализации, либо в выпуске в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям.

Субъектом правонарушения является лицо, ответственное за соблюдение установленных правил и норм, а именно изготовитель, исполнитель (лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя), продавец соответствующей продукции.

То обстоятельство, что общество при организации питания использовало масло, не соответствующее требованиям технических регламентов Таможенного союза по микробиологическим показателям, является недостаточным для квалификации его действий по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ.

Несоответствие использованной в процессе организации общественного питания продукции требованиям технических регламентов заключается в микробиологических показателях, то есть фактически допущено на стадии технологического процесса при изготовлении масла, ответственность за соблюдение которого несет изготовитель указанной продукции.

Определение N 304-АД17-7163

41. Неисполнение в установленный срок жилищно-строительным кооперативом предписания органа, осуществляющего контроль (надзор) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, может являться основанием для привлечения к административной ответственности, установленной ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ.

Жилищно-строительный кооператив (далее - кооператив) обратился в арбитражный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным и отменить постановление о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ за невыполнение в установленный срок законного предписания органа, осуществляющего контроль и надзор в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

При рассмотрении дела суд первой инстанции установил, что в ходе проведенной на основании обращения граждан внеплановой проверки кооператива по вопросам соблюдения законодательства о долевом строительстве, в частности привлечения денежных средств членов кооператива для строительства многоквартирного жилого дома, уполномоченный орган истребовал у кооператива ряд документов, необходимых для проведения указанной проверки. В связи с непредставлением кооперативом истребуемых документов уполномоченный орган составил акт проверки и выдал кооперативу предписание о представлении соответствующих документов в указанный в нем срок.

Неисполнение кооперативом в установленный срок названного предписания послужило основанием для составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ, и вынесения постановления о привлечении кооператива к указанной административной ответственности с назначением наказания в виде административного штрафа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных кооперативом требований отказано.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты, удовлетворив заявление кооператива, исходя из следующего.

Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон N 214-ФЗ) регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (далее - участники долевого строительства) и возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты долевого строительства и права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, а также устанавливает гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства. Положениями ч. 2 ст. 1 Закона N 214-ФЗ предусмотрено, что привлечение денежных средств граждан, связанное с возникающим у граждан правом собственности на жилые помещения в многоквартирных домах, которые на момент привлечения таких денежных средств граждан не введены в эксплуатацию в порядке, установленном законодательством о градостроительной деятельности (далее - привлечение денежных средств граждан для строительства), допускается жилищно-строительными и жилищными накопительными кооперативами в соответствии с федеральными законами, регулирующими деятельность таких кооперативов. Ссылаясь на п. 11 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 декабря 2013 г., арбитражный суд округа указал на отсутствие у административного органа полномочий по проверке соблюдения требований Закона N 214-ФЗ и истребования документов, в связи с чем у кооператива не возникло обязанности по исполнению полученного предписания и, соответственно, в действиях кооператива отсутствует состав вмененного административного правонарушения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 123.2 ЖК РФ, введенной в действие с 25 июля 2015 г. Федеральным законом от 13 июля 2015 г. N 236-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», уполномоченному органу, осуществляющему на основании Закона N 214-ФЗ контроль (надзор) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, предоставлены полномочия по осуществлению контроля (надзора) за

деятельностью жилищно-строительных кооперативов по привлечению денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости.

Таким образом, после введения в действие ст. 123.2 ЖК РФ уполномоченный орган обладал соответствующими полномочиями для проверки деятельности кооператива, связанной с привлечением денежных средств граждан для строительства многоквартирного дома, в связи с чем арбитражный суд округа необоснованно применил к рассматриваемым правоотношениям положения п. 11 указанного Обзора.

При этом следует иметь в виду, что в п. 11 указанного Обзора сделан вывод о том, что Закон N 214-ФЗ не регулирует отношения, возникающие в связи с долевым строительством между гражданами и жилищно-строительными либо жилищными накопительными кооперативами. Однако это не означает, что данный закон не регулирует отношения между названными кооперативами и государством в лице контролирующих органов в сфере контроля за законностью привлечения денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов.

Кроме того, в настоящее время распространение предусмотренных Законом N 214-ФЗ прав и полномочий контролирующего органа на жилищно-строительные кооперативы прямо закреплено в ч. 18 ст. 23 Закона N 214-ФЗ, введенной в действие Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В то же время из этого не следует, что до введения в действие указанной правовой нормы контролирующие органы не обладали полномочиями по контролю за законностью привлечения жилищно-строительными кооперативами денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов в порядке, предусмотренном Законом N 214-ФЗ.

Определение N 304-АД17-4552

Процессуальные вопросы

42. При снижении в связи с наличием смягчающих обстоятельств в судебном порядке размера штрафа, назначенного органом, осуществляющим контроль за уплатой страховых взносов, судебные расходы в виде уплаченной при обращении в суд государственной пошлины возмещаются в полном объеме.

Территориальным управлением Пенсионного фонда Российской Федерации (далее - фонд) принято решение, которым общество привлечено к ответственности в виде штрафа за несоблюдение положений Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Суды трех инстанций, признавая частично недействительным решение фонда по заявлению общества

установили обстоятельства, смягчающие ответственность за совершение рассматриваемого правонарушения, в связи с чем пришли к выводу о необходимости уменьшения штрафа, наложенного на общество, и признании в связи с этим недействительным решения фонда. В связи с удовлетворением требований общества суды также взыскали в пользу общества судебные расходы по уплате государственной пошлины.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по кассационной жалобе фонда, не согласного с взысканием государственной пошлины, оставила судебные акты без изменения, указав следующее.

На основании ч. 1 ст. 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. В случае, если иск удовлетворен частично, судебные расходы относятся на лиц, участвующих в деле, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 г. N 20-П разъяснено, что возмещение судебных расходов осуществляется той стороне, в пользу которой вынесено решение суда, и на основании того судебного акта, которым спор разрешен по существу; при этом процессуальное законодательство исходит из того, что критерием присуждения судебных расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного истцом требования; данный вывод, в свою очередь, непосредственно связан с содержащимся в резолютивной части судебного решения выводом о том, подлежит ли иск удовлетворению, поскольку только удовлетворение судом требования подтверждает правомерность принудительной реализации его через суд и влечет восстановление нарушенных прав и свобод, что в силу ст. 19 (ч. 1) и ст. 46 (чч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации и приводит к необходимости возмещения судебных расходов.

Как следует из п. 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2014 г. N 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах», законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах не предусмотрено освобождение надлежащего ответчика от обязанности по возмещению судебных расходов по уплате государственной пошлины в связи с тем, что он не наделен полномочиями самостоятельно (в отсутствие правового акта иного лица, органа власти, в том числе суда) совершить действия, позволяющие истцу реализовать свои права, законные интересы, о защите которых он обратился в суд.

Таким образом, в случае признания обоснованным полностью или частично заявления об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц судебные расходы подлежат возмещению соответственно этим органом в полном размере.

Определение N 302-КГ17-4293

43. Определение о взыскании судебных расходов, понесенных в том числе в рамках участия в корпоративном споре, может быть обжаловано в суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения.

Определением суда первой инстанции от 29 ноября 2016 г. с истца в пользу третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя по спору о признании недействительным решения собрания товарищества собственников жилья.

Истец 29 декабря 2016 г. обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой на указанное определение.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, апелляционная жалоба возвращена истцу на основании ч. 1 ст. 225.9 АПК РФ. Суды пришли к выводу, что срок на обжалование определения о взыскании судебных расходов истек 13 декабря 2016 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело в суд апелляционной инстанции для решения вопроса о принятии апелляционной жалобы к производству по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 225.9 АПК РФ определения арбитражного суда, выносимые при рассмотрении дел по корпоративным спорам, обжалуются по правилам, установленным ст. 188 АПК РФ. Жалобы на такие определения, за исключением определений о прекращении производства по делу и об оставлении заявления без рассмотрения, подаются в арбитражный суд апелляционной инстанции в течение десяти дней со дня их вынесения. Вместе с тем установленный названной специальной нормой порядок исчисления срока обжалования не подлежит применению к определению о судебных расходах, вопрос о распределении которых рассматривается по общим правилам гл. 9 АПК РФ вне зависимости от категории спора.

Абзац четвертый ч. 2 ст. 112 АПК РФ не содержит указания на особый порядок обжалования определения о взыскании судебных расходов, в связи с чем следует руководствоваться общими положениями об обжаловании определений арбитражного суда, установленными ст. 188 АПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 188 АПК РФ жалоба на определение арбитражного суда первой инстанции может быть подана в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения, если иные порядок и срок не установлены данным кодексом.

Определение N 306-ЭС17-690

44. При пересмотре дела по новым обстоятельствам и принятии определения о повороте исполнения вынесенного ранее судебного акта шестимесячный срок, установленный ст. 112 АПК РФ, исчисляется со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение

дела по существу, а не со дня вступления в силу определения о повороте исполнения вынесенного ранее судебного акта.

Решением суда первой инстанции от 3 февраля 2010 г., оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 25 мая 2010 г., удовлетворен иск физического лица к обществу.

Определением суда первой инстанции от 21 октября 2010 г. с общества в пользу физического лица взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя.

Решением суда первой инстанции от 11 апреля 2014 г. удовлетворено заявление общества о пересмотре по новым обстоятельствам вступивших в законную силу решения от 3 февраля 2010 г. и постановления от 25 мая 2010 г.

Решением суда первой инстанции от 29 мая 2014 г. в удовлетворении требований физического лица к обществу отказано. Определением от 7 ноября 2014 г. произведен поворот исполнения решения от 3 февраля 2010 г. и определения от 21 октября 2010 г.

Общество 7 мая 2015 г. обратилось в арбитражный суд с заявлением к физическому лицу о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя, часть из которых состояла в судебных расходах, понесенных обществом при рассмотрении дела по существу, а часть - в связи с рассмотрением заявления о повороте исполнения судебного акта.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части взыскания с физического лица судебных расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела по существу, и в указанной части направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 112 АПК РФ заявление по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде первой, апелляционной, кассационной инстанций, рассмотрением дела в порядке надзора, не разрешенному при рассмотрении дела в соответствующем суде, может быть подано в арбитражный суд, рассматривавший дело в качестве суда первой инстанции, в течение шести месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу.

В п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. N 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее - постановление N 12) разъяснено, что последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, для целей исчисления шестимесячного срока следует считать по общему правилу (ст. 15, 167, 271, 289 АПК РФ) решение суда первой инстанции или постановление суда

апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты.

Таким образом, в рассматриваемом случае последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, следует считать решение суда первой инстанции от 29 мая 2014 г., вступившее в законную силу в соответствии с ч. 1 ст. 180 АПК РФ 30 июня 2014 г. (с учетом выходных дней). Следовательно, шестимесячный срок на подачу заявления о взыскании судебных расходов, понесенных при рассмотрении дела по существу, истек 30 декабря 2014 г. Общество обратилось с заявлением 7 мая 2015 г. (согласно штампу канцелярии суда на заявлении), то есть за пределами установленного срока.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 32 постановления N 12, в случае пропуска шестимесячного срока, предусмотренного ч. 2 ст. 112 АПК РФ, заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд с ходатайством о восстановлении срока на подачу заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде, в соответствии с ч. 3 ст. 117 АПК РФ. Если факт пропуска срока на подачу заявления по вопросу о судебных расходах установлен после его принятия к производству, суд выясняет причины пропуска срока. Признаны причины пропуска срока уважительными, суд продолжает рассмотрение заявления, а в ином случае прекращает производство по заявлению применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Определение N 310-ЭС16-6569

45. Споры, возникающие из договоров, предполагающих расходование бюджетных средств, по общему правилу являются неарбитрабельными, а третейские соглашения о передаче подобных споров в третейские суды - недействительными. Исключение составляют случаи, в которых заключение третейского соглашения обеспечивает более значимый общественный интерес.

Открытым акционерным обществом «Особые экономические зоны» (далее - общество) и открытым акционерным обществом «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы» (далее - компания) заключен договор об осуществлении технологического присоединения энергетических установок общества, находящихся на территории особой экономической зоны. Сторонами согласована третейская оговорка.

Общество обратилось в третейский суд с заявлением к фирме о признании недействительным дополнительного соглашения к указанному договору и применении последствий недействительности ничтожной сделки.

Решением третейского суда в удовлетворении заявленных требований отказано.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением об отмене решения третейского суда.

При новом рассмотрении дела определением суда первой инстанции заявление общества удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Договор между сторонами заключался в процессе деятельности государства по созданию в Российской Федерации особых экономических зон.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. N 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее - Закон N 116-ФЗ) особая экономическая зона - определяемая Правительством Российской Федерации часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности.

В соответствии со ст. 7, 8 Закона N 116-ФЗ управление особыми экономическими зонами возлагается на федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять функции по управлению особыми экономическими зонами, в том числе функции государственного заказчика по подготовке документации по планировке территории в границах особой экономической зоны и созданию инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур этой зоны за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, а также получать технические условия подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения и осуществлять передачу этих условий индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, осуществляющим строительство или реконструкцию.

Органы управления особыми экономическими зонами для выполнения своих функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами вправе привлекать акционерное общество, сто процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, или управляющую компанию в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять функции по нормативно-правовому регулированию в сфере создания и функционирования особых экономических зон.

Порядок привлечения к выполнению функций федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять функции по управлению особыми экономическими зонами, утвержден Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 августа 2006 г. N 217 «О порядке привлечения органами управления особыми экономическими зонами акционерного общества, сто процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, или управляющей компании для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета,

бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами» (далее - приказ N 217).

Согласно абзацу первому п. 2 приказа N 217 акционерным обществом, сто процентов акций которого принадлежат Российской Федерации, является созданное в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2006 г. N 211 «О преобразовании федерального государственного предприятия «Внешнеэкономическое объединение «Внешстройимпорт» в открытое акционерное общество «Особые экономические зоны» ОАО «ОЭЗ».

В соответствии с абзацем вторым п. 2 приказа N 217 для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами в качестве управляющей компании привлекается создаваемое с участием уполномоченного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации дочернее акционерное общество.

Генеральное соглашение, предусматривающее привлечение общества для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особых экономических зон и на прилегающей к ним территориях, и управлению этими и ранее созданными объектами было заключено между Федеральным агентством по управлению особыми экономическими зонами и обществом 6 марта 2008 г.

Согласно п. 4.2 Генерального соглашения на общество возложены функции по заключению договоров на технологическое присоединение к сетям инженерно-технического обеспечения с организациями, осуществляющими эксплуатацию сетей инженерно-технологического обеспечения.

Таким образом, общество является лицом, наделенным обязанностями по осуществлению части функций федерального органа исполнительной власти, то есть выполняет публичные функции, свойственные органу государственной власти.

Реализуя свои функции и заключая договор с компанией, общество стремилось к удовлетворению государственных и муниципальных потребностей в создании объектов недвижимости и инженерной инфраструктуры на территории особых экономических зон, при этом финансирование этих потребностей осуществлялось за счет бюджетных средств.

Указанные признаки, а именно - расходование бюджетных средств в целях удовлетворения публичного интереса (в данном случае по созданию в государстве особых экономических зон) - характеризуют такие отношения как отношения с публичным элементом и влекут повышенный публичный (общественный) контроль за такими отношениями.

Следовательно, контракты, предполагающие удовлетворение публичных интересов за счет бюджетных

средств, если законом не установлено иное, в целях обеспечения иного публично-значимого интереса, должны не только заключаться, но и исполняться с соблюдением принципов открытости и прозрачности, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков и исполнителей, предотвращения и противодействия коррупции, ответственности за результативность и эффективность реализации вложенных бюджетных средств. Поэтому все этапы указанных правоотношений, включая заключение, исполнение, расторжение договоров и применение ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, должны быть полностью прозрачны и доступны для проверочных мероприятий вплоть до их завершения, в том числе посредством разрешения споров системой государственного правосудия.

Принципы третейского разбирательства (конфиденциальность, закрытость процесса, неформальный характер разбирательства, упрощенный порядок сбора и представления доказательств, отсутствие информации о принятых решениях, а также невозможность их проверки и пересмотра по существу) не позволяют обеспечить цели публичного (общественного) контроля за такими отношениями, а значит - интересы публичного порядка.

Определение N 305-ЭС15-20073

46. При рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений в государственный суд представляется арбитражное соглашение либо его надлежащим образом заверенная копия.

Иностранная компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решений арбитража *ad hoc* в составе трех арбитров, состоявшегося в Лондоне (Великобритания), по искам компании к российскому обществу.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу подп. «б» п. 2 ст. V Конвенции Организации Объединенных Наций признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ компетентный суд вправе отказать в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если такое признание и приведение в исполнение противоречит публичному порядку страны суда.

Под публичным порядком в целях применения названных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нор-

мами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц (п. 1 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26 февраля 2013 г., N 156).

Элементом публичного порядка является, в том числе, право каждого на суд и возможность ограничить это право по собственной воле путем обращения к альтернативным способам разрешения споров, в том числе в международный коммерческий арбитраж.

В связи с этим при признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных решений, выдаче исполнительных листов на решения внутренних третейских судов государственный суд проверяет среди прочего, не нарушит ли исполнение решения арбитража (третейского суда) публичный порядок в части одного из фундаментальных прав участников спора - права на суд. С этой целью государственный суд оценивает, имело ли место волеизъявление сторон на отказ от реализации права на суд в государственном суде и было ли такое волеизъявление свободным (отсутствие пороков воли). В целях проверки указанного основания в государственный суд представляется подлинное соглашение о третейском разбирательстве (арбитражное соглашение) или его надлежащим образом заверенная копия (п. 2 ч. 4 ст. 242 АПК РФ).

Кроме того, при принудительном исполнении арбитражного (третейского) решения по инициативе стороны разбирательства государственный суд может отказать в принудительном исполнении арбитражного (третейского) решения, если решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением либо не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного (третейского) соглашения (ч. 3 ст. 244 АПК РФ, подп. 1 п. 1 ст. 36 Закона Российской Федерации от 7 июня 1993 г. N 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»).

В целях проверки указанного основания представление в государственный суд подлинного арбитражного (третейского) соглашения или его надлежащим образом заверенной копии также является обязательным.

Общество указывало, что не заключало арбитражных соглашений с компанией, следовательно, разрешение споров в арбитраже не предусмотрено соглашением сторон. Соответственно, указанное основание отказа в признании и принудительном исполнении иностранного арбитражного (третейского) решения также подлежало проверке.

Таким образом, в целях проверки вышеуказанных оснований отказа в признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных (третейских) решений арбитражный суд Российской Федерации должен был оценить соответствующие арбитражные соглашения, однако не проверил данные основания. Подлинные арбитражные соглашения или их над-

лежащим образом заверенные копии, на основании которых государственный суд мог бы сделать обоснованные выводы по указанным основаниям принудительного исполнения арбитражных (третейских) решений, в материалах дела отсутствуют, на обозрение суду не представлялись.

Определение N 305-ЭС17-993

47. Судебный пристав-исполнитель не вправе в рамках исполнительного производства выносить постановления, касающиеся собственности третьих лиц в смысле ст. 1 Протокола N 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свободах (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) и ст. 35 Конституции Российской Федерации.

В рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем вынесено постановление, в котором в том числе было указано, что общество как кредитор фирмы (должника) может исполнять требования фирмы только путем перечисления денежных средств на счет управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации.

В материалах исполнительного производства сохранились документы, указывающие на то, что платежными поручениями общество в счет исполнения обязательств по контракту осуществило перечисление на счета фирмы денежных средств.

Посчитав, что указанные действия совершены обществом в нарушение требований постановления, судебным приставом-исполнителем вынесено постановление, в котором в частности определено: 1) обратиться взыскание на принадлежащее должнику право требования надлежащего исполнения обязательств по оплате за фактически поставленные товары (дебиторскую задолженность) по контракту в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству; 2) объявить запрет должнику, обществу, на осуществление действий, приводящих к изменению, уменьшению размера имущественного права (дебиторской задолженности), совершение любых действий по передаче соответствующих прав третьим лицам, отчуждению имущественного права, подвергнутого аресту, проведение зачета встречных однородных требований, уменьшение имущественного права, подвергнутого аресту, при исполнении условий контракта, в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству на депозитный счет управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании данного постановления незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требование общества по следующим основаниям.

Согласно ст. 83 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее - Закон об исполнительном производстве) арест дебиторской задолженности состоит в объявлении запрета на совершение должником и дебитором любых действий, приводящих к изменению либо прекращению правоотношений, на основании которых возникла дебиторская задолженность, а также на уступку права требования третьим лицам. О наложении ареста на дебиторскую задолженность судебный пристав-исполнитель выносит постановление и составляет акт, в котором указывает перечень документов, подтверждающих наличие дебиторской задолженности. В случае необходимости производятся изъятие указанных документов и передача их на хранение.

Указанная норма направлена на защиту прав и интересов взыскателя в рамках исполнительного производства.

Однако, реализуя свои полномочия, судебный пристав-исполнитель не должен осуществлять действия, нарушающие основные принципы законодательства Российской Федерации и способные нанести имущественный вред третьим лицам.

Меры, принятые приставом-исполнителем в соответствии с оспариваемым постановлением, направлены на обеспечение имущественной задолженности фирмы (должника) перед компанией. Следовательно, такие требования могут быть обеспечены исключительно за счет имущества должника. К имуществу должника может быть отнесено среди прочего и имущество, которое еще не поступило в фактическое владение должника, но причитается ему на каком-либо правовом основании. В частности, к имуществу должника могут быть отнесены права требования должника в отношении третьих лиц, однако если исполненное по данному требованию не будет составлять неосновательное обогащение должника.

В настоящем случае должник и общество (третье лицо) связаны встречными обязательствами по договору купли-продажи. В соответствии с данным договором право требования у кредитора оплаты поставленной продукции возникает исключительно после встречного предоставления со стороны контрагента.

Согласно п. 1 ст. 408 ГК РФ обязательство прекращается в результате надлежащего исполнения. Пункт 1 ст. 328 ГК РФ устанавливает, что встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств. В соответствии с п. 1 ст. 486 ГК РФ покупатель обязан оплатить товар непосредственно до или после передачи ему продавцом товара, если иное не предусмотрено ГК РФ, другим законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи и не вытекает из существа обязательства.

Таким образом, исполнение фирмой обязанности по поставке товара явилось бы встречным исполнением к исполнению обществом обязательств по оплате товара. Платеж со стороны общества согласно усло-

виям договора носил характер авансового платежа, встречное предоставление от фирмы ко времени вынесения приставом оспариваемого постановления общество не получило.

Следовательно, в данном случае оспариваемое постановление пристава касалось имущества, принадлежащего третьему лицу и не поступившему в собственность должника в смысле ст. 1 Протокола N 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свободах (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) и ст. 35 Конституции Российской Федерации.

При таких обстоятельствах у судебного пристава отсутствовали правовые основания для вынесения оспариваемого постановления. Принятие постановления привело к нарушению права собственности третьих лиц, следовательно, постановление является незаконным.

Определение N 305-КГ17-5770

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

48. Действия лица, совершившего посягательство на жизнь сотрудника дорожно-постовой службы, который находился при исполнении обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, следует квалифицировать по ст. 317 УК РФ.

В соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей З. признан виновным в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности лица по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, З. осужден по ст. 317 УК РФ.

В апелляционной жалобе адвокат в защиту осужденного просил переqualифицировать действия З. на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По мнению автора жалобы, потерпевший - сотрудник дорожно-постовой службы - не находился при исполнении обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а занимался обеспечением безопасности дорожного движения, что исключает квалификацию действий осужденного по ст. 317 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а жалобу без удовлетворения по следующим основаниям.

По смыслу закона система общественной безопасности включает в себя безопасность дорожного движения.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. При этом к числу основных направлений деятельности полиции согласно пп. 6, 7 ст. 2 данного закона относятся обеспе-

чение правопорядка в общественных местах и обеспечение безопасности дорожного движения.

Таким образом, сотрудник дорожно-постовой службы - потерпевший В., находящийся при исполнении обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, тем самым одновременно выполнял обязанности по обеспечению общественной безопасности на указанном направлении деятельности полиции.

Определение N 48-АПУ17-19СП

Процессуальные вопросы

49. В случае если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист, постановленный по уголовному делу на основании вердикта коллегии присяжных заседателей приговор, в том числе оправдательный, подлежит отмене.

По приговору суда, постановленного с участием присяжных заседателей, Г. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По этому же приговору Г. оправдан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163, ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ, на основании пп. 2, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду его непричастности к совершению этих преступлений с признанием за ним в указанной части права на реабилитацию.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил приговор отменить, а уголовное дело передать на новое судебное рассмотрение со стадии предварительного слушания. Автор представления полагал, что коллегия присяжных заседателей, отвечая на различные вопросы, одни и те же обстоятельства признала как доказанными, так и недоказанными; председательствующий же при этом не воспользовался положениями ч. 2 ст. 345 УПК РФ и не предложил присяжным заседателям внести уточнения в вердикт. Государственный обвинитель полагал необходимым квалифицировать действия Г. в отношении Р. и З. по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в отношении Я. - по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор в полном объеме, а уголовное дело направила на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином его составе со стадии судебного разбирательства по следующим основаниям.

При рассмотрении уголовного дела в отношении Г. присяжные заседатели, единодушно признав в ответе на вопрос N 5 доказанным факт производства 15 октября 2013 г. из не установленного следствием пистолета «ТТ» двух выстрелов в Я. и по одному выстрелу в Р. и З., результатом чего явилось причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью Я. и смерти Р. и З., столь же единодушно, отвечая на вопрос N 6, признали недоказанным, что Г. в ходе конфликта на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произвел из заранее подготовленного им пистолета

с близкого расстояния два прицельных выстрела в Я. и по одному прицельному выстрелу в Р. и З.; пользуясь тем, что Я. вследствие полученных ранений не мог передвигаться, направил в его сторону пистолет и дважды нажал на спусковой крючок, однако по не установленным следствием техническим причинам выстрелы произведены не были.

Ознакомившись в соответствии со ст. 345 УПК РФ с вынесенным коллегией присяжных заседателей вердиктом, председательствующий по делу судья признал его неясным и возвратил присяжных заседателей в совещательную комнату, разъяснив им, что «поскольку спор между сторонами по факту производства выстрелов Г. отсутствует, с учетом позиций сторон председательствующим судьей были сформулированы вопросы, вопрос N 6 по позиции обвинения, вопрос N 7 по позиции защиты, в связи с этим присяжным заседателям необходимо дать оценку позициям сторон, установить, какой из этих позиций Вы доверяете. Иначе получается, что Вы установили какие-то иные обстоятельства, которые не исследовались в судебном заседании и не указаны в вопросном листе, что Вы не имеете права устанавливать, Вы отвечаете лишь на поставленные вопросы».

Давая такого рода разъяснения, ограничивающие выбор возможного решения присяжными заседателями определенными рамками, председательствующий полагал, что на один из двух вопросов - N 6 или N 7 - присяжные заседатели непременно должны были дать положительный ответ, тогда как в силу закона при ответе на любой из этих вопросов у них сохранялась возможность ответить как «Да, доказано», так и «Нет, не доказано».

Само по себе то, что факт производства выстрелов из пистолета, в результате которых наступили смерть Р. и З. и причинение телесных повреждений Я., был признан присяжными заседателями доказанным и что между сторонами в ходе судебного заседания отсутствовал спор относительно производства Г. выстрелов, не давало оснований считать отрицательные ответы, данные присяжными заседателями на вопросы N 6 и 7, неясными или противоречивыми и ставить их перед необходимостью на один из этих вопросов дать именно утвердительный ответ.

При этом из содержания приведенных ответов присяжных заседателей на вопросный лист не следовало, что ими были установлены какие-либо иные, помимо исследованных в судебном заседании и отраженных в вопросном листе, фактические обстоятельства.

Что же касается того, насколько, с учетом хода и результатов судебного разбирательства, принятое присяжными заседателями решение о недоказанности совершения подсудимым конкретных действий было обоснованным, то в силу закона в обсуждение этого вопроса ни суд апелляционной инстанции, ни судья, председательствующий в судебном заседании суда первой инстанции, входить не вправе.

При таких обстоятельствах действия председательствующего судьи, не принявшего решение коллегии присяжных заседателей по вопросному листу и возвратившего коллегию в совещательную комнату, нельзя признать законными и обоснованными.

Вместе с тем вердикт коллегии присяжных заседателей, постановленный после ее возвращения председательствующим в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист, не отвечает требованиям закона ввиду его противоречивости.

Указав при ответе на вопрос N 6 вопросного листа на недоказанность таких инкриминируемых Г. обстоятельств, как то, что он «...достал из своей одежды заранее им приготовленный пистолет...», «два прицельных выстрела в Я...», «...направил в сторону Я. пистолет и дважды нажал на спусковой крючок», присяжные заседатели в то же время признали доказанными обстоятельства, указанные во втором абзаце вопроса N 6, а именно то, что «смерть Я. не наступила в связи с невозможностью производства Г. повторных выстрелов из указанного пистолета ввиду не установленных следствием причин, а также в результате своевременного доставления Я. в медицинское лечебное учреждение и оказания ему квалифицированной медицинской помощи».

При таком положении отсутствует определенность в том, к каким именно выводам пришли присяжные заседатели относительно того, производил ли Г. выстрелы в Я., повлекшие его ранение, и пытался ли он произвести в него (в Я.) повторные выстрелы из пистолета, но не сумел этого сделать вследствие неустановленных причин.

Данная неопределенность усугубляется тем, что при ответе на вопрос N 8 вопросного листа присяжные заседатели, исходя из содержания этого вопроса, единодушно признали Г. виновным в действиях, указанных в вопросе N 6, без каких-либо исключений, поскольку редакция вопроса N 8 не предоставляла им подобную возможность.

Несмотря на это, председательствующий не принял необходимых мер к тому, чтобы устранить указанный недостаток вердикта, обратив внимание присяжных заседателей на имеющиеся в нем противоречия и предложив им, вернувшись в совещательную комнату, внести в вопросный лист соответствующие уточнения.

Определение N 4-АПУ17-36СП

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

50. При осуществлении государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании нотариально удостоверенной сделки, совершенной управомоченным лицом в отсутствие запрета распоряжаться соответствующим имуществом, проверка законности нотариально удостоверенного договора государственным регистратором прав не осуществляется.

Между Б. и К. был заключен договор купли-продажи 1/2 доли в праве собственности на встроенное нежилое помещение, принадлежащее Б.

Указанный договор удостоверен нотариусом.

Стороны сделки обратились в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации перехода права собственности, однако эта регистрация названным органом была приостановлена со ссылкой на то обстоятельство, что отчуждение определенной

доли собственником целого (неделимого) объекта не основано на нормах действующего законодательства. Кроме того, предложено представить дополнительные доказательства наличия оснований для осуществления государственной регистрации.

Б. обратился в суд с административным иском заявлением об оспаривании решения уполномоченного органа, ссылаясь на то, что произвел отчуждение доли в праве собственности на принадлежащее ему недвижимое имущество в установленном законом порядке, нежилое помещение сохранилось как единый объект, его раздел не производился, в связи с чем требование у него дополнительных документов не основано на законе.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Суд апелляционной инстанции отменил это решение суда и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления. При этом указал, что представленный договор купли-продажи свидетельствует о неделимости объекта недвижимости, принадлежащего Б., в связи с чем у административного истца отсутствовали правовые основания для отчуждения доли в праве собственности на это имущество.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Основания приобретения права собственности закреплены в ст. 218 ГК РФ и являются общими для любого объекта, в том числе для доли в праве на недвижимое имущество.

В силу п. 2 названной статьи право собственности на имущество, принадлежащее собственнику, может быть приобретено другим лицом по договору купли-продажи.

Судом установлено и подтверждается материалами дела, что договор купли-продажи, заключенный между Б. и К., удостоверен нотариусом.

Вместе с тем на момент принятия оспариваемого решения уполномоченного органа действовали положения абзаца одиннадцатого ст. 17 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», согласно которым органом, осуществляющим государственную регистрацию прав, проводится правовая экспертиза представленных на государственную регистрацию правоустанавливающих документов, в том числе проверка законности сделки (за исключением нотариально удостоверенной сделки).

При таких обстоятельствах уполномоченный орган при рассмотрении заявления Б. и К. о государственной регистрации перехода права собственности был вправе давать правовую оценку договору купли-продажи, удостоверенному нотариусом.

Кроме того, в ч. 2 ст. 59 Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» также закреплено, что при осуществлении государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании нотариально

удостоверенной сделки проверка законности нотариально удостоверенного документа государственным регистратором прав не осуществляется.

При таких обстоятельствах правовых оснований для отказа в удовлетворении административного искового заявления не имелось.

Определение N 36-КГ17-8

51. Размещение в акватории водного объекта, находящегося в федеральной собственности и расположенного на территориях двух и более субъектов Российской Федерации, линейных объектов, в том числе мостов, переходов, равно как и осуществление действий, связанных с их обслуживанием и демонтажем, является использованием водного объекта, которое не может быть осуществлено при отсутствии соответствующего волеизъявления его собственника.

Такое волеизъявление не требуется в случае использования водного объекта для предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий.

В акватории реки Л. расположен объект незавершенного строительства - мостовое сооружение.

Прокурор обратился в суд с административным иском заявлением в интересах неопределенного круга лиц к уполномоченному органу субъекта Российской Федерации в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, территориальному органу Федерального агентства водных ресурсов, органу местного самоуправления с требованиями признать незаконным бездействие, выразившееся в непринятии мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, и возложить обязанность демонтировать бетонные остатки мостового сооружения.

В обоснование требований указано, что нахождение названного объекта в акватории реки не обеспечивает прохождение повышенных расходов (паводков), имеется угроза обрушения конструкций пролетных строений, перекрытия русла реки и затопления жилых домовладений.

Решением суда первой инстанции признано незаконным бездействие указанных прокурором лиц, выразившееся в непринятии мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

На уполномоченный орган субъекта Российской Федерации в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, территориальный орган Федерального агентства водных ресурсов возложена обязанность демонтировать мостовое сооружение.

На орган местного самоуправления возложена обязанность по оказанию правовой, методической и консультативной помощи при исполнении решения суда.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение, которым признал незаконным бездействие органа местного самоуправления и возложил на него обязанность демонтировать названное сооружение.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и направила административное дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Река Л., расположенная на территориях двух субъектов Российской Федерации, является водным объектом, находящимся в федеральной собственности.

В силу п. 16 ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации (далее - ВоднК РФ) негативное воздействие вод - затопление, подтопление, разрушение берегов водных объектов, заболачивание и другое негативное воздействие на определенные территории и объекты.

Частью 5 ст. 67.1 ВоднК РФ установлено, что собственник водного объекта обязан осуществлять меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий. Меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий в отношении водных объектов, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, осуществляются исполнительными органами государственной власти или органами местного самоуправления в пределах их полномочий в соответствии со ст. 24 - 27 названного кодекса.

Согласно пп. 1 и 17 ст. 24 ВоднК РФ к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в области водных отношений относятся владение, пользование, распоряжение водными объектами, находящимися в федеральной собственности, а также осуществление мер по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий в отношении водных объектов, находящихся в федеральной собственности и расположенных на территориях двух и более субъектов Российской Федерации.

Органы местного самоуправления осуществляют полномочия по владению, пользованию, распоряжению, а также осуществляют меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий в отношении водных объектов, находящихся в собственности муниципальных образований (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 ВоднК РФ).

Обязанность своевременно осуществлять мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на водных объектах при их использовании возложена на собственников таких объектов, водопользователей (п. 4 ч. 2 ст. 39 ВоднК РФ).

Использование водных объектов (водопользование) - использование различными способами водных объектов для удовлетворения потребностей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических лиц, юридических лиц (п. 14 ст. 1 названного кодекса).

Пункт 2 ч. 1 ст. 11 ВоднК РФ предусматривает, что использование акватории водных объектов, находящихся в федеральной собственности, осуществляется на основании договора водопользования, если иное не предусмотрено чч. 2 и 3 названной статьи.

При этом для осуществления строительства гидротехнических сооружений, мостов, а также подводных и подземных переходов, трубопроводов, подводных линий связи, других линейных объектов, если такое строительство связано с изменением дна и берегов водных объектов, находящихся в федеральной собственности, требуется решение о предоставлении водных объектов в пользование (п. 5 ч. 2 ст. 11 ВоднК РФ).

Предоставление водных объектов, находящихся в федеральной собственности, или частей таких водных объектов в пользование на основании решения о предоставлении водных объектов в пользование осуществляется исполнительными органами государственной власти в пределах их полномочий (ч. 4 ст. 11 названного кодекса).

В силу п. 4 ч. 3 ст. 11 ВоднК РФ принятие решения о предоставлении водного объекта в пользование не требуется в случае, если водный объект используется для предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий.

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что орган местного самоуправления вправе осуществлять полномочия по владению, пользованию и распоряжению, а также принимать меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий только в отношении водных объектов, находящихся в собственности муниципальных образований.

Кроме того, размещение в акватории водного объекта, находящегося в федеральной собственности и расположенного на территориях двух и более субъектов Российской Федерации, линейных объектов, в том числе мостов, переходов, равно как и осуществление действий, связанных с их обслуживанием и демонтажем, является использованием водного объекта, которое не может быть осуществлено при отсутствии соответствующего волеизъявления его собственника.

Такое волеизъявление не требуется в случае использования водного объекта для предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий.

Вместе с тем при отсутствии чрезвычайной ситуации демонтаж мостового сооружения, связанный с изменением дна и берегов водного объекта, требует наличия воли собственника этого объекта на проведение указанных работ.

Изложенное судом апелляционной инстанции учтено не было.

Определение N 18-КГ16-190

52. Не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) суммы выплат на приобретение жилого помещения, предоставленные за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Г. обратился в суд с административным иском заявлением об оспаривании решения налогового органа, ссылаясь на то, что в период работы в Пенсионном фонде Российской Федерации ему была предоставлена единовременная субсидия на приобретение жилого помещения. За счет этих и собственных денежных средств он приобрел квартиру, после чего подал в налоговый орган декларацию по налогу на доходы физических лиц, в которой заявил право на имущественный налоговый вычет в связи с приобретением указанного жилого помещения.

Должностным лицом налогового органа ему было разъяснено, что сумма предоставленной субсидии не подлежит налогообложению, поскольку не является доходом физического лица, в связи с чем отсутствует

право на получение имущественного налогового вычета.

Впоследствии налоговым органом в адрес Г. направлено уведомление о необходимости уплаты налога на доходы физических лиц, поскольку сумма полученной субсидии отражена в качестве дохода в справке формы 2-НДФЛ.

В связи с этим Г. в налоговый орган подана уточненная декларация, в которой был заявлен имущественный налоговый вычет в сумме фактически произведенных расходов на приобретение квартиры.

Однако налоговым органом принято решение, которым Г. привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения, начислены пени, на него также возложена обязанность по уплате недоимки по налогу на доходы физических лиц, штрафа.

Не согласившись с таким решением, Г. оспорил его в суде.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части, принял новое решение о признании незаконным решения налогового органа о привлечении Г. к ответственности за совершение налогового правонарушения и начислении пеней. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, а также судебный акт суда апелляционной инстанции в той части, в какой названное решение суда оставлено без изменения, и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В силу положений ст. 209 НК РФ объектом налогообложения по налогу на доходы физических лиц признается доход, полученный налогоплательщиком.

Согласно ст. 13 БК РФ бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации предназначены для исполнения расходных обязательств Российской Федерации.

В силу ст. 16 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» средства бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации являются федеральной собственностью, не входят в состав других бюджетов и изъяты не подлежат.

Согласно ст. 10 БК РФ к бюджетам бюджетной системы Российской Федерации относятся в том числе федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов.

Федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации разрабатываются и утверждаются в форме федеральных законов (ст. 11 названного кодекса).

Федеральным законом от 2 декабря 2013 г. № 320-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» Фонду предоставлено право в 2014 году и в

плановый период 2015 и 2016 годов осуществлять направление средств на предоставление в порядке и на условиях, устанавливаемых фондом, работникам фонда и его территориальных органов единовременной субсидии на приобретение жилого помещения в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных приложениями 4 и 5 к данному федеральному закону (ч. 4 ст. 6).

Согласно п. 36 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) суммы выплат на приобретение жилого помещения, предоставленные за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Согласно п. 5 ст. 220 НК РФ имущественные налоговые вычеты, предусмотренные подп. 3 и 4 п. 1 данной статьи, не предоставляются в части расходов налогоплательщика на приобретение на территории Российской Федерации квартиры, покрываемых за счет средств работодателей или иных лиц, а также за счет выплат, предоставленных из средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Вместе с тем суд при рассмотрении административного дела не принял во внимание приведенные выше положения закона и не исследовал вопрос о том, являются ли предоставленные административному истцу денежные средства средствами федерального бюджета или иными средствами бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

При таких обстоятельствах принятые по данному административному делу судебные акты нельзя признать законными и обоснованными.

Определение № 8-КГ17-7

Применение положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации

53. Судебные расходы по делу, возникшему из административных и иных публичных правоотношений, но рассмотренному судом до вступления в силу КАС РФ, подлежат взысканию в соответствии с нормами названного кодекса.

Вступившим в законную силу решением суда, принятым до вступления в силу КАС РФ и вынесенным в соответствии с нормами ГПК РФ, удовлетворены требования Е. об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя.

Е. обратился в суд с заявлением о взыскании с УФССП России по Московской области судебных расходов, связанных с рассмотрением этого дела.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии указанного заявления было отказано на основании ст. 134 ГПК РФ, поскольку взыскание названных расходов возможно в порядке искового производства в соответствии с положениями ГПК РФ.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты, указав, что спор, разрешенный судом в рамках указанного дела, возник из административных и иных публичных правоотноше-

ний, в связи с чем после вступления в силу КАС РФ вопросы, связанные в том числе со взысканием судебных расходов по этому делу, подлежат рассмотрению по правилам названного кодекса.

При таких обстоятельствах правовых оснований для отказа в принятии заявления Е. о взыскании судебных расходов не имелось.

Определение N 4-КГ17-54

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

54. Закон не содержит указаний на необходимость продления срока нахождения военнослужащих, уволенных с военной службы и находящихся в основном отпуске, в списках личного состава воинской части на период их амбулаторного лечения.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 22 июня 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 27 сентября 2016 г., удовлетворено заявление К., в котором он просил признать незаконным отказ командира воинской части 2106 продлить нахождение его в основном отпуске за 2016 г. на время нахождения на амбулаторном лечении.

Рассмотрев материалы административного дела о кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что приказом ФСБ России от 17 июля 2014 г. К. уволен с военной службы в связи с несоответствием требованиям, неисполнением обязанностей, нарушением запретов, несоблюдением ограничений, установленных законодательством Российской Федерации и связанных с прохождением военной службы в органах федеральной службы безопасности.

Приказом командира воинской части от 20 января 2016 г. административному истцу предоставлен основной отпуск за 2016 г. с 3 по 21 февраля 2016 г. с последующим исключением из списков личного состава воинской части с 21 февраля 2016 г.

В период нахождения в отпуске К. обратился на имя командира воинской части с рапортом о переносе отпуска в связи с заболеванием, представив соответствующие справки об освобождении от работы (исполнения служебных обязанностей), однако получил отказ.

Удовлетворяя заявление, гарнизонный военный суд исходил из того, что нахождение административного истца в период отпуска на амбулаторном лечении свидетельствует о неиспользовании им отпуска, что в соответствии с предписаниями п. 18 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. N 1237 (далее - Положение о порядке прохождения военной службы), является основанием для продления времени нахождения К. на военной службе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами гарнизонного военного суда.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что нахождение К. на амбулаторном лечении имело место в период отпуска за 2016 г., предоставленного в год увольнения с военной службы с последующим исключением из списков личного состава воинской части.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части; военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, за исключением случаев, когда: военнослужащий находится на стационарном лечении; военнослужащий женского пола находится в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком; военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, по его желанию остается в воинской части до дня отправки транспортного средства, осуществляющего индивидуальную или организованную перевозку военнослужащих, увольняемых в запас; военнослужащий участвует в походах кораблей; военнослужащий находится в плену, в положении заложника или интернированного; военнослужащий безвестно отсутствует - до признания его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; в отношении военнослужащего, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, избраны меры пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части; а также в иных случаях, установленных Положением о порядке прохождения военной службы.

Содержание названной законодательной нормы указывает на то, что она регламентирует вопросы, связанные с порядком определения срока военной службы и времени его истечения, и допускает оставление военнослужащего в списках личного состава воинской части после истечения срока его военной службы лишь в случаях, прямо установленных в Федеральном законе и в Положении о порядке прохождения военной службы.

К числу таких случаев отнесено нахождение военнослужащего на стационарном лечении, что направлено на защиту интересов лиц, проходящих военную службу и находящихся на стационарном лечении, предоставляя им гарантии сохранения статуса военнослужащего в указанный период.

Указания на необходимость продления срока нахождения военнослужащих в списках личного состава воинской части на период их амбулаторного лечения Федеральный закон не содержит.

Вопреки выводу суда Положение о порядке прохождения военной службы также не содержит такого указания.

Согласно п. 4 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы (уволен-

ный досрочно - не позднее окончания срока военной службы), кроме случаев, установленных Федеральным законом и Положением о порядке прохождения военной службы.

К числу таких случаев, установленных Положением о порядке прохождения военной службы, в частности, отнесена невозможность предоставления основного и дополнительных отпусков до дня истечения срока военной службы, в связи с чем в п. 16 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы установлено, что такие отпуска могут быть предоставлены военнослужащему при его увольнении последовательно, без разрыва между отпусками, а исключение военнослужащего из списков личного состава воинской части производится по окончании последнего из отпусков и после сдачи военнослужащим дел и должности.

Что касается п. 18 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, в соответствии с которым военнослужащим, заболевшим во время основного или дополнительного отпуска, кроме отпуска по личным обстоятельствам, основной или дополнительный отпуск продлевается на соответствующее количество дней болезни, то он, устанавливая правила продления отпусков указанным военнослужащим, обеспечивает им возможность полноценной реализации права на отдых и гарантирует достижение целей предоставления основного и дополнительного отпуска, обусловленных необходимостью последующего надлежащего исполнения обязанностей военной службы.

Таким образом, указанная норма вопросы, связанные с порядком определения срока военной службы и времени его истечения, в том числе вопросы, связанные с порядком исключения военнослужащих из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы, не регламентирует.

Из изложенного следует, что командир воинской части правомерно отказал К. в переносе отпуска в связи с нахождением последнего на амбулаторном лечении, а выводы судов об обратном основаны на неправильном толковании закона.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований К.

Определение N 204-КГ17-8

55. После предоставления военнослужащему в связи с увольнением с военной службы за счет Министерства обороны Российской Федерации квартиры в собственность он подлежит снятию с жилищного учета.

Решением Новосибирского гарнизонного военного суда от 25 апреля 2016 г. Т. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным решение начальника 2 отдела (г. Новосибирск) федерального государственного казенного учреждения «Центральное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее - 2 отдел ФГКУ «Центррегионжилье») от 4 февраля 2016 г. об отказе во включении его в список на предоставление служебных жилых помещений, отказ начальника Новосибирского высшего военного

командного училища (далее - военное училище) в выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения и просил обязать начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» включить его в список на предоставление служебных жилых помещений.

Апелляционным определением Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 августа 2016 г. решение отменено и по делу принято новое решение о частичном удовлетворении заявления.

Судом апелляционной инстанции признаны правомерными отказ 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» включить истца в список на предоставление служебных жилых помещений и отказ начальника военного училища в выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения. Требование Т. о включении его в списки на получение служебного жилого помещения оставлено без удовлетворения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье», Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Т., заключивший первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., с октября 2008 года проходил военную службу в должности преподавателя в Новосибирском высшем военном командном училище. Решением жилищной комиссии военного училища от 17 ноября 2008 г. истец признан нуждающимся в служебном жилом помещении, а решением этой же комиссии от 4 сентября 2010 г. он переведен из категории нуждающихся в служебном жилом помещении в категорию «бесквартирные».

На основании рапорта от 4 августа 2008 г. и в связи с невозможностью обеспечения жилым помещением по месту военной службы Т. с 1 августа 2011 г. выплачивалась денежная компенсация за наем жилого помещения.

В связи с сокращением занимаемой должности истец 8 августа 2011 г. обратился по команде с рапортом об увольнении в связи с организационно-штатными мероприятиями и просил зачислить его в распоряжение начальника военного училища до обеспечения жилым помещением в избранном месте жительства в г. Санкт-Петербурге. Впоследствии он изменил избранное им место жительства после увольнения с военной службы на г. Москву.

Приказом начальника военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» от 27 сентября 2011 г. Т. зачислен в распоряжение начальника филиала названного центра в связи с проведением организационно-штатных мероприятий.

Решением начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» от 27 сентября 2015 г. Т. предоставлена в собственность по установленным нормам квартира в г. Москве, которую он принял по акту приема-передачи жилого помещения 30 ноября 2015 г.

В связи с получением жилого помещения по избранному месту жительства этим же решением на-

чальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» истец был снят с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания, после чего с 1 декабря 2015 г. ему прекращена выплата денежной компенсации за наем жилого помещения.

21 января 2016 г. Т. обратился в ФГКУ «Центррегионжилье» с заявлением, в котором просил признать его нуждающимся в служебном жилом помещении, в чем ему было отказано решением начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» от 4 февраля ввиду обеспеченности жилым помещением для постоянного проживания по избранному месту жительства, нахождения в распоряжении и истечения срока контракта.

Приказом Главкомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил Российской Федерации от 2 марта 2016 г. Т. досрочно уволен с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями и приказом начальника военного училища от 18 марта 2016 г. исключен из списков училища.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции исходил из того, что государство выполнило свою обязанность по жилищному обеспечению истца в избранной им форме, а повторное обеспечение его жильем для постоянного проживания с предварительным обеспечением служебным жилым помещением законом не предусмотрено. Поскольку истец не был включен начальником 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» в списки на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда, то отсутствовали основания и для выплаты ему денежной компенсации за наем жилого помещения.

Отменяя решение и принимая новое о частичном удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что отказ уполномоченного жилищного органа поставить Т. на учет нуждающихся в служебном жилом помещении в связи с наличием у него жилья в другом населенном пункте противоречит закону, как и отказ начальника военного училища в выплате истцу денежной компенсации за наем жилого помещения, основанный на неправомерном отказе уполномоченного жилищного органа.

Однако такие выводы суда апелляционной инстанции не соответствуют материалам дела и основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что Т., заключивший контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и проходивший военную службу в военном училище, дислоцированном в г. Новосибирске, ввиду увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и избрания местом жительства г. Москву был обеспечен в указанном населенном пункте жилым помещением в собственность.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися

в жилых помещениях, федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляется субсидия для приобретения или строительства жилого помещения либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижениями ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более - по избранному месту жительства.

В соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жилым помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов; право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз; документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти или федеральному государственному органу, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Содержание названных норм закона указывает на то, что реализация права на жилище военнослужащих, заключивших контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., осуществляется путем предоставления за счет федерального органа власти, в котором предусмотрена военная служба, жилых помещений в период военной службы с оставлением им этого жилья при увольнении с военной службы или с условием его сдачи для последующего обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Таким образом, предоставляя военнослужащим указанной категории, к которой относится Т., гарантии обеспечения жилым помещением для постоянного проживания (в собственность бесплатно или по договору социального найма), Федеральный закон «О статусе военнослужащих» возлагает на федеральный орган власти, в котором предусмотрена военная служба, обязанность по предоставлению им такого жилья только один раз за все время военной службы.

Исключений из данного правила для военнослужащих, обеспечиваемых жильем для постоянного

проживания в период прохождения военной службы, закон не предусматривает.

При таких данных законных оснований для нахождения истца на жилищном учете после предоставления ему за счет Министерства обороны Российской Федерации квартиры в собственность не имелось.

Поскольку Т. подлежал увольнению с военной службы и в силу закона был обязан представить документы о сдаче жилых помещений (в случае обеспечения ими по месту военной службы) при получении жилого помещения по избранному месту жительства, каких-либо оснований для признания его нуждающимся в служебном жилом помещении и продолжения выплаты денежной компенсации за наем жилого помещения также не имелось.

К тому же ненахождение административного истца на учете в качестве нуждающегося в служебном жилом помещении само по себе препятствует выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения, поскольку в соответствии с абзацем вторым п. 2 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим - гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. N 909, денежная компенсация выплачивается со дня заключения договора найма (поднайма) жилого помещения, но не ранее дня включения федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, военнослужащих в списки на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда.

Таким образом, вывод гарнизонного военного суда о правомерности действий начальника 2 отдела ФКУ «Центррегионжилье» и начальника военного училища, связанных с отказом в признании Т. нуждающимся в служебном жилом помещении и в выплате денежной компенсации за наем жилого помещения, основан на законе, а утверждение окружного военного суда об обратном является ошибочным.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 августа 2016 г. по административному исковому заявлению Т. в части удовлетворенных требований и оставила в указанной части в силе решение Новосибирского гарнизонного военного суда от 25 апреля 2016 г. по данному делу.

Определение N 206-КГ17-5

По уголовным делам

56. Сроки давности при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину.

По приговору Московского окружного военного суда от 27 июня 2017 г. О., родившийся 9 ноября 1995 г., осужден в том числе за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ),

к лишению свободы на срок 2 года за каждое и в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет в исправительной колонии общего режима.

Проверив материалы уголовного дела по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла приговор в части осуждения О. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ), за размещение 23 октября 2013 г., т.е. в несовершеннолетнем возрасте, видеоматериала, обосновывающего и оправдывающего необходимость осуществления террористической деятельности, подлежащим отмене в связи с неправильным применением уголовного закона.

Согласно ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ), отнесено законом к преступлению средней тяжести.

В соответствии со ст. 78 и 94 УК РФ лицо, не достигшее совершеннолетия, освобождается от уголовной ответственности за преступление средней тяжести, если со дня его совершения до вступления приговора в законную силу истекло три года.

Поскольку срок давности по указанному преступлению, совершенному 23 октября 2013 г., истек до назначения дела к слушанию судом первой инстанции, суд был обязан применить положения ст. 78 и 94 УК РФ, однако не сделал этого.

В соответствии со статьями 389.15, 389.18 УПК РФ нарушение требований Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации признается неправильным применением уголовного закона и является основанием отмены судебного решения в апелляционном порядке.

В связи с изложенным и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в отношении О. в указанной части отменила, производство по делу в этой части прекратила в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание назначила О. в виде лишения свободы на срок 4 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Апелляционное определение N 201-АПУ17-32

57. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

По приговору Приволжского окружного военного суда от 24 марта 2017 г. К., судимый 24 декабря 2013 г. Приволжским районным судом г. Казани по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год, осужден по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. N 302-ФЗ) к лишению свободы на срок 2 года

6 месяцев. В соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров суд к наказанию, назначенному по последнему приговору, частично присоединил неотбытое К. наказание, назначенное по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г., и окончательно назначил ему 3 года лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело, в том числе по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в отношении К. изменила в связи с неправильным применением судом норм материального права при назначении наказания по совокупности приговоров.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Согласно положениям уголовно-процессуально-го законодательства суды обязаны строго выполнять требования ст. 307 и 308 УПК РФ о необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера. Во всех случаях резолютивная часть обвинительного приговора должна быть изложена таким образом, чтобы не возникало сомнений и неясностей при его исполнении.

Как следует из материалов дела, К. осужден по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

В описательно-мотивировочной части приговора суд, мотивируя свое решение о назначении наказания по данному приговору, указал на то, что К. совершил новое преступление в период испытательного срока, в связи с чем суд полагал необходимым отменить условное осуждение, назначенное ему по предыдущему приговору суда.

Однако в резолютивной части приговора какого-либо решения об отмене условного осуждения К. по приговору от 24 декабря 2013 г. судом не принято, а сразу применены положения ст. 70 УК РФ, что недопустимо.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих определила: исключить из приговора указание на назначение К. окончательного наказания по совокупности приговоров по правилам ст. 70 УК РФ с частичным присоединением неотбытого наказания по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г. Считать К. осужденным по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. N 302-ФЗ) к лишению свободы на срок 2 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Апелляционное определение N 203-АПУ17-16

58. При назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное нака-

зание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

По приговору Московского окружного военного суда от 19 апреля 2017 г. Н. осужден по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ) к штрафу в размере 200 000 руб.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, приговор изменила, в соответствии с ч. 5 ст. 72 УК РФ учла срок содержания Н. под стражей в течение 6 месяцев до судебного разбирательства и смягчила наказание в виде штрафа до 100 000 руб.

Принимая такое решение, Судебная коллегия исходила из того, что судом при назначении Н. наказания в виде штрафа оставлены без внимания положения ч. 5 ст. 72 УК РФ, согласно которой при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

Апелляционное определение N 201-АПУ17-25

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

59. Неумышленные судебные ошибкиординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

Дисциплинарная коллегия удовлетворила жалобу Иванова на решение квалификационной коллегии судей Самарской области от 24 марта 2017 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области за совершение дисциплинарного проступка.

В решении Коллегия указала следующее.

По мнению председателя областного суда, обратившейся в квалификационную коллегию судей с представлением о привлечении судьи Иванова к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка и о наложении на него дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, дисциплинарный проступок выразился в ненадлежащем и недобросовестном отношении судьи Иванова к исполнению профессиональных обязанностей. Из представления следует, что судья рассматривал дела с нарушением процессуальных сроков, с низким качеством, что повлекло отмену и изменение решений и подрывает авторитет судебной власти и доверие общества к судебной системе, причиняет ущерб престижу профессии судьи.

Председатель областного суда сослалась на гражданское дело по иску К. к мэрии г.о. Тольятти, по которому 31 августа 2016 г. судья Иванов вынес решение об удовлетворении иска и о признании за К. права собственности на реконструируемый объект завершенного строительства - комплекс по хранению нефтепродуктов, расположенный в г. Тольятти, состоящий из ряда объектов недвижимости.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 24 ноября 2016 г. указанное решение было отменено и по делу постановлено новое решение, в соответствии с которым К. отказано в удовлетворении исковых требований, а по делу вынесено частное определение, в котором указано на грубые нарушения закона, допущенные судьей Ивановым.

Дисциплинарная коллегия в решении отметила, что при наложении дисциплинарного взыскания следует учитывать характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, личность судьи, совершившего дисциплинарный проступок, и степень нарушения действиями (бездействием) судьи прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Наложение дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи предусматривается в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и (или) кодекса судейской этики.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи должно быть не любое отступление от требований закона и этических норм, а лишь такое, которое по своему характеру с очевидностью несовместимо с высоким званием судьи, явно противоречит социальному предназначению судебной власти, носителем которой является судья. Поэтому, в частности, судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за судебную ошибку, если только неправосудность судебного акта не явилась результатом такого поведения судьи, которое по своему характеру несовместимо с занимаемой им должностью. Судья в процессе судопроизводства, оценив доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, осуществляет выбор подлежащих применению в конкретном деле норм, дает собственное их толкование в системе действующего правового регулирования и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения. Применение к судье такого дисциплинарного взыскания, как досрочное прекращение полномочий судьи, должно осуществляться на основе принципа соразмерности, то есть баланса независимости судьи и его неприкосновенности, с одной стороны, и ответственности судебной власти перед обществом - с другой. Иное не соответствовало бы принципам независимости, несменяемости и неприкосновенности судей и означало бы, что судью можно привлечь к ответственности за любую ошибку, а следовательно, фактически делало бы невозможным самостоятельное, непредвзятое принятие им решений при осуществлении правосудия.

Устанавливая в качестве общего правила запрет на привлечение судьи к дисциплинарной ответ-

ственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и вынесенные судебные акты, федеральный законодатель исходил из того, что при осуществлении судебной деятельности возможны ошибки, не дискредитирующие априори лиц, их допустивших, которые возникают в ходе разрешения конкретного дела при толковании и применении норм материального или процессуального права и подлежат исправлению вышестоящими судебными инстанциями. Такие неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

Исходя из конституционно-правового статуса судьи и природы осуществляемой им деятельности по отправлению правосудия пп. 1 и 2 ст. 3 и п. 1 ст. 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в их системной взаимосвязи не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за судебную ошибку, если судья действовал в рамках судейского усмотрения и не допустил грубого нарушения при применении норм материального или процессуального права.

Изложенные выше положения не в полной мере были учтены квалификационной коллегией судей при принятии оспариваемого Ивановым решения.

Так, в апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда указано, что судом первой инстанции при рассмотрении гражданского дела по иску К. к мэрии города Тольятти о признании за К. права собственности на реконструируемый объект завершенного строительства неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, неправильно применены нормы материального права, не доказаны установленные судом первой инстанции обстоятельства, имеющие значение для дела, что повлекло вынесение незаконного и необоснованного решения.

Тем самым суд апелляционной инстанции признал, что судья Иванов допустил судебную ошибку, которая квалификационной коллегией судей без достаточных оснований была расценена как дисциплинарный проступок, влекущий применение наиболее строгого вида дисциплинарного взыскания.

Дисциплинарная коллегия также отметила, что в связи с тем, что судебная ошибка была своевременно исправлена вышестоящей судебной инстанцией, негативных последствий не наступило.

Неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

В решении квалификационная коллегия судей не мотивировала, почему рассматриваемый по представлению председателя областного суда случай является исключительным. В решении также отсутствует надлежащее обоснование наличия существенного, виновного, несовместимого с высоким званием судьи нарушения закона, допущенного судьей Ивановым при

осуществлении им правосудия, не приведено сведений об умышленном характере действий судьи.

С учетом изложенных обстоятельств Дисциплинарная коллегия признала решение квалификационной коллегии судей необоснованным и несправедливым.

Решение по делу N ДК17-30

60. Недобросовестное отношение судьи к исполнению профессиональных обязанностей, грубое нарушение уголовного и уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дела привели к искажению фундаментальных принципов судопроизводства, нарушению прав и законных интересов граждан, умалению авторитета судебной власти.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области от 16 декабря 2016 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи заместителя председателя Центрального районного суда г. Волгограда за совершение дисциплинарного проступка.

В судебном заседании установлено, что Глухов, специализирующийся на рассмотрении уголовных дел и иных материалов, вытекающих из уголовного судопроизводства, достоверно знал, что Корчак осужден за тяжкие преступления. На момент обращения в суд адвоката П. с ходатайством об условно-досрочном освобождении Корчак не отбыл половину назначенного ему срока наказания в виде лишения свободы. Вопреки действующему законодательству судья принял заявление адвоката к своему производству и 18 февраля 2016 г. в нарушение п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ принял решение об условно-досрочном освобождении осужденного из мест лишения свободы.

Принимая к рассмотрению ходатайство адвоката П. об условно-досрочном освобождении Корчака, Глухов достоверно знал о том, что дело неподсудно Центральному районному суду, поскольку ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области местом отбытия наказания Корчака не являлось.

Осужденный Корчак был этапирован в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области в порядке ст. 77.1 УИК РФ на основании постановления судьи Глухова, вынесенного им в рамках находившегося в его производстве уголовного дела в отношении К.

При этом этапирование Корчака в судебное заседание по уголовному делу в отношении К. необходимо не вызывалось, поскольку он в ходе предварительного следствия в качестве свидетеля по данному уголовному делу никогда не допрашивался, в списке лиц, подлежащих вызову в суд, не указан, в суде по делу К. Корчак не допрашивался, что свидетельствует о том, что его доставка в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области обусловлена желанием Глухова создать видимость законности рассмотрения дела об условно-досрочном освобождении Корчака именно в Центральном районном суде г. Волгограда.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 11 мая 2016 г. постановление в отношении Корчака

отменено, в адрес судьи вынесено частное постановление, в котором обращено внимание как на грубое нарушение положений ст. 79 УК РФ, так и на нарушение основополагающих принципов уголовного судопроизводства - принятие и рассмотрение дела, неподсудного Центральному районному суду г. Волгограда.

Таким образом, установлено, что судья, заместитель председателя Центрального районного суда г. Волгограда Глухов совершил умышленные действия, связанные с грубым нарушением действующего законодательства, повлекшие принятие незаконного решения об условно-досрочном освобождении Корчака, осужденного за тяжкие преступления, его этапирование в учреждение, расположенное на территории, на которую распространяется юрисдикция Центрального районного суда г. Волгограда, с целью создания видимости законности рассмотрения дела в отношении Корчака указанным судом, нарушение правил подсудности при рассмотрении данного дела.

Дисциплинарный проступок Глухова выразился в недобросовестном отношении к исполнению профессиональных обязанностей, грубом нарушении уголовного и уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении Корчака, приведшего к искажению фундаментальных принципов судопроизводства, нарушению прав и законных интересов граждан, умалению авторитета судебной власти, поэтому на основании ст. 12.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» к нему правомерно применено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

Решение по делу N ДК17-8

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Вправе ли приобретатель установленного в деле о банкротстве требования к лицу, осуществляющему функции органа управления номинально (номинальному директору), о возмещении им убытков в порядке субсидиарной ответственности предъявить названное требование к выявленному впоследствии лицу, фактически контролирующему должника (фактическому директору)?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

По смыслу названной нормы и п. 1 ст. 308 ГК РФ, если цедент обладает требованием к нескольким солидарным должникам, уступая требование к одному из них, он также уступает требование к другим известным ему солидарным должникам, если иное не предусмотрено договором, на основании которого производится уступка.

В силу ч. 1 ст. 1080 ГК РФ, п. 8 ст. 61.11 и абзаца второго п. 1 ст. 61.12 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» номинальный и фактический директора несут субсидиарную ответственность, установленную данными нормами, а также указанную в ст. 61.20 названного закона, солидарно.

Следовательно, уступка требования о возмещении убытков в порядке субсидиарной ответственности по долгам должника при банкротстве к номинальному директору означает одновременную уступку требования о возмещении убытков в порядке субсидиарной ответственности по долгам должника при банкротстве к фактическому директору, если договором, на основании которого производится уступка, не предусмотрено иное.

Вместе с тем положения п. 1 ст. 384 ГК РФ не могут быть применены в ситуации, когда на момент заключения договора, на основании которого производится уступка требования к номинальному директору, цедент не знал о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности другого лица, отвечающего солидарно с номинальным директором, либо о его личности. В этом случае в силу ст. 431 ГК РФ, если иное прямо не указано в договоре, на основании которого производится уступка, следует исходить из того, что цедент и цессионарий предполагали передачу требования только к номинальному, но не к фактическому директору.

Таким образом, приобретатель требования о возмещении убытков в порядке субсидиарной ответственности по долгам должника при банкротстве к номинальному директору не вправе предъявить названное требование к фактическому директору, если основания для привлечения последнего стали известны цеденту после заключения договора, на основании которого производилась уступка. Требование к фактическому директору в этом случае принадлежит цеденту.

При этом, если цедент реализует свое требование о возмещении убытков в полном объеме к фактическому директору, в силу положений ст. 325 ГК РФ требование цессионария к номинальному директору также прекратится надлежащим исполнением. В такой ситуации в соответствии с положениями ст. 390 и 460 ГК РФ цессионарий вправе взыскать с цедента убытки в размере того, что цессионарий мог бы получить в рамках исполнительного производства от номинального директора.

ВОПРОС 2. Вправе ли лицо, заключившее договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны при проведении приватизации, или его правопреемник отказаться в одностороннем порядке от исполнения данного договора на основании ст. 699 ГК РФ?

ОТВЕТ. Согласно п. 2 Положения о порядке использования объектов и имущества гражданской обороны приватизированными предприятиями, учреждениями и организациями, утвержденного постановлением Правительства РФ от 23 апреля 1994 г.

N 359 (далее - Положение), объекты и имущество гражданской обороны, приватизация которых запрещена в соответствии с п. 2.1.37 Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации, исключаются из состава имущества приватизируемого предприятия и передаются в установленном порядке его правопреемнику на ответственное хранение и в пользование.

По правилам ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. N 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее - Закон о приватизации) при отчуждении государственного или муниципального имущества в порядке приватизации соответствующее имущество может быть обременено ограничениями, предусмотренными данным законом или иными федеральными законами, и публичным сервитутом.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 31 Закона о приватизации ограничениями могут являться обязанность содержать имущество, не включенное в состав приватизированного имущественного комплекса унитарного предприятия и связанное по своим техническим характеристикам, месту нахождения (для объектов недвижимости), назначению с приватизированным имуществом, обязанность содержать объекты гражданской обороны, объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, имущество мобилизационного назначения.

С правопреемниками приватизируемых предприятий заключался договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны (приложение N 2 к Положению).

Согласно ч. 4 ст. 31 Закона о приватизации решение об установлении обременения, в том числе публично-сервитута, принимается одновременно с принятием решения об условиях приватизации государственного или муниципального имущества. Обременение, в том числе публичный сервитут, в случаях, если об установлении принято соответствующее решение, является существенным условием сделки приватизации. Сведения об установлении обременения, в том числе публично-сервитута, должны быть указаны в информационном сообщении о приватизации государственного или муниципального имущества.

Согласно ч. 7 ст. 31 Закона о приватизации обременение, в том числе публичный сервитут, может быть прекращено или их условия могут быть изменены в случае:

отсутствия или изменения государственного либо общественного интереса в обременении, в том числе в публичном сервитуте;

невозможности или существенного затруднения использования имущества по его прямому назначению.

В соответствии с п. 1 ст. 699 ГК РФ каждая из сторон вправе во всякое время отказаться от договора безвозмездного пользования, заключенного без указания срока, известив об этом другую сторону за один месяц, если договором не предусмотрен иной срок извещения.

При этом положения гл. 36 ГК РФ о договоре безвозмездного пользования (ссуды) направлены на регулирование правоотношений, в которых по общему правилу соглашение заключается в интересах ссудополучателя, которому предоставляется возможность пользоваться чужим имуществом. Напротив, договор в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны заключается в публичных интересах, на реализацию которых направлено большое число обязательств стороны договора, в том числе охранять защитные сооружения, принимать меры по поддержанию их в постоянной готовности к использованию по назначению и дальнейшему совершенствованию в соответствии с требованиями нормативных документов по эксплуатации защитных сооружений, накапливать, сохранять и по мере необходимости освежать средства индивидуальной защиты и другое имущество гражданской обороны в установленных объемах и номенклатуре и др.

В связи с изложенным лицо, заключившее договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны при проведении приватизации, или его правопреемник не вправе отказать в одностороннем порядке от исполнения указанного договора на основании ст. 699 ГК РФ. Данный договор может прекратить свое действие только в порядке, установленном ч. 7 ст. 31 Закона о приватизации для прекращения обременения.

ВОПРОС 3. В отношении каких периодов просрочки подлежит начислению неустойка, установленная ч. 9.3 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 190-ФЗ «О теплоснабжении» за несвоевременную и (или) неполную оплату управляющей организацией, организацией, осуществляющей горячее водоснабжение, холодное водоснабжение и (или) водоотведение, тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя по договорам, которые заключены до дня вступления в силу указанной нормы?

ОТВЕТ. Федеральным законом от 3 ноября 2015 г. N 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» (далее - Закон N 307-ФЗ) ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее - Закон о теплоснабжении) дополнена чч. 9.1 - 9.4.

В соответствии с ч. 9.3 ст. 15 Закона о теплоснабжении в редакции Закона N 307-ФЗ управляющие организации, приобретающие тепловую энергию (мощность) и (или) теплоноситель для целей предоставления коммунальных услуг, организации, осуществляющие горячее водоснабжение, холодное водоснабжение и (или) водоотведение, в случае несвоевременной и (или) неполной оплаты тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя уплачивают единой теплоснабжающей организации (теплоснабжающей организации) пени в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день

фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки начиная со дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты, произведенной в течение шестидесяти календарных дней со дня наступления установленного срока оплаты, либо до истечения шестидесяти календарных дней после дня наступления установленного срока оплаты, если в шестидесятидневный срок оплата не произведена. Начиная с шестидесяти первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты, произведенной в течение девяноста календарных дней со дня наступления установленного срока оплаты, либо до истечения девяноста календарных дней после дня наступления установленного срока оплаты, если в девяностодневный срок оплата не произведена, пени уплачиваются в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки. Начиная с девяноста первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты пени уплачиваются в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки.

Указанная норма вступила в силу 1 января 2016 г. (ч. 2 ст. 9 Закона N 307-ФЗ). При этом согласно ч. 1 ст. 8 Закона N 307-ФЗ действие положений ч. 9.3 ст. 15 Закона о теплоснабжении распространяется на отношения, возникшие из договоров, заключенных до дня ее вступления в силу, на основании которых вносится плата за поставку коммунального ресурса - тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя, коммунальных услуг.

Исходя из положений ч. 9.3 ст. 15 Закона о теплоснабжении, ч. 2 ст. 9 Закона N 307-ФЗ в их взаимосвязи, а также принимая во внимание акцессорный характер неустойки, ее связь с основным обязательством, представляющим собой поставку коммунального ресурса (оказание коммунальных услуг) за определенный расчетный период (месяц), предусмотренная ч. 9.3 ст. 15 Закона о теплоснабжении неустойка независимо от даты заключения договора подлежит начислению за просрочку оплаты коммунального ресурса - тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя, коммунальных услуг, предоставленных после 1 января 2016 г.

К случаям просрочки оплаты тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя, коммунальных услуг, предоставленных до 1 января 2016 г., подлежит применению порядок расчета и взыскания пени, действовавший до вступления в силу ч. 9.3 ст. 15 Закона о теплоснабжении (в размере одной трехсотой соответствующей ставки Центрального банка Российской Федерации), в том числе когда такая просрочка наступила и (или) продолжает течь после 1 января 2016 г.

ВОПРОС 4. Подлежит ли применению правило ст. 413 ГК РФ о прекращении обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице в случае

приобретения арендатором земельного участка сельскохозяйственного назначения права собственности на долю в праве общей собственности на этот участок?

ОТВЕТ. При передаче в аренду земельного участка сельскохозяйственного назначения, принадлежащего на праве общей долевой собственности нескольким лицам, соответствующий договор заключается на основании решения общего собрания участников долевой собственности со множественностью лиц на стороне арендодателя (ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», п. 1 ст. 308 ГК РФ).

В соответствии со ст. 413 ГК РФ обязательство прекращается совпадением должника и кредитора в одном лице, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства.

В случае приобретения арендатором доли в праве собственности на предоставленный ему земельный участок сельскохозяйственного назначения не происходит полного совпадения объема прав и обязанностей должника и кредитора в одном лице, совпадение происходит лишь на определенную долю в праве.

Кроме того, обязательства арендатора по отношению к соарендодателям, не являющимся продавцами долей, не могут прекратиться на основании договора купли-продажи, в котором эти соарендодатели не участвуют в качестве сторон (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

В связи с изложенным правило ст. 413 ГК РФ о прекращении обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице в данном случае применению не подлежит. До согласования иного порядка пользования общим имуществом обязательства, возникшие на основании договора аренды, подлежат исполнению с учетом того обстоятельства, что арендатору принадлежит доля в праве на земельный участок (в частности, возможно соразмерное уменьшение арендной платы).

ВОПРОС 5. Как определяется подсудность рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 и 7.27 КоАП РФ в случае, если административное расследование не осуществлялось, а производились действия в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в рамках досудебного производства по уголовному делу?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ в случаях совершения административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 «Побои» и ст. 7.27 «Мелкое хищение» данного кодекса, проводится административное расследование.

По смыслу ст. 28.7 КоАП РФ административным расследованием являются процессуальные мероприятия, совершенные с соблюдением формы и в порядке, предусмотренном законодательством об административных правонарушениях. С учетом этого не являются административным расследованием действия, совершенные в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в рамках досудебного производства по уголовному делу, в результате которых должностным лицом определяется наличие или отсутствие признаков состава преступления.

Указанный подход соответствует подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Между тем, любые фактические данные, полученные в иных предусмотренных законом формах, на основании которых судья устанавливает наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ признаются доказательствами по делу об административном правонарушении.

Таким образом, обстоятельства дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 или 7.27 КоАП РФ, могут быть установлены как на основании результатов административного расследования, так и мероприятий, проведенных в иных предусмотренных законом формах.

Согласно ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об указанных административных правонарушениях, производство по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов.

В случае, если административное расследование не осуществлялось, а производились действия в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в рамках досудебного производства по уголовному делу, дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 и 7.27 КоАП РФ, рассматриваются мировыми судьями.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 - 33). Согласно пункту «в» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

Вопросы выдворения

Комитет против пыток <1>

<1> Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее - Конвенция).

Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Сообщение: Н.К. против Нидерландов. Сообщение N 623/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 1 мая 2017 г.

Тема сообщения: предотвращение принудительно-возвращения; предупреждение пыток.

Вопрос существа: выдворение в Шри-Ланку.

Правовые позиции Комитета: наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране не является само по себе достаточным основанием для определения того, что соответствующему лицу будет угрожать применение пыток при возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что лично данному конкретному лицу будет угрожать подобная опасность (пункт 10.3 Решения).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка N 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, в соответствии с которым при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (пункт 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно изложить, что ему лично угрожает предсказуемая и реальная опасность <2>. Комитет также напоминает, что, хотя в соответствии с положениями [3]амечания общего порядка N 1 Комитет правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу, он должен в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника (пункт 9) <3> (пункт 10.4 Решения).

<2> См. также сообщение N 203/2002, А.Р. против Нидерландов, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., пункт 7.3.

<3> См., например, сообщение N 356/2008, Н.С. против Швейцарии, Решение от 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Шри-Ланку заявителю будет лично угрожать опасность применения пыток. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу постоянных и последовательных утверждений о широком применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения государственными субъектами, как вооруженными силами, так и полицией, во многих частях страны после завершения конфликта в мае 2009 года <4>. Однако Комитет отмечает, что цель такой оценки заключается в том, чтобы установить, угрожает ли предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению, лично данному лицу (пункт 10.3 Решения).

<4> См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

[3]авитель утверждает, что в случае его возвращения в Шри-Ланку он будет задержан и подвергнут пыткам. Комитет принимает к сведению заявления государства-участника о том, что заявитель не представил достоверные доказательства и не смог доказать, что в случае возвращения в Шри-Ланку ему лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам со стороны властей; и что его утверждения были тщательно рассмотрены компетентными национальными органами и судами в соответствии с внутренним законодательством и с учетом нынешнего положения в области прав человека в Шри-Ланке (пункт 10.5 Решения).

Комитет ссылается на рассмотрение им пятого периодического доклада Шри-Ланки <5>, в ходе которого была выражена серьезная обеспокоенность сообщениями о том, что во многих частях страны после завершения конфликта с «Тиграми освобождения Тамил-Илама» <6> (далее - ТОТИ) в мае 2009 года продолжали иметь место похищения, пытки и акты жестокого обращения, совершаемые государственными силами безопасности Шри-Ланки, включая полицию <7>. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу репрессий в отношении жертв и свидетелей актов пыток и актов похищения и пыток в тайных местах содержания под стражей и запросил информацию о том, проводилось ли оперативное, беспристрастное и эффективное расследование любых таких актов <8> (пункт 10.6 Решения).

<5> См. CAT/C/SR.1472 и 1475.

<6> Тамильское повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства Тамил-Илам на территории Шри-Ланки.

<7> См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

<8> См. CAT/C/SR.1472, пункты 36 и 42, и CAT/C/SR.1475, пункты 10 и 27.

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что он был зарегистрирован в рядах ТОТИ, прошел военную подготовку и принял участие в стычке со шри-ланкийской армией, после чего бежал и вскоре покинул страну; что он участвовал в спортивных мероприятиях, организованных ТОТИ в Нидерландах, и фотографии с этих мероприятий были размещены в сети «Фейсбук»; и что его двоюродный брат был убит в 2006 году из-за его предполагаемых связей с ТОТИ. Комитет также принимает к сведению утверждения о том, что заявитель является молодым тамилом с севера Шри-Ланки, получившим отказ [в предоставлении] убежища, имеющим хорошо заметные шрамы, который будет в принудительном порядке выслан в Шри-Ланку по чрезвычайному паспорту... Комитет отмечает, что в сообщении нет сведений, свидетельствующих о том, что заявитель или члены его семьи играли какую-либо важную роль в ТОТИ или когда-либо имели проблемы с шри-ланкийскими властями. Кроме того, заявитель бежал из рядов ТОТИ и не принимал участия в каких-либо политических протестах, организованных ТОТИ за рубежом. Он утверждает, что получил повестку от армейского командира в 2012 году и что власти пытались узнать информацию о нем; вместе с тем Комитет отмечает, что с 2012 года заявитель не сообщал о каких-либо последующих мерах армии в связи с его неявкой в лагерь или каких-либо последующих запросах о нем (пункт 10.7 Решения).

Что касается смерти двоюродного брата заявителя, то Комитет отмечает, что заявитель не представил никакой информации относительно конкретной роли его двоюродного брата в ТОТИ и никаких сведений о том, как он был убит, и, что наиболее важно, были ли у кого-либо из членов семьи его двоюродного брата или у самого заявителя до того, как он покинул страну, какие-либо проблемы в связи с деятельностью его брата в рядах ТОТИ. Что касается его участия в организованных ТОТИ спортивных мероприятиях в Нидерландах, то Комитет отмечает, что, даже если власти Шри-Ланки смогут установить его личность по немаркированным фотографиям в «Фейсбуке», эти мероприятия не носили политического характера и сами по себе не делают заявителя видным сторонником ТОТИ. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что, даже если заявителя будут проверять в аэропорту из-за его чрезвычайного паспорта или шрамов, не существует никаких доказательств того, что он имеет статус сторонника ТОТИ, в результате которого он может подвергнуться личной угрозе применения пыток со стороны властей (пункт 10.8 Решения).

С учетом вышеизложенного и в свете представленных ему материалов Комитет приходит к заключению, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его высылки в страну происхождения он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 11 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека <9> по жалобе N 52722/15 «С.К. против России» (вынесено 14 февраля 2017 г., вступило в силу 14 мая 2017 г.), которым установлено, что административное выдворение заявителя в Сирийскую Арабскую Республику будет являться нарушением статей 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. <10>.

.....
<9> Далее также - Европейский Суд, Суд.

<10> Далее также - Конвенция.

Европейский Суд отметил, что «жалоба заявителя в Суд была подана в контексте продолжающихся военных действий в Сирии и, в частности, в его родном городе Алеппо, а также в связи с возможностью того, что он будет призван на действительную военную службу, что увеличит риск для его жизни и здоровья» (пункт 57 постановления).

Суд уточнил, что «если заявитель еще не был выдворен, моментом для оценки следует считать момент рассмотрения дела в Суде... Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств по статье 3 Конвенции в таких случаях заключается в том, что лицо подвергается реальному риску смерти или жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться в первую очередь со ссылкой на эти факты, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент выдворения. Оценка должна быть сосредоточена на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну назначения в свете общей ситуации в такой стране и на его личных обстоятельствах» (пункт 58 постановления).

Европейский Суд установил, что «стороны не представили каких-либо конкретных доводов и не представили каких-либо материалов относительно развития ситуации в Сирии за период с конца 2015 года (в особенности с февраля 2015 года, когда было вынесено оспариваемое постановление об административном выдворении) до момента рассмотрения дела Судом... [В] первую очередь именно Власти государства-ответчика должны представить доказательства того, что общая ситуация в Сирии такова, что не требует защиты согласно статье 3 Конвенции» (пункт 59 постановления).

Суд отметил, что «ситуация с безопасностью и гуманитарная ситуация, а также тип и масштабы военных действий в Сирии резко ухудшились в период между прибытием заявителя в Россию в октябре 2011 года и распоряжением о его выдворении, вынесенным в феврале 2015 года, а также в период между указанным временем и отказом в удовлетворении его заявления о предоставлении временного убежища... [Н]есмотря на соглашение о прекращении военных действий, подписанное в феврале 2016 года, различные стороны военных действий применяли методы и тактику ведения войны, которые увеличили риск жертв среди гражданского населения или были непосредственно направлены против гражданских лиц» (пункты 60 - 61 постановления).

Суд подчеркнул, что «[в] настоящем деле... не были предоставлены какие-либо материалы, которые подтвердили бы, что ситуация в Дамаске достаточно безопасна для заявителя, который утверждает, что он будет призван на действительную военную службу, или что заявитель может выехать из Дамаска в безопасный район Сирии» (пункт 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «... выдворение заявителя из России в Сирию на основании постановления от 26 февраля 2015 г., оставленного без изменения в результате апелляционного рассмотрения, будет составлять нарушение статей 2 и 3 Конвенции» (пункт 63 постановления).

Заявитель также утверждал, что у него отсутствовали эффективные средства правовой защиты в нарушение статьи 13 Конвенции.

Суд установил, что «источником оспариваемого вмешательства является судебное решение, назначившее наказание в виде административного выдворения... [О]бычное обжалование наказания в виде выдворения, назначенного судом первой инстанции, имело автоматическое приостанавливающее действие в соответствии со статьей 31.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ)... в том смысле, что в силу закона (и без оставления вопроса на усмотрение внесудебного или судебного органа) выдворение не подлежит осуществлению до истечения установленного законом срока для обжалования или до тех пор, пока не будет вынесено апелляционное решение по делу об административном правонарушении в соответствии с КоАП. Нет оснований полагать, что указанное положение является недостаточно очевидным и точным или что оно было неправильно истолковано или применено в большинстве случаев... Таким образом, заявитель был защищен от выдворения в силу статьи 31.2 КоАП до 4 марта 2015 г., когда Верховный [С]уд Республики Дагестан оставил в силе наказание в виде административного выдворения» (пункт 80 постановления).

Суд отметил, что «КоАП предусматривает пересмотр окончательных решений в областном суде, а затем в Верховном [С]уде РФ в соответствии со статьей 30.12 КоАП... Однако представляется, что только прокурор может ходатайствовать о приостановлении действия статьи 31.6 КоАП... и что такое приостановление не является «автоматическим». Следовательно, процедура пересмотра в областном суде и Верховном [С]уде РФ не является «эффективным средством правовой защиты» для целей статьи 13 Конвенции в контексте жалобы, возникающей по статьям 2 и 3 Конвенции» (пункт 81 постановления).

Европейский Суд установил, что «Власти государства-ответчика не ссылались на положение КоАП или какое-либо другое нормативное положение, которое потребовало бы изучения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции, в случаях, связанных с назначением наказания в виде административного выдворения... [Т]еоретически некоторые разбирательства по КоАП не исключают возможность рассмотрения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции» (пункт 82 постановления).

Суд подчеркнул, что «[н]езависимое и тщательное изучение» также подразумевает, что средство правовой защиты способно обеспечить защиту от выдворения в случаях, когда такое тщательное изучение раскрывает существенные основания полагать, что существует реальная опасность жестокого обращения, с которой ответчик столкнется в случае назначения и исполнения наказания в виде принудительного выдворения. Состояние национального законодательства и судебной практики не является очевидным в вопросах, касающихся обеспечения надлежащей защиты путем отказа или отмены постановления об административном выдворении в делах о миграции, если, как в настоящем деле, иностранному гражданину назначено обязательное наказание в виде выдворения и он подвергается риску смерти или жестокого обращения в стране его гражданства» (пункт 83 постановления).

Суд установил, что «в 2013 году в КоАП были внесены изменения, согласно которым административное выдворение стало обязательным наказанием за некоторые правонарушения, в том числе по части 1.1 статьи 18.8. Власти утверждали, что заявитель был привлечен к ответственности за правонарушение, совершенное в 2012 году. Действительно, суд первой инстанции постановил, что наказание в виде административного выдворения является необязательным. Однако апелляционный суд скорректировал это мнение, посчитав, что наказанием за правонарушение, в отношении которого заявитель был признан виновным, является штраф и административное выдворение... Как было ясно указано апелляционным судом в деле заявителя по КоАП... заявитель был признан виновным по пункту 1.1 статьи 18.8 КоАП, который был внесен в КоАП в 2013 году, и предусматривал два обязательных наказания: штраф с административным выдворением. Таким образом, Суд не убежден, что суды имели возможность учитывать аргументы, касающиеся статей 2 и 3 Конвенции, при назначении наказания и, следовательно, обеспечить защиту. Другими словами, исходя из представленных материалов у Суда нет оснований полагать, что национальные суды могли отказаться от наказания в виде административного выдворения по причине убедительности аргументов, относящихся к статьям 2 и 3 Конвенции. Поэтому в то время, когда заявитель был признан виновным в совершении правонарушения, у суда не было иного выбора, кроме как назначить это наказание, независимо от действительности аргументов, связанных со статьями 2 или 3 Конвенции» (пункт 85 постановления).

Что касается приостанавливающего действия до вынесения решения по заявлению о временном убежище, Суд не был убежден доводами Властей о том, что «разделы 10, 12 и 13 закона «О беженцах», независимо от их толкования по отдельности или совместно, предусматривают, что ожидающее рассмотрения заявление о временном предоставлении убежища имеет «автоматическое приостанавливающее действие» в отношении оспариваемой меры, в частности, вступившего в силу решения об административном выдворении в настоящем деле. Статья 10 Закона касается исключительно процедуры получения статуса беженца и не относится к процедуре предоставления временного убе-

жища... Статья 12 Закона прямо затрагивает последнее, но применяется только в тех случаях, когда лицу уже предоставлено временное убежище. В отличие от пункта 1 статьи 10, статья 12 не гласит и даже не подразумевает, что выдворение недопустимо, пока заявление находится на рассмотрении миграционного органа. Наконец... статья 13 описывает обстоятельства, при которых выдворение осуществляется после неблагоприятного исхода по заявлению о статусе беженца» (пункт 89 постановления).

Суд также отметил, что «[в] КоАП, который был правовой основой для назначения оспариваемого наказания в виде административного выдворения, не содержалось положения о приостановлении его исполнения в связи с находящимся на рассмотрении заявлением о предоставлении временного убежища. Власти не представили документ, подтверждающий довод о том, что исполнительное производство в отношении наказания в виде административного выдворения было приостановлено в связи с заявлением о предоставлении временного убежища, поданным в мае 2015 года. Например, нет никаких указаний на то, что была выполнена какая-либо соответствующая оценка и какое-либо соответствующее решение было принято службой судебных приставов или другим компетентным органом» (пункт 90 постановления).

Суд также установил, что «судебный пересмотр в этой ситуации с сентября 2015 года регулируется Кодексом административного судопроизводства (КАС) [Европейский Суд не посчитал], что КАС... обеспечивает «автоматическое приостанавливающее действие», особенно, в случаях, когда, как в настоящем деле, судебное решение о наказании в виде административного выдворения уже вступило в силу» (пункт 91 постановления).

Суд заключил, что «хотя успешное рассмотрение заявления о предоставлении временного убежища окажет приостанавливающее действие в отношении исполнения наказания в виде административного выдворения, в настоящем деле заявителю было отказано в предоставлении временного убежища и, таким образом, он не добился приостанавливающего действия в отношении вступившего в силу наказания в виде административного выдворения» (пункт 94 постановления).

Суд также отметил, что «заявление о временном убежище было отклонено со ссылкой на ряд факторов (неисполнение обязательства покинуть Россию в 2012 году; неисполнение обязательства по своевременному обращению с заявлением о предоставлении убежища; продолжение незаконного пребывания и незаконной трудовой деятельности в России; а также судебное преследование по делу об административном правонарушении), которые не имели отношения к вопросам статьи 3. Поэтому внутренняя оценка была основана на соображениях, которые не относятся к «тщательному изучению», требуемому в соответствии со статьей 3 Конвенции в таких случаях» (пункт 98 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «имело место нарушение статьи 13 Конвенции в сочетании со статьями 2 и 3 Конвенции» (пункт 99 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на то, что его непрерывное длительное содержание в специальном учреждении было произвольным и не являлось необходимым ввиду того факта, что его выдворение в Сирию было и остается неосуществимым. Он также жаловался на отсутствие процедуры пересмотра его непрерывного содержания в специальном учреждении.

Суд отметил, что «у заявителя была возможность обжаловать содержание в специальном учреждении в качестве части постановления от 26 февраля 2015 года, когда он обжаловал данное постановление по существу. Однако это было бы связано с его содержанием в специальном учреждении до 4 марта 2015 г., когда апелляционная жалоба была рассмотрена... [С]удебный пересмотр такого рода, требуемый согласно пункту 4 статьи 5, не может считаться включенным в первоначальное решение о помещении в специальное учреждение от 26 февраля 2015 г. Суть жалобы заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции заключалась не в оспаривании первого решения о его помещении в специальное учреждение, а в отсутствии у него возможности добиться судебного пересмотра вопроса о содержании его в специальном учреждении по истечении определенного времени» (пункт 104 постановления).

Европейский Суд также установил, что «[в] силу пункта 4 статьи 5 заявитель имел право обратиться с ходатайством в компетентный «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать лишение его свободы «правомерным» в свете новых факторов, возникших уже после вынесения первого решения о помещении его в специальное учреждение» (пункт 105 постановления).

Суд подчеркнул, что «[н]и КоАП, ни какое-либо другое применимое законодательство не предусматривали процедуру, позволяющую заявителю «принять участие» в пересмотре его содержания в специальном учреждении, и добиться освобождения... КоАП не предусматривал процедуру, согласно которой содержание в специальном учреждении будет автоматически пересматриваться через определенный срок» (пункт 106 постановления).

Суд отметил, что «процедура в соответствии со статьей 30.12 КоАП для дальнейшего пересмотра судебных и апелляционных решений в деле об административном правонарушении была доступна заявителю в любое время, и в отношении нее не действовали ограничения по времени. Однако это лишь косвенно касалось вопроса о содержании в специальном учреждении, в той степени, в какой пересмотр обвинения в административном правонарушении может привести к отмене наказания в виде выдворения, тем самым устраняя основания для содержания заявителя в специальном учреждении в целях его принудительного выдворения. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что суд, осуществляющий пересмотр, будет компетентен рассматривать «новые обстоятельства», упомянутые Властями, поскольку это выходит за рамки окончательных решений, принятых судами первой инстанции и апелляционными судами» (пункт 108 постановления).

Суд заключил, что «заявитель в данном деле не имел в своем распоряжении процедуры судебного пересмотра законности его содержания под стражей. Соответственно... имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 109 постановления).

Европейский Суд также заключил, что «для государственных органов должно было быть достаточно очевидным уже в феврале и марте 2015 года, что выдворение заявителя было практически неосуществимо и оставалось бы маловероятным ввиду обострения конфликта в Сирии... В этих обстоятельствах национальные органы власти должны были рассмотреть альтернативные меры, которые могут быть приняты в отношении заявителя... Однако, как только было вынесено предписание о размещении заявителя в специальном учреждении временного содержания для иностранных граждан 26 февраля 2015 г., вопрос о содержании под стражей не был и, как установлено выше в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, не мог быть пересмотрен, в частности, относительно того, было ли целесообразным обеспечить его выдворение в Сирию... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункты 115 и 117 постановления).

Решение Европейского Суда по жалобе N 32779/15 «М.С.С. против России» (решение вынесено и вступило в силу 23 марта 2017 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба Шаюсупова М.С., на предполагаемую угрозу его административного выдворения с территории России в Узбекистан в нарушение статьи 3 Конвенции.

Заявитель жаловался, что в случае его выдворения в Узбекистан он подвергнется опасности жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Он также жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в этом отношении.

Заявитель просил применить правило 39 Регламента Европейского Суда, чтобы предотвратить его высылку в Узбекистан. Он утверждал, что он может быть депортирован в Узбекистан в любой момент, поскольку отказы в предоставлении статуса беженца и временного убежища вступили в силу, а апелляционная жалоба на решение о депортации не была приостановлена (пункт 22 решения).

Власти Российской Федерации отметили, что заявитель не подвергался риску немедленной принудительной высылки в Узбекистан, поскольку его экстрадиция в Узбекистан была отменена по истечении срока исковой давности для уголовного преследования, а депортационное или административное разбирательство в отношении заявителя в России не было инициировано (пункт 32 решения).

Власти также утверждали, что неспособность заявителя легализовать свое пребывание в России обычными способами (путем получения визы, разрешения на временное проживание или вида на жительство) представляет собой неисчерпание внутренних средств правовой защиты, а отсутствие финансовых средств не могло рассматриваться, как обоснованное оправдание отказа от этих средств правовой защиты (пункт 33 решения).

Европейский Суд отметил, что «стороны не оспаривают то, что заявитель был обвинен в совершении религиозных и политически мотивированных преступлений в Узбекистане, и поэтому принадлежит к уязвимой группе, которая подвергается реальной опасности обращения в нарушение статьи 3 Конвенции в случае высылки в Узбекистан» (пункт 37 постановления).

Суд также отметил, что «при текущем положении дел, экстрадиция заявителя исключается из-за запрета на его уголовное преследование в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, никаких других судебных разбирательств касательно высылки в отношении заявителя не проводится, а неисполненные распоряжения о высылке отсутствуют» (пункт 38 решения).

Европейский Суд установил, что «письмо ФМС <11>..., на которое ссылается заявитель, не может быть принято в качестве доказательства намерения органов власти использовать эти процедуры, поскольку это само по себе не подлежит исполнению... [Р]оссийские органы власти не предприняли никаких мер по высылке заявителя в период с 22 июня 2015 года (дата принятия окончательного решения о предоставлении временного убежища) по 6 июля 2015 года (дата принятия обеспечительной меры Судом), хотя ничто не мешало им это сделать» (пункт 39 решения).

«11» «15 октября 2014 года ФМС Ивановской области сообщила заявителю, что «лицо, исчерпавшее все инстанции для подачи апелляционной жалобы... и которое отказывается от добровольного выезда из России в течение трех дней с момента получения [окончательного] постановления, будет выслано или депортировано в административном порядке» (пункт 12 решения).

Суд подчеркнул, что «судебное разбирательство по вопросу депортации может быть открыто лишь в случае неспособности заявителя легализовать свое пребывание в России... С 2012 по 2014 год заявитель законно проживал в России на основании его регистрации в качестве мигранта и возобновляемого разрешения на работу... ФМС... предложила заявителю продлить миграционную регистрацию в качестве первого шага к легализации его пребывания в России... Учитывая, что миграционная регистрация является необходимым условием получения разрешения на работу и вида на жительство, Суд считает, что действия, предпринятые национальными органами власти, пока не свидетельствуют о намерении выслать заявителя из России» (пункт 40 решения).

Суд установил, что «заявитель не подвержен опасности незамедлительной принудительной высылки в Узбекистан. Таким образом, жалоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции является явно необоснованной» (пункт 41 решения).

Обращаясь к жалобе заявителя согласно статье 13, Европейский Суд напомнил, что «в соответствии с постоянной прецедентной практикой статья 13 применяется только в том случае, если у лица есть «необоснованная жалоба» на то, что он стал жертвой нарушения конвенционного права... Из этого следует, что, поскольку у заявителя нет необоснованной жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции, его

жалоба по статье 13 также неприемлема» (пункт 42 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что «жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 (а) и 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 43 решения).

В Верховный Суд Российской Федерации по вопросам выдворения также поступило решение об исключении жалобы заявителя из списка подлежащих рассмотрению дел N 34387/16 «М.М. против России» (решение вынесено 19 января 2017 г.).

Условия содержания в местах лишения свободы

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми было установлено нарушение положений статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Постановление Европейского Суда по жалобе N 9536/10 «Федорин против России» (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г. (приведено ниже)), N 41858/08 «Идалов против России (N 2)» (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г. (приведено ниже)), N N 54675/12, 76168/12, 56974/13, 10613/14, 18259/14, 36650/14, 12127/15 и 22190/15 «Музыченко и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N N 73864/10, 402/14, 5312/14, 6122/14, 8839/14, 10032/14, 14402/14, 18003/14, 19701/14, 23028/14 и 14573/15 «Мальков и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.).

См. также нижеприведенное Соображение Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла.

В сфере семейно-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам ребенка <12>

<12> Комитет по правам человека действует на основании Конвенции по правам ребенка от 20 ноября 1989 г. (далее - Конвенция). Российская Федерация является государством - участником указанной Конвенции в качестве государства - продолжателя Союза ССР.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли

детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией N 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН.

По состоянию на 20 декабря 2017 г. Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений.

Сообщение: Х.А.Б.С. против Коста-Рики. Сообщение N 5/2016. Решение принято Комитетом по правам ребенка (далее - Комитет) 17 января 2017 г. <13>

<13> «2.1 Сыновья автора, А.Б.Х. и М.Б.Х., родились в Калифорнии (Соединенные Штаты) в результате экстракорпорального оплодотворения донорской яйцеклетки спермой автора. Беременность вынашивала суррогатная мать. 2 мая 2014 года Верховный суд Калифорнии объявил автора единственным законным родителем близнецов, которые должны были родиться, и предоставил ему исключительные родительские права, отказав суррогатной матери в статусе законной матери в соответствии с договором, подписанным между ней и автором.

2.2 В свидетельстве о рождении, выданном в Соединенных Штатах, обоим сыновьям автора были присвоены две фамилии: первая фамилия автора и девичья фамилия донора яйцеклетки. В указанном свидетельстве автор был записан как «отец», а графа «мать» была оставлена пустой. Автор отмечает, что соглашение о донорстве яйцеклетки содержало положение, согласно которому личность донора остается конфиденциальной. Однако она раскрыла автору свою личность и оставила детям возможность связаться с ней, когда им исполнится 18 лет, если они этого захотят.

2.3 22 июля 2014 года автор и оба его сына въехали в Коста-Рику с паспортами Соединенных Штатов. 30 июля 2014 года автор ходатайствовал о регистрации своих сыновей в Отделе записи актов гражданского состояния Верховного суда по избирательным делам Коста-Рики. В своем решении от 19 августа 2014 года Отдел записи актов гражданского состояния постановил зарегистрировать родившихся мальчиков под обеими фамилиями автора согласно Гражданскому кодексу Коста-Рики и в тот же день сообщил автору о принятом решении.

2.4 Автор подал апелляцию на решение Отдела записи актов гражданского состояния, которая была отклонена 3 октября 2014 года Верховным судом по избирательным делам, который заявил, что, хотя сыновья автора родились и были зарегистрированы в соответствии с нормами Соединенных Штатов, это не обязывает государство Коста-Рика регистрировать их аналогичным образом, поскольку существуют национальные нормы, обязательные к исполнению. Суд счел, что, поскольку личность матери не установлена, то единственным приемлемым решением с юридической точки зрения является применение по аналогии процедуры, предусмотренной в Гражданском кодексе в отношении детей, рожденных вне брака [согласно статье 52 Гражданского кодекса Коста-Рики, детям, рожденным вне брака, присваиваются обе фамилии матери], и присвоение сыновьям обеих фамилий отца.

2.5 19 декабря 2014 года Конституционная палата Верховного суда отклонила ходатайство автора, представленное в порядке ампаро, также сочтя, что нормы страны происхождения детей не являются обязательными для государства Коста-Рика, поскольку в нем действуют собственные нормы регистрации рождений, обязательные к исполнению. Кроме того, Суд заявил, что в любом случае нарушение какого-либо права отсутствует, поскольку автору не было отказано в регистрации сыновей как костариканцев» (пункты 2.1 - 2.5 Решения).

Тема сообщения: регистрация рождения в Отделе записи актов гражданского состояния.

Правовые позиции Комитета: согласно статье 7 Конвенции, применение государствами-участниками права на имя должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством (пункт 4.2 Решения).

Комитет указывает, что толкование или применение национального законодательства является прерогативой государственных властей, если только такое толкование или применение не носит явно произвольный характер или представляет собой отказ в правосудии. В данном случае довод автора о наличии противоречий во внутреннем законодательстве ничем не мотивирован и, следовательно, не может служить основанием для констатации произвольности или отказа в правосудии со стороны национальных властей (пункт 4.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению решение коста-риканских властей, согласно которому регистрация детей в Отделе записи актов гражданского состояния должна осуществляться в соответствии с критериями, установленными в Гражданском кодексе Коста-Рики, независимо от критериев, применяемых в стране рождения... Комитет считает, что автор не представил убедительных доказательств того, что присвоение его сыновьям обеих фамилий отца согласно коста-риканскому законодательству является препятствием к полному знанию ими своего биологического происхождения и к реализации ими своего права на индивидуальность (пункт 4.2 Решения).

Что касается заявлений автора о невозможности возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния, то Комитет отмечает, что автор мог обжаловать это решение и прибегнуть к процедуре ампаро^{<14>} в Верховном суде. Кроме того, Комитет отмечает, что автор не обосновал, в какой степени невозможность возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния до его принятия нарушила права его сыновей, закрепленные в Конвенции (пункт 4.4 Решения).

^{<14>} Средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем.

Выводы Комитета: Комитет объявляет это сообщение [явно] необоснованным и неприемлемым согласно подпункту f) статьи 7 Факультативного протокола (пункт 4.4 Решения).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей, содержащихся в соответствующий период в местах лишения свободы, в судебных заседаниях по рассмотрению их гражданских дел.

Постановления Европейского Суда по жалобам N N 46892/09, 17041/10, 23559/10, 72268/10, 29897/11 «Бирюков и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N N 2421/13, 6069/13, 8299/13, 19288/13, 22285/13, 31713/13, 41291/13, 45958/13 «Михайлов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N N 36907/12, 40782/12, 42855/12, 42940/12, 43317/12, 68297/12, 72157/12 «Орлов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N N 11127/08, 4100/11, 8795/11, 25158/11, 27653/11, 12247/12, 31488/12, 32000/12 «Побережьев и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.) и N N 47485/11, 51072/11, 52914/11, 53528/11, 68515/11, 5508/12, 6205/12 «Фролов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Защита права на жизнь и права не подвергаться пыткам в аспекте проведения эффективного расследования

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин <15>

^{<15>} Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г., принятого 6 октября 1999 г.

Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: Рейна Трухильо и Педро Аргуэльо Моралес против Мексики. Сообщение N 75/2014. Мнение

принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 21 июля 2017 г.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с его [Комитета] [О]бщей рекомендацией N 19 содержащееся в статье 1 Конвенции определение дискриминации охватывает насилие в отношении женщин, то есть насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она - женщина, или насилие, которое оказывает на женщин несоразмерное воздействие. Насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. Эти права включают право на жизнь. В пункте е) статьи 2 Конвенции государства-участникам предписывается принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия. В соответствии с общими нормами международного права и положениями конкретных пактов о правах человека на государства может быть также возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации <16> (пункт 9.4 Мнения).

<16> Общая рекомендация N 19 (1992) Комитета, касающаяся насилия в отношении женщин, пункты 6, 7 и 9.

В соответствии с [О]бщей рекомендацией N 28 (2010) Комитета, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, государства-участники должны проявлять должную осмотрительность для предотвращения, расследования, судебного преследования таких актов насилия по признаку пола и наказания за их совершение (пункт 19). Если же дискриминация в отношении женщин сопряжена с нарушением других прав человека, в частности права на жизнь и физическую неприкосновенность в случаях, например, бытового и других форм насилия, то государства-участники обязаны возбуждать уголовное дело, предавать виновного (виновных) суду и назначать соответствующие уголовные наказания (пункт 34). Комитет также считает, что безнаказанность в случае совершения подобных преступлений в значительной степени способствует увековечению в обществе культуры одобрения самых экстремальных форм насилия в отношении женщин, благодаря чему совершение подобных актов не прекращается (пункт 9.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет напоминает, что в его заключительных замечаниях по Мексике отмечалось следующее <17>:... [С]татья 21 Общего закона об обеспечении доступа женщин к жизни без насилия определяет феминицид как крайнюю форму насилия в отношении женщин и как продукт нарушения их прав человека как в общественной, так и в личной жизни, в основе которого лежит комплекс женоненавистнических моделей поведения и который может порождать социальную безнаказанность и безнаказанность государства и являться причиной убийства женщин или других форм

насильственного лишения их жизни. Тем не менее он обеспокоен неадекватностью определений преступления феминицида в местных уголовных кодексах, а также различиями между этими определениями. Он выражает свою глубокую тревогу по поводу большого и все увеличивающегося числа случаев феминицида в нескольких штатах, таких как Веракрус, Гуанахуато, Кинтана-Роо, Мехико, Нуэво-Леон, Оахака, Пуэбла, Халиско и Чьяпас, а также в городах Мехико и Сьюдад-Хуарес. Он также обеспокоен неадекватностью процедур регистрации и документального оформления убийств женщин, что подрывает надлежащее проведение расследований по делам, а также не позволяет оперативно уведомлять семьи об убийствах и проводить более полную и надежную оценку феминицида.

<17> CEDAW/C/MEX/CO/7-8, Заключительные замечания по сводному, седьмому и восьмому, периодическому докладу Мексики, 7 августа 2012 г.

Комитет также обеспокоен:... с) незначительным числом случаев насилия в отношении женщин, о которых информируются власти, поскольку женщины боятся возмездия и не доверяют властям; отсутствием стандартных протоколов расследования и преследования в рамках дел, связанных с насилием в отношении женщин, что негативно сказывается на правах жертв в плане доступа к правосудию и является причиной того, что в контексте большого числа дел виновные остаются безнаказанными, как было отмечено Межамериканским судом по правам человека в связи с делом «Кампо Алгодонеро» («Хлопковое поле»); d) хронической безнаказанностью, обусловленной тем, как проводятся расследования, осуществляется преследование и наказываются те, кто повинен в актах насилия в отношении женщин, во всей стране (пункт 9.2 Мнения).

Комитет отмечает, что после даты оправдания лица, изначально подозреваемого в убийстве Пилар-Аргуэльо Трухильо, власти государства-участника, как представляется, не предприняли никаких действий для выяснения обстоятельств преступления и установления виновного, например не взяли в разработку новые направления расследования (пункт 9.3 Мнения).

Признавая, что обязательство государства расследовать преступления является обязательством в отношении средства, а не результата, Комитет считает, что в рассматриваемом случае государство-участник не продемонстрировало, что им сделано все возможное для выполнения своих обязательств по Конвенции в плане расследования преступления, привлечения виновного или виновных к суду и назначения надлежащего уголовного наказания. Государство не смогло доказать, что в соответствии с пунктами b) и c) статьи 2 и статьей 5 в сочетании со статьей 1 Конвенции оно приняло необходимые меры для того, чтобы действовать с должной осмотрительностью, имея целью гарантировать проведение расследования и судебного разбирательства, и это привело к тому, что преступление остается безнаказанным, а авторы стали жертвами отказа в правосудии (пункт 9.6 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты... свидетельствуют о нарушении прав ПиларАргуэльоТрухильо в соответствии с пунктами b) и c) статьи 2 и статьей 5 в сочетании со статьей 1 Конвенции (пункт 9.6 Мнения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 41858/08 «Идалов против России (N 2)» (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с Идаловым Т.С.-М. (далее - заявитель) в отделении полиции, следственном изоляторе, исправительной колонии и необеспечением эффективного расследования по данным фактам, а также в связи с необеспечением заявителю надлежащих условий содержания под стражей и транспортировки.

Установлено также нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции - в связи с незаконным задержанием и последующим содержанием заявителя в отделении полиции, а также незаконным и необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статьи 3 и 13 Конвенции, что он несколько раз подвергался жестокому обращению во время содержания под стражей и что расследование в ответ на его жалобы не было эффективным.

Европейский Суд отметил, что «заявитель представил четкое описание событий в отношении предполагаемых случаев жестокого обращения во время содержания под стражей. Его версия событий не противоречила представленным сторонами доказательствам. Заявитель получил множественные повреждения, и его утверждения о жестоком обращении с заключенными были достаточно весомыми для начала властями официальной проверки в каждом отдельном случае» (пункт 86 постановления).

Суд подчеркнул, что «Власти... сообщили Суду лишь о том, что расследование в отношении утверждений заявителя продолжается. Никаких документов или дополнительной информации представлено не было» (пункт 88 постановления).

Европейский Суд заключил, что «[в] свете медицинских документов, находящихся в его распоряжении... травмы, нанесенные заявителю, были достаточно серьезными, чтобы представлять собой жестокое обращение по смыслу статьи 3» (пункт 89 постановления).

В отношении эффективности расследования Суд отметил, что «расследование по каждому инциденту, связанному с жестоким обращением, на которое подал жалобу заявитель, все еще находится на рассмотрении, продолжительность расследования составляет от четырех до семи лет... [В]ласти не выполнили свое обязательство по проведению эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении, как того требует статья 3 Конвенции... Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части ее процедурного аспекта» (пункты 94 - 95 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 3 и 13 Конвенции, на условия его содержания под стражей и транспортировки.

В отношении условий содержания заявителя под стражей в изоляторе временного содержания и следственном изоляторе, Суд установил, что он содержался в переполненных камерах и пришел к выводу, что «заявитель подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 109 постановления).

В отношении условий транспортировки заявителя, Суд также установил нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 112 постановления).

Одновременно Суд пришел к выводу, что «заявитель не имел эффективного средства правовой защиты, позволяющего ему жаловаться на условия его содержания под стражей и транспортировки. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции» (пункт 115 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его арест и последующее содержание под стражей противоречат положениям статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «заявитель был задержан в ходе проведения специальной операции областным отделом полиции по борьбе с организованной преступностью, как установлено национальными судебными органами. Операция была направлена на заявителя, в частности, как лицо, подозреваемое в вымогательстве денег... После ареста, специализированное полицейское подразделение выдвинуло обвинения и содержало заявителя под стражей [в связи с] административн[ым] правонарушени[ем] (несоблюдение законного распоряжения полиции)» (пункт 123 постановления).

Суд подчеркнул, что «[х]отя арест и последующее содержание под стражей за несоблюдение приказа полиции обычно подпадают под действие подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции... заявитель был лишен свободы для целей его представления перед компетентным органом по подозрению в совершении преступления, а именно вымогательства. Таким образом, его лишение свободы с 16 по 17 июля 2008 г. подпадает под действие подпункта «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Даже принимая в установленном порядке тот факт, что в ходе специальной операции заявитель действительно отказался представить сотрудникам полиции свой документ, удостоверяющий личность, оказывал сопротивление при задержании и пытался скрыться, решение властей о рассмотрении поведения заявителя как административного правонарушения не могло... освободить сотрудников полиции от необходимости соблюдения процессуальных гарантий, связанных с фактическим статусом заявителя в качестве подозреваемого в совершении преступления» (пункт 126 постановления).

Европейский Суд отметил, что «сразу после ареста заявитель был подвергнут обыску, а полиция обнаружила у него героин. Тем не менее, заявитель оставался под стражей по административным обвинениям еще на следующий день до того, как против него было возбуждено соответствующее уголовное дело. Обвинения в вымогательстве предъявлено не было» (пункт 127 постановления).

Суд подчеркнул, что «ситуация в данном случае создает сильное подозрение, что полиция использовала административное задержание для обеспечения

наличия заявителя в качестве подозреваемого в совершении преступления, но сделала это без защиты его процессуальных прав, в частности, права на юридическую помощь» (пункт 128 постановления).

Европейский Суд отметил, что «такое поведение со стороны полиции помешало отправлению правосудия и было дискреционным. Тот факт, что судебные власти были осведомлены о ситуации и ничего не сделали для ее устранения, также вызывает серьезную озабоченность» (пункт 129 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «задержание заявителя 16 июля 2008 года и последующее содержание под стражей до 17 июля 2008 года не были «законными» или «в предусмотренном законом порядке». Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 130 постановления).

Что касается жалобы заявителя относительно того, что в нарушение применимого законодательства районный суд не уточнил срок его содержания под стражей с 18 июля 2008 г., Европейский Суд отметил, что «российские уголовно-процессуальные нормы требуют, чтобы при принятии решения относительно помещения подсудимого под стражу, суд должен указать срок содержания под стражей... [Н]евыполнение данного требования составило «грубое и явное несоблюдение правил», которое могло бы сделать содержание заявителя под стражей дискреционным и, следовательно, «незаконным» по смыслу пункта 1 статьи 5... Следовательно,... содержание заявителя под стражей на основании судебного постановления от 18 июля 2008 г. не «соответствовало процедуре, установленной законом» (пункты 131 - 132 постановления).

Заявитель также подал жалобу относительно того, что его предварительное заключение не было обосновано и подкреплено относимыми и достаточными основаниями. Он ссылался на пункт 3 статьи 5 Конвенции.

Суд установил, что «общая продолжительность заключения заявителя под стражей составила 1 год 5 месяцев и 2 дня» (пункт 135 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что, «не рассматривая конкретные факты или альтернативные меры пресечения, власти продлевали содержание заявителя под стражей на основаниях, которые, хотя и являются «существенными», не могут считаться «достаточными» для обоснования содержания заявителя под стражей в течение около полутора лет. В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли судебное производство проведено с «особой тщательностью»... Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции» (пункты 139 - 140 постановления).

Заявитель также подал жалобу в соответствии со статьей 6 Конвенции относительно недопущения его к судебному разбирательству.

Европейский Суд установил, что «в последний день судебного разбирательства суд решил удалить заявителя из зала суда. В результате, некоторые доказательства были рассмотрены в отсутствие заявителя, что может поставить под вопрос общую справедливость уголовного разбирательства в отношении заявителя» (пункт 147 постановления).

Суд отметил, что «в ходе судебного разбирательства заявитель неоднократно нарушал ход разбирательства. Он сжег страницы из материалов дела, оскорблял свидетелей и других участников разбирательства, а также угрожал им, игнорируя предупреждения председательствующего судьи... [В] последний день судебного разбирательства заявитель был удален из зала суда после возобновления им недисциплинированного поведения» (пункт 148 постановления).

Суд подчеркнул, что «для надлежащего осуществления правосудия важно соблюдать достоинство, порядок и правила приличия в зале суда в ходе судебного разбирательства. Вопиющее пренебрежение со стороны подсудимого элементарными нормами надлежащего поведения не может и не должно допускаться» (пункт 149 постановления).

Европейский Суд отметил, что «поведение заявителя носило такой характер, что удаление заявителя из зала суда и продолжение его судебного разбирательства в его отсутствие было оправданным... [Д]о удаления из зала суда заявитель был полностью и явно проинформирован о том, что его поведение было ненадлежащим и неприемлемым, а также ему было сделано предупреждение о возможных последствиях нарушения дисциплины. Соответственно, у Европейского Суда не имеется никаких сомнений в том, что заявитель, сохраняя свое предосудительное поведение, отказался от своего права присутствовать на суде... [В] отношении отказа заявителя имелись минимальные гарантии. Адвокат заявителя участвовал в слушании и надлежащим образом осуществлял защиту заявителя» (пункты 150 - 151 постановления).

Суд заключил, что «нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствовало» (пункт 152 постановления).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека <18>

<18> Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту, принятому в эту дату.

Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Сообщение: Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла. Сообщение N 2481/2014. Соображение принято Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 17 марта 2017 г.

Тема сообщения: лишение свободы мэра за неподчинение решению суда.

Вопрос существа: произвольное задержание, условия содержания под стражей, право на справедливое

судебное разбирательство, право на участие в политической жизни.

Правовые позиции Комитета: любое принудительное содержание, будь то по уголовному обвинению или в рамках какого-либо иного режима, должно осуществляться на основании закона и в соответствии с процедурами, предписанными законом <19>. Таким образом, режим лишения свободы не должен размывать границы системы уголовного правосудия, предусматривая меры, эквивалентные уголовному наказанию, при отсутствии применимых гарантий защиты <20>. В частности, назначение чрезвычайно сурового наказания в виде тюремного заключения за неуважение к суду без достаточных разъяснений и без независимых процедурных гарантий является произвольным <21>... Комитет напоминает, что понятие «произвольности» следует толковать более широко с учетом элементов неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности <22> (пункт 7.4 Соображения).

<19> См. Замечание общего порядка N 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 14.

<20> Там же.

<21> Там же.

<22> Там же, пункт 12.

Комитет напоминает, что... право [на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным судом], признаваемое за всеми лицами в контексте рассмотрения любых предъявляемых им уголовных обвинений, также распространяется на деяния, которые являются уголовными по своему характеру и которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учетом их цели, характера или строгости <23> (пункт 7.8 Соображения).

<23> См. Замечание общего порядка N 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 15.

[В] тех случаях, когда высший суд страны действует в качестве суда первой и единственной инстанции, отсутствие права на пересмотр вышестоящим судом не компенсируется тем фактом, что лицо судимо верховным судом государства-участника; такая система скорее не совместима с Пактом, кроме как если соответствующее государство-участник сделало оговорку в этом отношении <24>. С учетом уголовного характера меры наказания, назначенной автору, Комитет считает, что в данном случае отсутствие у автора возможности добиться пересмотра приговора представляет собой нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта (пункт 7.11 Соображения).

<24> Там же, пункт 47.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобы автора о том, что вынесенный ему приговор к тюремному

заключению за неподчинение судебному решению о применении временных мер защиты конституционных прав был принят в нарушение его права на личную свободу и права не подвергаться произвольному аресту или задержанию, предусмотренных статьей 9 Пакта. Автор утверждает, что государство-участник провело судебное разбирательство в конституционном суде и назначило ему меру наказания в виде тюремного заключения, не прибегнув при этом к уголовному судопроизводству, и что тем самым Конституционная палата Верховного суда превысила свои полномочия, поскольку за проведение расследований по подозрению в совершении преступлений и, в случае необходимости, возбуждение дела в уголовном суде отвечает прокуратура... [Г]осударство-участник заявило, что приговор за неподчинение судебному приказу был вынесен автору в порядке осуществления Конституционной палатой своих полномочий назначать наказания и был продиктован невыполнением обеспечительных мер, предписанных 12 марта 2014 г., а не в порядке уголовного преследования. Несмотря на то, что в статье 31 Органического закона о защите конституционных прав и гарантий не оговаривается, какой именно орган компетентен устанавливать факт неподчинения и в рамках какой процедуры, передача дела в уголовный суд отняла бы слишком много времени и могла оказаться неэффективной с учетом того, что прокуратура могла прекратить расследование, а уголовный суд - отклонить дело (пункт 7.2 Соображения).

Автор... утверждает, что в статье 31 Органического закона о защите конституционных прав и гарантий, на основании которой ему был вынесен приговор, регламентируются случаи неподчинения окончательным решениям, касающимся существа ходатайств о применении процедуры ампаро <25>, а не временных обеспечительных мер; что исполнительный судья, отвечавший за обеспечение его обвинительного приговора, отказал автору в запрошенных им процедурных гарантиях и привилегиях, включая рассмотрение вопроса о назначении альтернативной меры наказания, пересмотр срока наказания и проведение психосоциальной оценки, сославшись на то, что речь не шла об «обычном уголовном разбирательстве»; что упомянутое шоссе <26> не находилось в ведении муниципальных органов власти; и что выполнить временные меры не представлялось возможным, поскольку после даты вынесения соответствующего судебного постановления на дорогах общего пользования в Сан-Диего уже не оставалось баррикад, как это было подтверждено свидетелями защиты, сотрудниками прокуратуры и Канцелярии народного защитника (пункт 7.3 Соображения).

<25> Средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем.

<26> Иск был подан против автора и заместителя директора муниципальной полиции в связи с предполагаемым невыполнением обязанности разоблачить баррикады, возведенные жителями муниципалитета Сан-Диего, в частности на объездном шоссе Барбула-Ягуа. Ходатайство было подано в отношении муниципальных органов власти, несмотря на то, что указанное шоссе не относится к их ведению, а находится в хозяйственном ведении центрального правительства и под его контролем.

Комитет отмечает, что в данном случае обе стороны согласны признать, что в венесуэльском законодательстве предусмотрена обычная уголовная процедура, в рамках которой автор мог бы быть привлечен к ответственности за преступление, состоящее в неподчинении решению суда, хотя государство-участник и заявило, что данная процедура могла бы занять слишком много времени и оказаться неэффективным средством обеспечения временных мер защиты, и что обе стороны также указали, что в нормативном положении, на основании которого автор был осужден за неподчинение, не уточняется ни компетентный орган, ни порядок установления факта преступного деяния... Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло утверждений автора о том, что нормативное положение, на которое Конституционная палата опиралась в своем решении, регламентирует случаи неподчинения окончательным решениям о применении процедур ампаро, а не решениям о временных мерах и что исполнительный судья, отвечавший за обеспечение обвинительного приговора, отказал автору в запрошенных им процедурных гарантиях и привилегиях, поскольку речь не шла об обычном уголовном разбирательстве. Государству-участнику также не удалось убедительным образом опровергнуть утверждения автора о невозможности выполнения указанных временных мер (пункт 7.5 Соображения).

Комитет считает, что решение приговорить автора к тюремному заключению сроком на 10 месяцев и 15 дней и отстранить его от должности мэра не имеет под собой надлежащей правовой основы и что государство-участник не смогло доказать, что мера, принятая для достижения предполагаемой цели, носила разумный, необходимый и соразмерный характер... Комитет считает, что содержание автора под стражей было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9 Пакта (пункт 7.6 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобу автора по статье 10 Пакта о том, что он содержался в одиночном заключении в штрафном изоляторе военной тюрьмы без связи с внешним миром, в камере без окон, без доступа к другим зонам общего пользования, что возможности общения были строго ограничены и что он подвергался личным обыскам. Государство-участник оспорило утверждение автора о доступе к помещениям общего пользования и о действовавшем режиме общения, но никак не прокомментировало остальные утверждения, в частности в свете заявления автора о том, что условия содержания автора и других заключенных в блоке В были зафиксированы в акте, составленном директором Управления Прокуратуры по вопросам защиты основополагающих прав и директором Национального военного дисциплинарного центра, в след за чем практика содержания заключенных без связи с внешним миром была прервана на два дня, а затем возобновлена с новой силой, а условия содержания ухудшились. ... Комитет считает, что содержание автора под стражей в описанных условиях представляет собой нарушение статьи 10 Пакта (пункт 7.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобу автора о нарушении его права на справедливое и публичное

разбирательство дела компетентным судом (пункт 7.8 Соображения).

С учетом не оспоренных государством-участником замечаний автора по поводу того, что в соответствии с положением, на основании которого был вынесен обвинительный приговор, уголовная ответственность вводится за невыполнение окончательных решений по процедуре ампаро, а не решений о принятии временных мер, а также того, что в данном положении не оговаривается, какая судебная инстанция и в каком порядке компетентна устанавливать факт преступного деяния, Комитет приходит к выводу о том, что судебное разбирательство в отношении автора и вынесенный Конституционной палатой по его итогам обвинительный приговор за неподчинение приказу о принятии временных мер представляют собой нарушение права автора на разбирательство дела компетентным судом, закрепленного в пункте 1 статьи 14 Пакта (пункт 7.9 Соображения).

Что касается гарантий надлежащей правовой процедуры, то Комитет принимает к сведению не опровергнутые государством-участником утверждения автора о том, что он не был лично уведомлен о вынесенном 17 марта 2014 г. постановлении о назначении на 19 марта слушания в связи с предполагаемым неподчинением судебному решению о принятии временных мер и что на подготовку защиты у него оставались всего лишь сутки. Автор также указал, что из предьявленного им 131 доказательства к делу были приобщены всего шесть, причем одно из них было лишь частично воспроизведено в зале суда. В связи с этим Комитет считает, что описанные факты свидетельствуют о нарушении права автора на минимальные процессуальные гарантии, изложенные в пункте 3 статьи 14 Пакта (пункт 7.10 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобу автора о том, что его дело рассматривалось в уголовном порядке единственной инстанцией, а именно высшим судебным органом Венесуэлы (пункт 7.11 Соображения).

[А]втор утверждает, что Конституционная палата Верховного суда произвольно отстранила его от исполнения обязанностей мэра, несмотря на то, что в соответствии со статьей 87 Органического закона об органах муниципального управления подобные решения входят в сферу компетенции муниципального совета. Государство-участник заявило, что наличие окончательного приговора служит одним из оснований полного отсутствия на посту, которое в свою очередь оправдывает смещение мэра с должности в соответствии с вышеупомянутым положением. Сделав вывод о том, что содержание автора под стражей на основании приговора, вынесенного за неподчинение судебному решению о принятии временных мер защиты, носило произвольный характер и что разбирательство по его делу было проведено с нарушением гарантий надлежащей правовой процедуры, предусмотренных в статье 14 Пакта, Комитет считает, что смещение автора с должности мэра и фактическое поражение в праве голосовать и быть избранным представляют собой нарушение пункта b) статьи 25 Пакта (пункт 7.12 Соображения).

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении статьи 9; 10; пунктов 1, 3 и 5 статьи 14; и пункта б) статьи 25 Пакта (пункт 8 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 9536/10 «Федорин против России» (вынесено вступило в силу 15 ноября 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих условий содержания Федорина Д.В. (далее - заявитель) в помещении отдела ФСКН России, пунктов 1 и 4 статьи 5, а также пункта 1 статьи 6 Конвенции - в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей в отсутствие протокола о задержании и ненадлежащим рассмотрением областным судом жалобы заявителя на постановление о продлении срока содержания его под стражей и жалобы на приговор по его уголовному делу.

Заявитель жаловался на то, что условия его содержания под стражей в помещении ФСКН нарушали статью 3 Конвенции. Заявитель утверждал, что он содержался под стражей в течение примерно 22 часов в грязной камере, в которой отсутствовали базовые удобства, необходимые для содержания под стражей. Ему также не предоставлялись еда или питье.

Европейский Суд посчитал «неприемлемым содержание лица под стражей в условиях, в которых не обеспечена возможность удовлетворения его базовых потребностей. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (пункты 15 - 16 постановления).

Заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, жаловался на то, что содержание его под стражей с 14 по 15 октября 2009 г. было незаконным.

Европейский Суд отметил, что власти не отрицали, что задержание заявителя было официально оформлено только на следующий день и пришел к выводу о том, что «содержание заявителя под стражей с 14 по 15 октября 2009 г. осуществлялось не «в порядке, установленном законом», и что оно, следовательно, противоречит пункту 1 статьи 5 Конвенции... Соответственно, было допущено нарушение данного положения» (пункты 22 - 23 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что ему было отказано в праве на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение из-под стражи до суда в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «[з]аявитель был задержан 14 октября 2009 г. и признан виновным 12 февраля 2010 г. Таким образом, подлежащий рассмотрению период составляет чуть меньше четырех месяцев» (пункт 28 постановления).

Суд отметил, что «задержание заявителя было обусловлено наличием разумного подозрения в том, что он торговал наркотическими веществами» (пункт 29 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «российские суды придали особое значение риску того, что заявитель может скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью. Оценка данного риска основывалась на его предыдущих судимостях, отсутствии работы и семьи. В этих обстоятельствах выводы

национальных судов о том, что заявитель мог скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью, не выглядят необоснованными. Несмотря на то, что отсутствие у заявителя работы или семьи не могло само по себе послужить основанием для помещения его под стражу, данные обстоятельства могли упрочить опасения того, что он может скрыться» (пункт 31 постановления).

Суд также отметил, что «заявитель содержался под стражей менее четырех месяцев. Ничто в представленных материалах не свидетельствует о наличии существенного периода бездействия со стороны органов прокуратуры или суда... [К]омпетентные национальные органы продемонстрировали особую тщательность при рассмотрении дела заявителя» (пункт 32 постановления).

Европейский Суд заключил, что «нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было» (пункт 33 постановления).

Заявитель также жаловался, что ни он, ни его адвокат не присутствовали на слушании, на котором была рассмотрена его кассационная жалоба и продлено содержание под стражей.

Европейский Суд напомнил, что «отсутствие заявителя и (или) его адвоката в ходе рассмотрения кассационной жалобы влечет за собой нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 38 постановления).

Суд заключил, что в данном случае «имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 40 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, было нарушено в связи с необеспечением национальным судом участия его и (или) его адвоката на слушании, на котором была рассмотрена кассационная жалоба.

Европейский Суд отметил, что «в российской правовой системе отсутствие заявителя и (или) адвоката при рассмотрении кассационной жалобы нарушает принцип равенства сторон» (пункт 45 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что «рассмотрение кассационной жалобы проходило в отсутствие заявителя и его адвоката, в то время как в зале суда присутствовал прокурор, который представлял свою позицию устно» (пункт 46 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «в данном отношении имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункт 47 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 40979/04 «Трутько против России» (вынесено 6 декабря 2016 г., вступило в силу 6 марта 2017 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным заключением Трутько М.А. (далее - заявительница) в целях ее судебно-психиатрического обследования и незаконным содержанием ее в психиатрическом учреждении.

Заявительница жаловалась на то, что ее пребывание в психиатрическом учреждении с 9 по 13 апреля 2004 г. с целью проведения судебно-психиатрической экспертизы в стационаре было нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Власти утверждали, что пребывание заявительницы в психиатрическом учреждении с целью проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы было осуществлено в соответствии с национальным уголовно-процессуальным законодательством. Было отмечено, что заявительнице была предоставлена возможность обжалования решения городского суда и предоставления своих аргументов во время слушания в кассационной инстанции.

Европейский Суд установил, что «[в] настоящем деле стороны не оспаривали, что исполнение судебного решения о судебно-психиатрической экспертизе заявительницы было связано с лишением свободы» (пункт 32 постановления).

Суд отметил, что «[б]ольшинство дел, связанных с принудительной госпитализацией, были рассмотрены в соответствии с пунктом 1 (е) статьи 5 Конвенции, которая допускает задержание лиц «душевнобольных». Несмотря на значительную степень схождения между этими делами и настоящим делом, очевидно, что настоящее дело подлежит рассмотрению в соответствии с пунктом 1 (b) статьи 5 Конвенции, в котором предусматривается *inter alia*<27>, в частности, задержание за неисполнение судебного решения, вынесенного в этот же день на основании ходатайства прокурора от 4 ноября 2003 года о необходимости прохождения экспертизы заявителем, и после серии переносов судебных заседаний, заявительница была задержана в соответствии с решением суда 9 апреля 2004 года. В отношении лица, которому судом была назначена принудительная психиатрическая экспертиза, цель содержания под стражей в соответствии с подпунктом (b) пункта 1 статьи 5 Конвенции, заключалась в обеспечении исполнения судебного решения о прохождении заявителем психиатрической экспертизы, которая, по мнению компетентных национальных органов, была необходима в целях определения страдает ли человек каким-либо психическим расстройством. Именно в этом и состоял смысл судебного решения, вынесенного городским судом 4 ноября 2003 г.» (пункт 33 постановления).

<27> Среди прочего.

Суд также установил, что «судебно-психиатрическая экспертиза заявительницы была назначена компетентными национальными органами во время досудебного расследования предполагаемого оскорбления судей и неуважения к суду. 4 ноября 2003 г. городской суд вынес решение о проведении экспертизы заявительницы со ссылкой на статью 165 Кодекса <28>, которая требует судебного решения на определенные следственные действия и пункта 2 статьи 203 Кодекса <29>, что позволяет подозреваемому быть задержанным с целью психиатрической экспертизы. Нет никаких доказательств того, что заявительница или ее представители были уведомлены о заседании, в то время как прокурор и следователь присутствовали и делали устные заявления» (пункт 37 постановления).

<28> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

<29> Там же.

Европейский Суд подчеркнул, что он не сомневается, что «необходимые требования уголовного расследования могут оправдать *ex parte*<30> слушания по судебному разрешению определенных следственных действий в соответствии со статьей 165 Кодекса <31> (например, домашний и личный обыск и перехват корреспонденции). В этом контексте слушание *ex parte* служит для повышения эффективности расследований и сдерживает вероятность того, что доказательства были подделаны или уничтожены. Однако помещение лица в медицинское или психиатрическое учреждение для судебно-медицинской экспертизы, по-видимому, не подпадает под категорию, к которой вышеуказанные соображения могут быть применены в равной степени» (пункт 38 постановления).

<30> Без уведомления или в отсутствие другой стороны.

<31> Там же.

Суд отметил, что «вышеупомянутые следственные меры включают содержание в специализированном медицинском учреждении, лишение свободы, которое в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции должно быть защищено от произвола. Важность гарантий в этом контексте еще больше усиливается тем фактом, что помещение в специализированное медицинское учреждение часто приводит к вмешательству в личную жизнь и физическую неприкосновенность личности посредством медицинских вмешательств против воли человека» (пункт 39 постановления).

Европейский Суд посчитал, что «[в] настоящем деле заявительница не была уведомлена и не имела возможности участвовать или присутствовать на слушании от 4 ноября 2003 г. в городском суде по вопросу ее помещения в психиатрическое учреждение. Национальный суд удовлетворил ходатайство следователя, не сочтя необходимым вызвать заявительницу или рассмотреть вопрос отсутствия заявительницы и дать какое-либо заключение по данному вопросу, приведшему к такому явному последствию судебного решения, как лишение свободы» (пункт 41 постановления).

Суд установил, что «заявительница могла обжаловать судебное решение от 4 ноября 2003 г. Однако она была задержана властями 9 апреля 2004 г. и помещена в Центр судебной психиатрии и освобождена через пять дней после того, как ее принудительная судебно-психиатрическая экспертиза была завершена. Кассационное заседание в областном суде состоялось через две недели 27 апреля 2004 г. Довод заявительницы об ее отсутствии на слушании в городском суде был отклонен со ссылкой на статьи 165 и 203 Кодекса <32>» (пункт 42 постановления).

<32> Там же.

Европейский Суд отметил, что «Конституционный Суд Российской Федерации в определении N 206-О от 18 июня 2004 года, пришел к выводу, что суд не может выносить постановления в соответствии со статьей 203 Кодекса <33>, не предоставляя подозреваемому и/или его представителю возможность быть заслушанным <34>» (пункт 43 постановления).

<33> Там же.

<34> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2004 г. N 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Суд посчитал, что «разбирательство, приведшее к пятидневному содержанию заявительницы в Судебно-психиатрическом центре, не соответствовало требованию статьи 5 Конвенции, поскольку ее задержание было произвольным... Хотя статья 165 Кодекса действительно предусматривает проведение ex parte слушаний по соответствующим ходатайствам, ничто в материалах сторон не указывает на то, что российским судам было бы запрещено вызывать заявительницу, если они сочли необходимым ее присутствие. Кроме того, в вышеуказанном определении Конституционного Суда Российской Федерации четко указано, что внутреннее законодательство - статья 203 Кодекса <35> - предусматривает участие подозреваемых в слушаниях» (пункт 44 постановления).

<35> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Европейский Суд пришел к выводу, что «[в] настоящем деле заявительница не только не смогла представить свои доводы против ее задержания до вынесения соответствующего решения суда, но и национальные суды предпочли пренебречь аспектом лишения свободы даже после того, как вопрос об отсутствии заявительницы на заседании был поднят в кассационной инстанции... [С]одержание заявительницы в заключении с 9 по 13 апреля 2004 г. было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункты 45 - 46 постановления).

См. также вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе N 41858/08 «Идалов против России (N 2)» (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей. Постановления по жалобе N N 9070/14 и др. «Меметов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), N N 68433/10, 55250/13 и 44979/14 «Соловьев и другие против России» (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), N N 54675/12, 76168/12, 56974/13, 10613/14, 18259/14, 36650/14, 12127/15 и 22190/15 «Музыченко и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N N 73864/10, 402/14, 5312/14, 6122/14, 8839/14, 10032/14, 14402/14,

18003/14, 19701/14, 23028/14 и 14573/15 «Мальков и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N 9536/10 «Федорин против России» (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г. (приведено выше)).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 20758/04 «Турьев против России» (вынесено 11 октября 2016 г., вступило в силу 11 января 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции - в связи с нарушением принципа презумпции невиновности, выразившимся в заявлениях прокурора в СМИ о виновности Турьева С.А. до вынесения приговора по его уголовному делу.

Заявитель жаловался на нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции, а именно, что прокурор в интервью газете до вынесения решения суда предопределил, что заявитель будет осужден.

Европейский Суд подчеркнул, что «[п]ункт 2 статьи 6 [Конвенции] ограничивает должностные лица в объявлении человека виновным до вынесения приговора судом. Официальные лица могут доводить до обществу информацию о проведении уголовных расследований, например, репортажи о подозреваемых, арестах и признательных показаниях, если они делают это тактично и осмотрительно» (пункт 19 постановления).

Суд установил, что «[с]лова прокурора, напечатанные в [газете], были далеки от тактичности или осмотрительности. Он определил заявителя по его имени и фамилии и обозначил его как «убийцу» одной жертвы и «соучастником в убийстве» другой жертвы. Это больше, чем... простые факты, обнаруженные в ходе расследования, это безоговорочное объявление виновным» (пункт 20 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «слова прокурора, исходящие от властей, особенно убедительны в глазах общественности. Откровенные комментарии прокурора были четким заявлением о виновности заявителя, которое, во-первых, призвало общественность поверить в его виновность и, во-вторых, предвосхитило оценку фактов компетентным судебным органом... [P]уководство прокурора нашло интервью незачинным... Таким образом, имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции» (пункты 21 - 23 постановления).

См. также вышеприведенные Соображение Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу ВинченцоСкараноСписсо против Боливарианской Республики Венесуэла; постановление Европейского Суда по жалобе N 41858/08 «Идалов против России (N 2)» (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.); постановление Европейского Суда по жалобе N 9536/10 «Федорин против России» (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.).

Вопросы выдачи

Решение Европейского Суда по жалобе N 52286/14 «Абдулажон Исаков против России» (решение вынесено и вступило в силу 28 июля 2016 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба представителя А.М. Исакова на предполагаемое похищение указанно-го лица.

Адвокат заявителя утверждала, что А.М. Исакова похитили представители государства, которые затем вывезли его в Узбекистан, где он мог быть подвергнут обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. Она также утверждала, что предполагаемое перемещение А.М. Исакова в Узбекистан свидетельствует о нарушении статьи 34 Конвенции, поскольку Власти не выполнили указание Европейского Суда, данное им в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Власти утверждали, что они не располагают сведениями о местонахождении А.М. Исакова, что установить его истинные намерения или удостовериться в надлежащем представлении его интересов Н. Ермаевой, которая не предоставила действующей доверенности в ходе разбирательства в Европейском Суде, практически невозможно. Они также обратили внимание на то, что указанную жалобу могли подать родственники А.М. Исакова, как это происходит во многих делах о похищениях.

Европейский Суд подчеркнул, что «[о]бзор дел, в которых конвенционные органы в особых случаях допускали возможность для третьих лиц представлять интересы и действовать от имени уязвимого лица.. свидетельствует о наличии двух основных критериев: вероятности лишения прямой жертвы эффективной защиты его или ее прав и отсутствие конфликта интересов жертвы и интересов заявителя» (пункт 36 решения).

Суд установил, что «[п]редставленная [адвокатом заявителя] доверенность была заполнена А.М. Исаковым в связи с ранее поданной (в 2008 году) в Европейский Суд жалобой... и не может считаться действительной применительно к настоящему делу, которое затрагивает обстоятельства, наступившие после вынесения постановления по предыдущей жалобе» (пункт 38 решения).

Европейский Суд отметил, что «в первой жалобе говорилось о политических мотивах его обвинения в Узбекистане, что в случае экстрадиции он сразу окажется заключенным под стражу и что высока вероятность жестокого обращения с ним... Таким образом... А.М. Исаков может считаться уязвимым лицом, которое не в состоянии самостоятельно подать жалобу в Суд» (пункт 40 решения).

Суд установил «наличие у А.М. Исакова в России близких родственников. Племянник А.М. Исакова обращался в местное отделение полиции с заявлением о его исчезновении, а члены его семьи наняли адвоката для представления его интересов во время судебного разбирательства на национальном уровне. Более того, во время указанных разбирательств были допрошены сын и брат А.М. Исакова» (пункт 41 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что «не усматривает в настоящем деле особых обстоятельств, кото-

рые бы давали [адвокату заявителя] право действовать от имени А.М. Исакова, и приходит к заключению, что [адвокат заявителя] не имеет права подавать жалобу от имени А.М. Исакова. Из этого следует, что данная жалоба несовместима *rationemateriae* с положениями Конвенции в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35» (пункт 43 решения).

Ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения.

В Верховный Суд Российской Федерации по вопросам выдачи также поступили решения Европейского Суда по правам человека по жалобам N N 39496/14 и 39727/14 «Н. и М. против России» (решение о неприемлемости, вынесено 19 мая 2016 г.), N 16208/05 «Захаров против России» (решение об отказе в принятии жалобы, вынесено 16 февраля 2017 г.) и N 76558/16 «С.Б. против России» (решение об исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению Судом, вынесено 27 июля 2017 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
27 декабря 2017 г.

**ОБЗОР
ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ,
СВЯЗАННЫМ С ДОБРОВОЛЬНЫМ СТРАХОВАНИЕМ
ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН**

Рынок добровольного имущественного страхования в настоящее время характеризуется расширением спектра оказываемых финансовых услуг и предлагаемых субъектами страхового дела страховых продуктов, а также ростом числа граждан, использующих страховые услуги для защиты своих имущественных интересов.

Согласно Федеральному закону от 23 июля 2013 г. N 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» Банк России наделен полномочиями по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков за некредитными финансовыми организациями, включая субъектов страхового дела.

В соответствии с изменениями, внесенными указанным законом, усилен контроль за соблюдением прав потребителей страховых услуг, законностью и добросовестностью поведения на страховом рынке.

Верховным Судом Российской Федерации проводится систематическая работа по обобщению практики рассмотрения дел, связанных с добровольным имущественным страхованием.

Так, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации приняты постановления от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в котором разъяснены в том числе вопросы применения законодательства о защите прав потребителей к страховым отношениям, а также постановление от 27 июня 2013 г. N 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан», содержащее системные разъяснения всех аспектов регулирования добровольного страхования имущества.

К настоящему моменту накоплена значительная практика применения судами правовых норм, регулирующих имущественное страхование, с учетом названных постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Отдельные правовые позиции излагались в периодических обзорах Верховного Суда Российской Федерации.

Настоящий Обзор подготовлен в целях обеспечения эффективной защиты нарушенных прав и законных интересов страхователей, выгодоприобретателей и страховщиков, правильного и единообразного применения законов при рассмотрении дел соответствующей категории.

1. Страховая стоимость имущества, указанная в договоре страхования, не может быть впоследствии

оспорена, за исключением случая, когда страховщик, не воспользовавшийся до заключения договора своим правом на оценку страхового риска, был умышленно введен в заблуждение относительно этой стоимости.

К. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании невыплаченной суммы страхового возмещения, убытков, неустойки, процентов, штрафа и судебных расходов, сославшись на то, что 30 сентября 2014 г. между ним и ответчиком заключен договор добровольного комбинированного страхования принадлежащего истцу автотранспортного средства. В период действия договора страхования - 2 января 2015 г. - машина была похищена, однако сумма страхового возмещения ответчиком не выплачена.

Страховая компания обратилась в суд со встречным иском с требованием к К. о признании договора страхования ничтожным в части страховой суммы, взыскании судебных расходов.

Разрешая спор и отказывая в иске в части требования К. о взыскании в его пользу суммы невыплаченного страхового возмещения, суд первой инстанции сослался на то, что при страховании транспортного средства истца по первоначальному иску страховая сумма по договору была завышена.

С этим выводом согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций не соответствующими требованиям закона.

В соответствии со статьей 945 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) при заключении договора страхования имущества страховщик вправе произвести осмотр страхуемого имущества, а при необходимости назначить экспертизу в целях установления его действительной стоимости. При заключении договора личного страхования страховщик вправе провести обследование страхуемого лица для оценки фактического состояния его здоровья. Оценка страхового риска страховщиком на основании названной статьи необязательна для страхователя, который вправе доказывать иное.

На основании статьи 947 (пункт 1) ГК РФ сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение по договору имущественного страхования или которую он обязуется выплатить по договору личного страхования (страховая сумма), определяется соглашением страхователя со страховщиком в соответствии с правилами, предусмотренными этой статьей. При страховании имущества или предпринимательского риска, если договором страхования не предусмотрено иное, страховая сумма не должна превышать их действительную стоимость (страховую стоимость).

Согласно статье 948 ГК РФ страховая стоимость имущества, указанная в договоре страхования, не может быть впоследствии оспорена, за исключением случая, когда страховщик, не воспользовавшийся до заключения договора своим правом на оценку страхового риска (пункт 1 статьи 945 ГК РФ), был умышленно введен в заблуждение относительно этой стоимости.

Пунктом 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» разъяснено, что на основании статьи 945 ГК РФ при заключении договора страхования имущества страховщик вправе произвести осмотр страхуемого имущества, а при необходимости - назначить экспертизу в целях установления его действительной стоимости. В силу статьи 948 ГК РФ страховая стоимость имущества не может быть оспорена, если при заключении договора добровольного страхования между сторонами было достигнуто соглашение о ее размере. Вместе с тем, если страховщик, не воспользовавшийся до заключения договора своим правом на оценку страхового риска, был умышленно введен в заблуждение относительно его стоимости, то страховая стоимость имущества может быть оспорена.

Таким образом, действующие нормы ГК РФ и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации указывают на то, что проверка наличия и характера страхуемого интереса при заключении договора проводится по инициативе страховщика. Несовершение страховщиком этих действий впоследствии лишает его возможности ссылаться на несоответствие установленной в договоре страховой суммы действительной (рыночной) стоимости объекта страхования. После заключения договора страхования основанием оспаривания страховой стоимости имущества может служить только введение страховщика в заблуждение относительно действительной стоимости имущества.

Из полиса страхования следует, что стоимость застрахованного имущества не определена. При этом обстоятельств введения страховщика истцом в заблуждение установлено не было.

При таких обстоятельствах суды в нарушение приведенных выше правовых норм и акта их толкования не учли, что, если умышленных действий (обмана) со стороны страхователя, повлекших за собой введение страховщика в заблуждение относительно стоимости страхуемого объекта, не будет установлено, основания для определения иной, чем указано в договоре страхования, страховой суммы отсутствуют, а признание недействительным договора страхования в части превышения страховой стоимости над страховой суммой будет неправомерным.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. N 78-КГ17-27

2. Если иное не предусмотрено законом или иными правовыми актами, стороны договора добровольного страхования вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми, а также случаев, которые не могут быть признаны страховыми.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда, штрафа.

Судом установлено, что 19 октября 2011 г. между К. и ответчиком был заключен договор добровольного страхования принадлежащего К. автофургона по рискам «хищение (угон)»; «ущерб».

Согласно пункту 5.1.9 Правил страхования, являющихся частью указанного договора, по всем рискам не являются страховыми случаями события, произошедшие в случае передачи застрахованного транспортного средства в лизинг, аренду, прокат или залог без письменного согласования со страховщиком.

19 сентября 2012 г. между истцом и неизвестным лицом, представившим паспорт на имя Х., был заключен договор аренды автомобиля, на основании которого К. передал этому лицу застрахованный автомобиль с прилагающимися к нему документами, а также выдал доверенность на управление этим автомобилем.

16 октября 2012 г. К. обратился к страховщику с заявлением о наступлении страхового случая по риску «хищение».

14 января 2013 г. страховщик отказал истцу в выплате страхового возмещения со ссылкой на то, что факта неправомерного завладения транспортным средством не установлено.

23 апреля 2014 г. было возбуждено уголовное дело по факту хищения у истца автомобиля.

10 ноября 2014 г. ответчик повторно отказал истцу в выплате страхового возмещения со ссылкой на то, что в нарушение условий договора страхования К. передал автомобиль в аренду третьему лицу без согласия страховщика.

Частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что доказательств вины К. в хищении принадлежащего ему транспортного средства, а также наличия причинно-следственной связи между передачей автомобиля в аренду и его хищением ответчиком представлено не было, в связи с чем страховщик не может быть освобожден от обязанности по выплате страхового возмещения.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что поскольку передача автомобиля К. в аренду третьему лицу не была согласована со страховщиком, то хищение автомобиля по условиям договора страхования не может быть признано страховым случаем.

Отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, президиум городского суда указал, что страховщик может быть освобожден от обязанности по выплате страхового возмещения только по основаниям, предусмотренным законом, а именно статьями 963, 964 ГК РФ. Суд кассационной инстанции указал, что поскольку неисполнение обязанности по согласованию со страховщиком передачи автомобиля в аренду не предусмотрено законом в качестве такого основания, то страховщик не может быть освобожден от обязанности по уплате страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы президиума городского суда ошибочными.

В соответствии с пунктом 4 статьи 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (статья 422).

Согласно подпункту 2 пункта 1 статьи 942 названного кодекса при заключении договора имущественного страхования между страхователем и страховщиком должно быть достигнуто соглашение о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страховой случай).

Пунктом 2 статьи 9 Закона об организации страхового дела предусмотрено, что страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Из приведенных правовых норм следует, что стороны договора страхования вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми, а также случаев, которые не могут быть признаны страховыми.

Статьей 431 ГК РФ предусмотрено, что при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если это не позволяет определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон.

Судами установлено, что исходя из условий договора страхования событие, произошедшее после передачи застрахованного транспортного средства в аренду без письменного согласования со страховщиком, страховым случаем не является.

При таких обстоятельствах, суд второй инстанции пришел к правильному выводу о том, что поскольку автомобиль истца был похищен после передачи последним застрахованного автомобиля в аренду третьему лицу без получения согласия страховщика, то такое событие не является страховым случаем и обязанность по уплате истцу страхового возмещения у страховщика не возникает.

Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации
от 7 марта 2017 г. N 78-КГ17-5

В другом деле Р. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения, неустойки, штрафа.

Судом установлено, что 21 апреля 2015 г. между Р. и страховщиком заключен договор добровольного страхования принадлежащего Р. транспортного средства по риску «ущерб» и «хищение», Р. выдан страховой полис.

3 июня 2015 г. Ш., управляя застрахованным автомобилем, не избрала безопасную скорость движения, не справилась с управлением, в результате чего автомобилю Р. причинены механические повреждения. На

момент ДТП Ш. не имела водительского удостоверения на право управления транспортным средством.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Р. о взыскании страхового возмещения, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что произошедший случай страховым не является. При этом суд исходил из того, что в соответствии с условиями заключенного сторонами договора страхования событие, произошедшее в результате управления транспортным средством лицом, не имеющим на момент ДТП водительского удостоверения, а также управляющим транспортным средством в отсутствие законных оснований, не относится к страховому случаю.

Отменяя решение суда и частично удовлетворяя исковые требования Р., суд апелляционной инстанции указал, что договор страхования должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом на момент его заключения, при этом правила страхования и сам страховой полис не могут ухудшать права страхователя по сравнению с правилами, установленными законом. Указывая, что отсутствие у лица, управляющего транспортным средством, водительского удостоверения, а также отсутствие указания в договоре страхования на лицо, допущенное к управлению транспортным средством, не предусмотрено законом в качестве основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения, коллегия пришла к выводу о том, что произошедший случай следует признать страховым.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из положений статьи 943 ГК РФ следует, что условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования), и являются обязательными для страхователя (выгодоприобретателя), если в договоре (страховом полисе) прямо указывается на применение таких правил и сами правила изложены в одном документе с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне либо приложением к нему. В последнем случае вручение страхователю при заключении договора правил страхования должно быть удостоверено записью в договоре.

Договор страхования транспортного средства заключен сторонами в соответствии с Правилами добровольного страхования транспортных средств и спецтехники (далее - Правила страхования), а также в соответствии с дополнительными условиями страхования по страховому продукту (далее - дополнительные условия страхования), утвержденными страховщиком и являющимися частью договора страхования.

На полисе имеется отметка о получении Р. Правил страхования и дополнительных условий страхования, о ее ознакомлении с ними при заключении договора, что подтверждается ее подписью.

Пунктом 3.2 дополнительных условий страхования предусмотрен перечень событий, признаваемых стра-

ховыми случаями. Среди них гибель и повреждение транспортного средства в результате ДТП.

Согласно подпункту «б» пункта 4.1 дополнительных условий страхования не являются страховыми случаями указанные в пункте 3.2 случаи, произошедшие в результате управления транспортным средством лицом, не имеющим на момент ДТП водительского удостоверения на право управления транспортным средством соответствующей категории, а также управляющим застрахованным транспортным средством в отсутствие законных оснований (не являющимся собственником застрахованного транспортного средства, либо не имеющим доверенности на право управления застрахованным транспортным средством или путевого листа, либо не имеющим другого законного основания).

Таким образом, условиями заключенного сторонами договора страхования предусмотрено, что к страховым рискам относятся только те ДТП, в которых застрахованным транспортным средством управляло лицо, имеющее право на управление транспортным средством.

Поскольку автомобилем в момент ДТП управляла Ш., не имевшая водительского удостоверения, т.е. документа, подтверждающего ее право управления транспортными средствами, данное ДТП не относится к страховым случаям, наступление которых влечет обязанность страховщика по выплате страхового возмещения.

Удовлетворяя иски требования Р., суд апелляционной инстанции указал, что закон не предусматривает такого основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения, как отсутствие у лица, управлявшего транспортным средством в момент ДТП, водительского удостоверения. Освобождение страховщика от выплаты страхового возмещения возможно только по основаниям, предусмотренным статьями 961, 963, 964 ГК РФ.

Между тем суд апелляционной инстанции не учел, что данные нормы устанавливают случаи, когда страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения в той ситуации, когда страховой случай наступил.

Однако в настоящем споре страховой случай не наступил, в связи с чем оснований для применения указанных норм материального закона не имелось.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. N 49-КГ17-3

3. Договором добровольного страхования может быть предусмотрено, что утрата товарной стоимости не подлежит возмещению страховщиком.

А. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа.

Судом установлено, что принадлежащий истцу автомобиль застрахован ответчиком на основании договора добровольного комплексного страхования транспортного средства от 24 сентября 2013 г.

29 августа 2014 г. указанному автомобилю причинены механические повреждения, в связи с чем истец

обратилась к обществу с заявлением о наступлении страхового случая.

18 ноября 2014 г. автомобиль направлен на станцию технического обслуживания для проведения восстановительного ремонта.

31 августа 2016 г. А. направила страховой компании претензию с требованием возместить утрату товарной стоимости застрахованного автомобиля.

9 сентября 2016 г. страховая компания выплатила истцу денежную сумму в счет возмещения утраты товарной стоимости.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что утрата товарной стоимости добровольно выплачена истцу в полном объеме.

Отменяя решение суда первой инстанции в части отказа во взыскании неустойки, компенсации морального вреда, штрафа и принимая в этой части новое решение о частичном удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что восстановительный ремонт транспортного средства был проведен без учета утраты товарной стоимости, в связи с чем за период с момента направления автомобиля на ремонт до момента возмещения утраты товарной стоимости с общества подлежит взысканию неустойка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно пункту 1 статьи 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Пунктом 5 статьи 28 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон о защите прав потребителей) предусмотрено, что в случае нарушения установленных сроков выполнения работы (оказания услуги) или назначенных потребителем новых сроков исполнитель уплачивает потребителю за каждый день (час, если срок определен в часах) просрочки неустойку (пеню) в размере трех процентов цены выполнения работы (оказания услуги), а если цена выполнения работы (оказания услуги) договором о выполнении работ (оказании услуг) не определена - общей цены заказа. Договором о выполнении работ (оказании услуг) между потребителем и исполнителем может быть установлен более высокий размер неустойки (пени).

Таким образом, неустойка является мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется только в случае нарушения исполнителем установленных законом или договором сроков выполнения работы (оказания услуги).

В соответствии со статьей 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора (пункт 1).

Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (статья 422). В случаях, когда условие

договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой (пункт 4).

Пунктом 3 статьи 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» установлено, что под страховой выплатой понимается денежная сумма, которая определена в порядке, установленном федеральным законом и (или) договором страхования, и выплачивается страховщиком страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю при наступлении страхового случая.

Согласно пункту 11.3.2 Правил добровольного комплексного страхования транспортных средств, являющихся частью заключенного сторонами договора страхования, страховщиком не возмещаются убытки, возникшие в результате утраты товарной стоимости.

Таким образом, страховщик и страхователь заключили договор страхования, не предусматривающий обязанности возместить утрату товарной стоимости автомобиля.

Данное условие договора не противоречит каким-либо императивным правовым нормам и не ущемляет права страхователя.

Возмещение утраты товарной стоимости было осуществлено ответчиком исключительно по собственной инициативе и по собственному усмотрению, несмотря на отсутствие обязанности осуществить такое возмещение.

Однако суд апелляционной инстанции оставил без какой-либо оценки отсутствие у ответчика обязанности возместить истцу утрату товарной стоимости и взыскать с общества неустойку за просрочку исполнения несуществующего обязательства.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 г. № 16-КГ17-38

4. В случае сомнений относительно толкования условий договора добровольного страхования, изложенных в полисе и правилах страхования, и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора должно применяться толкование, наиболее благоприятное для потребителя (*contra proferentem*).

К. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа.

Судом установлено, что К. является собственником автомобиля.

Указанное транспортное средство застраховано у ответчика по договору добровольного страхования по риску «КАСКО» - «ущерб» и «хищение».

17 августа 2013 г. автомобиль истца был похищен.

Постановлением следователя по факту хищения неустановленным лицом автомобиля истца возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 Уголовного ко-

декса Российской Федерации (далее - УК РФ) (мошенничество).

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что в соответствии с Правилами страхования транспортных средств, утвержденными страховщиком, хищение автомобиля путем мошенничества не является страховым случаем.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и частично удовлетворяя исковые требования К., пришел к выводу о том, что поскольку договором страхования предусмотрена обязанность страховщика выплатить страховое возмещение в случае хищения автомобиля, постольку требование истца подлежит удовлетворению.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации согласилась с выводами суда апелляционной инстанции, указав, в частности, следующее.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 943 ГК РФ условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования).

Условия, содержащиеся в правилах страхования и не включенные в текст договора страхования (страхового полиса), обязательны для страхователя (выгодоприобретателя), если в договоре (страховом полисе) прямо указывается на применение таких правил и сами правила изложены в одном документе с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне либо приложены к нему. В последнем случае вручение страхователю при заключении договора правил страхования должно быть удостоверено записью в договоре.

Вместе с тем при заключении договора страхования страхователь и страховщик могут договориться об изменении или исключении отдельных положений правил страхования и о дополнении правил (пункт 3 статьи 943 ГК РФ).

Согласно абзацу первому статьи 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Как установлено судом, договор страхования между сторонами заключен путем выдачи страховщиком страхового полиса, в котором в качестве событий, на случай которых осуществляется страхование, указаны ущерб и хищение. Каких-либо исключений относительно данных страховых рисков в полисе не содержится.

Заключительные положения страхового полиса содержат указание на то, что Правилами страхования стороны договора руководствуются по вопросам, не урегулированным данным полисом.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции, исходя из буквального толкования условий, изложенных в страховом полисе, пришел к правильно-

му выводу о том, что при заключении договора страхования сторонами в соответствии с приведенным выше пунктом 3 статьи 943 ГК РФ страховой риск (а при его наступлении - страховой случай) определен как хищение, независимо от его формы и способа.

Толкование судом апелляционной инстанции условия договора о страховом случае соответствует также и положениям законодательства о защите прав потребителей.

Согласно пункту 1 статьи 16 Закона о защите прав потребителей условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными.

Данная норма, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, направлена на защиту прав потребителей как экономически более слабой и зависимой стороны в гражданских отношениях с организациями и индивидуальными предпринимателями (от 4 октября 2012 г. № 1831-О и др.).

Пунктом 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» прямо разъяснено, что стороны вправе включать в договор добровольного страхования имущества условия о действиях страхователя, с которыми связывается вступление в силу договора, об основаниях для отказа в страховой выплате, о способе расчета убытков, подлежащих возмещению при наступлении страхового случая, и другие условия, если они не противоречат действующему законодательству, в частности статье 16 Закона о защите прав потребителей.

С учетом изложенного в случае сомнений относительно толкования условий договора, изложенных в политике и правилах страхования, и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора должно применяться *contraferentem* толкование, наиболее благоприятное для потребителя, особенно тогда, когда эти условия не были индивидуально с ним согласованы.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2015 г. № 18-КГ15-47

5. В случае причинения вреда имуществу в период действия договора добровольного страхования страхователь имеет право на выплату страхового возмещения, которая не может быть поставлена в зависимость от того, что подача заявления о выплате страхового возмещения имела место после прекращения действия договора добровольного страхования.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения, неустойки и штрафа в размере 50% от определенной к взысканию денежной суммы.

Судами установлено, что К. на праве собственности принадлежит автомобиль, застрахованный ответчиком по договору добровольного страхования транспортного средства. Срок действия договора страхования установлен с 7 июня 2013 г. по 6 июня 2014 г.

По утверждению истца, 2 июня 2014 г. в результате вылета камней из-под колес встречного транспортного средства было повреждено ветровое стекло его автомобиля.

11 июня 2014 г. истец обратился к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения, 18 июня 2014 г. транспортное средство было представлено страховщику на осмотр.

1 июля 2014 г. страховщик отказал в выплате страхового возмещения, мотивировав свой отказ тем, что истец подал заявление о выплате страхового возмещения после прекращения действия договора страхования.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что страховой случай наступил в период действия договора страхования, о наступлении страхового случая страховая компания была уведомлена истцом по телефону «горячей линии» в период срока действия договора.

Суд апелляционной инстанции не согласился с этими выводами, указав, что в деле отсутствуют доказательства о сообщении истцом о страховом событии ответчику 2 июня 2014 г. по телефону «горячей линии».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая выводы суда апелляционной инстанции ошибочными, указала следующее.

Согласно статье 9 (пункт 2) Закона об организации страхового дела страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Как разъяснено в пункте 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан», страховой случай включает в себя опасность, от которой производится страхование, факт причинения вреда и причинную связь между опасностью и вредом и считается наступившим с момента причинения вреда (утраты, гибели, установления недостачи или повреждения застрахованного имущества) в результате действия опасности, от которой производилось страхование. При выявлении причиненного вреда за пределами срока действия договора лицо, в пользу которого заключен договор страхования (страхователь, выгодоприобретатель), имеет право на страховую выплату, если вред был причинен либо начал причиняться в период действия договора. Если по обстоятельствам дела момент причинения вреда не может быть достоверно определен, вред считается причиненным в момент его выявления.

Таким образом, в случае причинения вреда имуществу в период действия договора страхования страхователь имеет право на выплату страхового возмещения, которая не может быть поставлена в зависимость от того, что подача заявления о выплате страхового возмещения имела место после прекращения действия договора страхования.

Статьей 961 ГК РФ установлено, что страхователь по договору имущественного страхования после того, как

ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок и (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в условленный срок и указанным в договоре способом. Такая же обязанность лежит на выгодоприобретателе, которому известно о заключении договора страхования в его пользу, если он намерен воспользоваться правом на страховое возмещение (пункт 1).

Неисполнение обязанности, предусмотренной пунктом 1 названной статьи, дает страховщику право отказать в выплате страхового возмещения, если не будет доказано, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не могло сказаться на его обязанности выплатить страховое возмещение (пункт 2).

Как разъяснено в абзаце третьем пункта 29 указанного постановления, страхователь или выгодоприобретатель имеет возможность оспорить отказ страховщика в выплате страхового возмещения, предъявив доказательства того, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая.

Суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении исковых требований, необоснованно не учел, что срок действия договора страхования, заключенного с истцом, истек 6 июня 2014 г., о наступлении страхового случая страховщик был уведомлен в период действия договора страхования.

Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации
от 2 августа 2016 г. N 44-КГ16-14

6. Страховщик не может быть освобожден от выплаты страхового возмещения по мотивам несовершенства страхователем действий по обжалованию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда застрахованному имуществу.

М. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании стоимости восстановительного ремонта, расходов по оценке, компенсации морального вреда, штрафа.

Судом установлено, что поврежденное транспортное средство, принадлежащее истцу, было им застраховано 20 марта 2013 г. по договору имущественного страхования у ответчика по риску КАСКО - «хищение» и «ущерб».

18 декабря 2013 г. истец обнаружил на своем автомобиле механические повреждения, в связи с чем обратился в органы внутренних дел.

Из постановления органа дознания следует, что в ходе проведенной проверки по заявлению М. установлено, что на автомобиле истца обнаружены механические повреждения, однако в возбуждении уголовного дела было отказано на основании пункта 1 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации со ссылкой на то, что в действиях неустановленного лица отсутствуют признаки состава преступления, поскольку потерпевший не может определить причиненную сумму ущерба.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что отсутствуют основания для выплаты страхового возмещения из-за недоказанности наступления страхового случая, то есть причинения истцу ущерба в заявленном размере вследствие повреждения транспортного средства в указанную истцом дату. Суд пришел к выводу о том, что, поскольку истец не оспаривал постановление органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в действиях неустановленного лица состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 167 УК РФ, он согласился с указанной формулировкой.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с такими выводами судов не согласилась и признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

В силу пункта 4 статьи 965 ГК РФ, если страхователь (выгодоприобретатель) отказался от своего права требования к лицу, ответственному за убытки, возмещенные страховщиком, или осуществление этого права стало невозможным по вине страхователя (выгодоприобретателя), страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения полностью или в соответствующей части и вправе потребовать возврата излишне выплаченной суммы возмещения.

В пункте 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» разъяснено, что не может свидетельствовать об отказе страхователя (выгодоприобретателя) от права требования к лицу, ответственному за убытки, а также о невозможности осуществления этого права по вине страхователя (выгодоприобретателя) несовершенство им действии по обжалованию постановлений органов дознания и предварительного следствия, которыми отказано в возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда (например, в связи с тем что размер ущерба является незначительным, поскольку имущество застраховано, либо в связи с выводом об отсутствии состава преступления в действиях неустановленных лиц, причинивших повреждения застрахованному имуществу) или приостановлено производство по уголовному делу до исчерпания всех возможностей установления лица, ответственного за вред.

Сам факт обращения в полицию с сообщением о противоправных действиях третьих лиц требует от правоохранительных органов проведения необходимых мероприятий, предполагающих розыск и установление лиц, совершивших правонарушение. Исходя из этого несовершенство истцом действий по обжалованию постановления органа дознания от 26 декабря 2013 г., которым в возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда отказано, не может свидетельствовать об отказе истца от права требования к лицу, ответственному за убытки, а также о невозможности осуществления этого права по вине страхователя.

Кроме того, отказывая в удовлетворении иска, суд исходил из того, что М. не представлено доказательств, свидетельствующих о наступлении страхового случая в соответствии с условиями заключенного между сторонами договора страхования.

Данный вывод сделан судом апелляционной инстанции с нарушением норм процессуального права, а именно части 1 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ), согласно которой при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Так, суд безосновательно не принял в качестве доказательства, свидетельствующего о наступлении страхового случая, постановление органа дознания, которым установлено, что транспортному средству истца были причинены механические повреждения.

Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации
от 3 ноября 2015 г. N 80-КГ15-19

7. Если договором добровольного страхования предусмотрено изменение в течение срока его действия размера страховой суммы, исходя из которой страхователем уплачена страховая премия по соответствующему для такой дифференцированной страховой суммы тарифу, то под полной страховой суммой при отказе страхователя от прав на имущество в пользу страховщика (абандон) следует понимать страховую сумму, определенную договором на день наступления страхового случая.

Ю. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании недоплаченного страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда, штрафа.

Как установлено судом, 3 сентября 2015 г. между Ю. и страховой организацией заключен договор добровольного страхования автомобиля по страховому риску «хищение» на срок с 9 сентября 2015 г. по 8 сентября 2016 г.

Дополнительным соглашением от 3 сентября 2015 г. к договору страхования предусмотрено изменение размера страховой суммы в течение срока действия договора страхования.

21 июля 2016 г. автомобиль Ю. был похищен.

16 августа 2016 г. страховая компания выплатила Ю. страховое возмещение в размере страховой суммы, установленной дополнительным соглашением от 3 сентября 2015 г. на день наступления страхового случая.

17 августа 2016 г. Ю. направил страховой компании претензию с требованием о выплате страхового возмещения в размере действительной стоимости имущества на момент заключения договора, однако данная претензия была оставлена без удовлетворения.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что размер страховой

выплаты, полученной Ю., установлен условиями договора страхования и не противоречит пункту 5 статьи 10 Закона об организации страхового дела.

С таким выводом согласилась Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Статьей 947 ГК РФ установлено, что сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение по договору имущественного страхования или которую он обязуется выплатить по договору личного страхования (страховая сумма), определяется соглашением страхователя со страховщиком в соответствии с правилами, предусмотренными названной статьей (пункт 1).

При страховании имущества или предпринимательского риска, если договором страхования не предусмотрено иное, страховая сумма не должна превышать их действительную стоимость (страховую стоимость). Такой стоимостью считается для имущества его действительная стоимость в месте его нахождения в день заключения договора страхования; для предпринимательского риска убытки от предпринимательской деятельности, которые страхователь, как можно ожидать, понес бы при наступлении страхового случая (пункт 2).

В развитие положения статьи 947 ГК РФ Закон об организации страхового дела в статье 3 (пункт 3) предусматривает, что добровольное страхование осуществляется на основании договора страхования и правил страхования, определяющих общие условия и порядок его осуществления. Правила страхования принимаются, утверждаются страховщиком или объединением страховщиков самостоятельно в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, названным законом и федеральными законами и содержат положения о субъектах страхования, об объектах страхования, о страховых случаях, о страховых рисках, о порядке определения страховой суммы, страхового тарифа, страховой премии (страховых взносов), о порядке заключения, исполнения и прекращения договоров страхования, о правах и об обязанностях сторон, об определении размера убытков или ущерба, о порядке определения страховой выплаты, о сроке осуществления страховой выплаты, а также исчерпывающий перечень оснований отказа в страховой выплате и иные положения (абзац первый).

По требованиям страхователей, застрахованных лиц, выгодоприобретателей, а также лиц, имеющих намерение заключить договор страхования, страховщики обязаны разъяснять положения, содержащиеся в правилах страхования и договорах страхования, и предоставлять, в частности, информацию о расчетах изменения в течение срока действия договора страхования страховой суммы, расчетах страховой выплаты или выкупной суммы (если такие условия предусмотрены договором страхования жизни) (абзац четвертый).

Согласно пункту 5 статьи 10 Закона об организации страхового дела в случае утраты, гибели застрахованного имущества страхователь, выгодоприобретатель вправе отказаться от своих прав на него в пользу страховщика в целях получения от него страховой

выплаты (страхового возмещения) в размере полной страховой суммы.

В пункте 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» в случае полной гибели имущества, то есть при полном его уничтожении либо таком повреждении, когда оно не подлежит восстановлению, страхователю выплачивается страховое возмещение в размере полной страховой суммы в соответствии с пунктом 5 статьи 10 Закона об организации страхового дела (абандон).

Из содержания указанных норм и акта их разъяснения следует, что в случае полной утраты имущества и при отказе страхователя от прав на это имущество в пользу страховщика (абандон) страхователю подлежит выплата полная страховая сумма, которая определяется по соглашению страховщика со страхователем при заключении договора страхования.

При этом законом установлен запрет лишь на установление страховой суммы выше действительной стоимости имущества на момент заключения договора страхования.

Запрета на установление при заключении договора размера страховой суммы ниже действительной стоимости застрахованного имущества, в том числе путем последовательного уменьшения размера страховой суммы в течение действия договора страхования, законом не предусмотрено.

Требований о том, что определяемая при заключении договора страхования сумма должна быть равной страховой стоимости имущества либо о том, что при полной утрате имущества страхователю подлежит выплата не полная страховая сумма, а действительная стоимость утраченного имущества, нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона об организации страхового дела не содержат.

Из обстоятельств дела, как они установлены судом, следует, что стороны при заключении договора определили конкретную страховую сумму по договору, уменьшающуюся по периодам в течение действия договора страхования, исходя из которой страхователем уплачена страховая премия по соответствующему для такой дифференцированной страховой суммы тарифу.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 г. N 91-КГ17-7

8. В случае неисполнения страховщиком предусмотренного договором добровольного страхования обязательства произвести восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания автомобилей страхователь вправе потребовать возмещения стоимости восстановительного ремонта в пределах страховой суммы.

М. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании стоимости восстановительного ремонта автомобиля, утраты его товарной стоимости, неустойки, штрафа и судебных расходов.

В обоснование требований истец указал, что 6 февраля 2015 г. между ним и ответчиком заключен договор добровольного страхования принадлежащего

истцу автомобиля на срок с 8 февраля 2015 г. по 7 февраля 2016 г. по страховым рискам «ущерб + хищение». Форма выплаты страхового возмещения определена сторонами путем ремонта транспортного средства на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика.

10 августа 2015 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобиль истца был поврежден.

11 августа 2015 г. М. обратился к страховщику для подачи заявления о страховом случае, однако в принятии заявления ему было отказано. В этот же день заявление о страховом случае было направлено истцом по электронной почте, а 2 сентября 2015 г. направлена претензия.

В связи с отказом ответчика принять заявление и оценить размер ущерба истец был вынужден обратиться в дилерский центр, который произвел оценку стоимости восстановительного ремонта.

Удовлетворяя искивые требования М. частично, суд первой инстанции исходил из того, что страховой случай имел место, факт обращения истца к страховщику с заявлением о страховом случае и выплате возмещения, а также с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств установлен. Доказательств рассмотрения заявления истца и оснований для отказа в страховой выплате страховщик не представил.

Отменяя решение суда и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции указал, что страховой случай имеет место, но по условиям договора между истцом и ответчиком страховая выплата производится путем ремонта автомобиля на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными.

По общему правилу, установленному пунктом 3 статьи 10 Закона об организации страхового дела, обязательство по выплате страхового возмещения является денежным.

Согласно пункту 4 названной статьи Закона условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты (страхового возмещения) предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, - организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

В соответствии со статьей 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения (пункт 1).

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и потребовать возмещения убытков (пункт 2).

Согласно пункту 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г.

№ 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан», если договором добровольного страхования предусмотрен восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, осуществляемый за счет страховщика, то в случае неисполнения обязательства по производству восстановительного ремонта в установленные договором страхования сроки страхователь вправе поручить производство восстановительного ремонта третьим лицам либо произвести его своими силами и потребовать от страховщика возмещения понесенных расходов в пределах страховой выплаты.

Таким образом, в случае нарушения страховщиком обязательства произвести ремонт транспортного средства страхователь вправе потребовать возмещения стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

С учетом изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что при указанных выше обстоятельствах у истца отсутствует право требовать выплаты стоимости восстановительного ремонта, противоречит приведенным нормам права и постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан».

Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации
от 3 октября 2017 г. № 49-КГ17-19

9. Если обязанность по выплате страхового возмещения была исполнена страховщиком в большем размере, излишне выплаченная сумма подлежит возврату как неосновательное обогащение.

Страховая организация обратилась в суд с иском к О. о взыскании суммы неосновательного обогащения, в обоснование исковых требований указав, что 12 августа 2013 г. между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства О. по рискам «хищение» и «ущерб». 15 июля 2014 г. представитель О. обратился в страховую компанию с заявлением о наступлении страхового случая в виде повреждения автомобиля, однако в установленный срок страховое возмещение обществом выплачено не было. В связи с этим О. обратилась в суд с требованием о взыскании страхового возмещения. Во время судебного разбирательства страховая компания произвела выплату страхового возмещения в размере, значительно превышающем стоимость восстановительного ремонта автомобиля, впоследствии определенную судом на основе выводов судебной экспертизы.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, руководствовался статьей 1102 ГК РФ и исходил из того, что обязанность выплатить сумму страхового возмещения, превышающую размер установленного ущерба, ни договором страхования, ни правилами страхования автотранспортных средств не предусмотрена. В связи с этим ранее выплаченная сумма страхового возмещения, превышающая реальный ущерб, является неосновательным обогащением ответчика и подлежит взысканию с нее.

Суд второй инстанции принял новое решение об отказе в удовлетворении иска, указав на то, что выплаченное страховой компанией страховое возмещение не может считаться неосновательным обогащением, поскольку его выплата была произведена в рамках договорных отношений. Одновременно судебная коллегия, ссылаясь на пункт 4 статьи 1109 ГК РФ, пришла к выводу, что страховщик не мог не знать, что выплата страхового возмещения производится им при отсутствии обязательства, а потому сумма неосновательно обогащения не подлежала возврату.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель), за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 данного кодекса.

В силу статьи 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством.

Из названной нормы права следует, что неосновательным обогащением следует считать не то, что исполнено в силу обязательства, а лишь то, что получено стороной в связи с этим обязательством и явно выходит за рамки его содержания.

Согласно подпункту 4 статьи 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

По смыслу данной нормы не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения денежная сумма, предоставленная во исполнение несуществующего обязательства.

Судом апелляционной инстанции установлено, что при наступлении страхового случая у страховщика возникло обязательство по выплате страхового возмещения, которое было исполнено путем перечисления на имя О. денежной суммы. При определении размера этой суммы страховщик исходил из экспертного заключения, подготовленного по его заказу.

Впоследствии решением суда было установлено, что ответчику надлежало выплатить страховое возмещение в меньшем размере, поскольку не все имевшиеся на машине повреждения были связаны со страховым случаем.

При таких обстоятельствах, когда обязанность по выплате страхового возмещения была исполнена в большем размере, чем было необходимо, излишне выплаченная сумма подлежала возврату как неосновательное обогащение, а положения подпункта 4 статьи

1109 ГК РФ были применены судом апелляционной инстанции необоснованно.

Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации
от 18 октября 2016 г. N 1-КГ16-23

10. Страхователь (выгодоприобретатель) по договору добровольного страхования вправе после совершения действий, указанных в пункте 2 статьи 956 ГК РФ, заменить себя другим лицом, заключив договор цессии, если иное не следует из договора и существа отношений между его сторонами.

Л. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Судом установлено, что по договору страхования от 17 октября 2013 г. застраховано транспортное средство на период с 17 октября 2013 г. по 16 октября 2016 г. Согласно указанному договору страхователем является ОАО «В.-Л.», выгодоприобретателем (кроме страховых случаев, «хищение» и «ущерб», на условиях «полная гибель») - ИП Г.

18 сентября 2014 г. произошел страховой случай.

4 марта 2015 г. с заявлением о наступлении страхового случая к страховщику обратился ИП Г.

8 апреля 2015 г. между ИП Г. и Л. заключен договор цессии, согласно которому Л. принимает права требования по взысканию ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия 18 сентября 2014 г., со страховщика.

Разрешая спор по существу и частично удовлетворяя заявленные иски, суд первой инстанции исходил из того, что автомобиль получил повреждения в период действия договора страхования и основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения отсутствуют.

Отменяя решение суда и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции указал, что в результате договора цессии произошла смена выгодоприобретателя, не допускаемая статьей 956 ГК РФ, а потому Л. не вправе требовать выплаты страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенными нарушениями норм материального права.

Согласно пункту 1 статьи 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее на основании обязательства кредитору, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или может перейти к другому лицу на основании закона.

Для перехода к другому лицу прав кредитора не требуется согласие должника, если иное не предусмотрено законом или договором (пункт 2 статьи 382 ГК РФ).

На основании пункта 1 статьи 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

В соответствии со статьей 388 ГК РФ уступка требования кредитором (цедентом) другому лицу (цессионарию) допускается, если она не противоречит закону (пункт 1). Не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника (пункт 2).

Пунктом 1 статьи 956 ГК РФ предусмотрено, что страхователь вправе заменить выгодоприобретателя, названного в договоре страхования, другим лицом, письменно уведомив об этом страховщика. Выгодоприобретатель не может быть заменен другим лицом после того, как он выполнил какую-либо из обязанностей по договору страхования или предъявил страховщику требование о выплате страхового возмещения или страховой суммы (пункт 2 названной статьи). Указанная норма, регламентируя замену выгодоприобретателя по требованию страхователя, направлена на защиту прав выгодоприобретателя, который своими действиями выразил волю на получение страхового возмещения, от действий страхователя, направленных на исключение выгодоприобретателя из страховых отношений.

Статья 956 ГК РФ не содержит каких-либо положений, ограничивающих уступку самим выгодоприобретателем либо страхователем, являющимся одновременно выгодоприобретателем, принадлежащих ему прав третьему лицу после того, как выгодоприобретатель выполнил какую-либо из обязанностей по договору страхования или предъявил страховщику требование о выплате страхового возмещения или страховой суммы.

В связи с этим страхователь (выгодоприобретатель) по договору страхования не лишен права после совершения действий, указанных в пункте 2 статьи 956 ГК РФ, заменить себя другим лицом, заключив договор цессии, если иное не следует из договора страхования и существа отношений между его сторонами.

Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации
от 4 октября 2016 г. N 18-КГ16-148

11. Страхователь (выгодоприобретатель), предъявивший к страховщику иск о взыскании страхового возмещения, обязан доказать наличие договора добровольного страхования с ответчиком, а также факт наступления предусмотренного указанным договором страхового случая. Страховщик, возражающий против выплаты страхового возмещения, обязан доказать обстоятельства, с которыми закон или договор связывают возможность освобождения от выплаты страхового возмещения, либо вправе оспорить доводы страхователя о наступлении страхового случая, в частности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

З. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда, судебных расходов, штрафа.

В обоснование исковых требований истец указал, что 28 марта 2012 г. между ним и ответчиком заключен договор страхования автомобиля со сроком действия

с 28 марта 2012 г. по 27 марта 2013 г. В период действия договора страхования автомобиль сгорел, а его остатки были похищены, в связи с чем истец обратился в страховую компанию с заявлением о выплате страхового возмещения, представив все документы на транспортное средство и ключи. Ссылаясь на пункт 5 статьи 10 Закона об организации страхового дела, он считал, что отказался от своих прав на автомобиль в пользу страховщика и имеет право на получение от него страховой выплаты в размере полной страховой суммы.

Разрешая спор по существу, суд первой инстанции исходил из того, что истцом не было представлено достаточных допустимых доказательств, подтверждающих, что в результате произошедшего 18 мая 2012 г. пожара сгорело именно застрахованное ответчиком транспортное средство, остатки которого были похищены. При этом суд указал, что юридически значимыми обстоятельствами по делу о взыскании страхового возмещения являются наступление страхового случая и размер ущерба.

Отказывая в удовлетворении требований, суд указал, что истцом не было доказано наступление страхового случая, поскольку идентифицировать сгоревший автомобиль не представляется возможным ввиду необеспечения истцом сохранности застрахованного имущества. Также суд указал, что по указанной причине невозможно определить размер ущерба, причиненного как в результате пожара, так и в результате хищения.

Суд второй инстанции поддержал позицию районного суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

В соответствии с пунктом 2 статьи 9 Закона об организации страхового дела страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения предусмотрены статьями 961, 963, 964 ГК РФ.

По смыслу указанных норм на истце (страхователе) лежит обязанность доказать наличие договора страхования с ответчиком, а также факт наступления предусмотренного указанным договором страхового случая. Страховщик, возражающий против выплаты страхового возмещения, обязан доказать обстоятель-

ства, с которыми закон или договор связывают возможность освобождения от выплаты возмещения, либо вправе оспорить доводы страхователя о наступлении страхового случая, в частности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

Применительно к данному делу с учетом заявления истца о том, что застрахованный автомобиль был похищен, и наличием постановления о возбуждении уголовного дела по указанному факту страховая компания могла быть освобождена от обязанности выплатить возмещение только в случае представления ею доказательств о том, что автомобиль у истца не похищался.

Однако суд апелляционной инстанции в нарушение положений статьи 56 ГПК РФ неправильно распределил бремя доказывания и не предложил страховщику представить доказательства в обоснование его возражений.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2015 г. N 5-КГ15-188

12. В случае предъявления к страховщику требований, предусмотренных Законом о защите прав потребителей, бремя доказывания того, что застрахованное имущество использовалось страхователем (выгодоприобретателем) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, возлагается на истца.

Общественная организация по защите прав потребителей, действующая в интересах А.К., обратилась в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда, штрафа.

В обоснование иска общественная организация указала, что 17 июля 2013 г. между А.К.Р. и страховой компанией заключен договор страхования имущества - кафе-шашлычной, принадлежащей А.К. В период с 1 марта 2014 г. по 1 апреля 2014 г. произошло событие, имеющее признаки страхового случая - на наружной и внутренней стенах указанного строения появились трещины. А.К. обратилась к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения, однако ответчик отказал со ссылкой на то, что заявленное событие страховым случаем не является.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции сослался на то, что истцом не представлено доказательств наступления страхового случая - стихийного бедствия (паводка).

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что ущерб застрахованному имуществу был причинен в результате воздействия воды, вызванного повышением грунтовых вод, что является страховым случаем согласно договору страхования. Суд также указал, что поскольку А.К. не зарегистрирована в установленном порядке в качестве индивидуального предпринимателя и взаимосвязанных действий, направленных на получение прибыли,

не осуществляла, то ее деятельность по сдаче в аренду застрахованного нежилого строения предпринимательской деятельностью не является и к спорным правоотношениям подлежит применению Закон о защите прав потребителей, в связи с чем взыскал неустойку и штраф.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела были допущены нарушения норм материального и процессуального права.

Как установлено судом, объектом страхования является кафе-шашлычная, сдаваемая А.К. в аренду А.В.

Согласно преамбуле к Закону о защите прав потребителей потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Бремя доказывания того, что застрахованное имущество использовалось А.К. исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, возлагается на истца.

Суд апелляционной инстанции в нарушение статьи 56 ГПК РФ неправильно распределил бремя доказывания и не предложил истцу представить доказательства, подтверждающие использование ею застрахованного имущества исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, сама А.К. их также не представила.

Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации
от 11 октября 2016 г. N 47-КГ16-12

13. Перечисление на счет страхователя (истца) требуемой им денежной суммы не свидетельствует о необоснованности иска и не может служить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований в части этой суммы. Данное обстоятельство может служить основанием для указания суда о том, что уплаченная сумма подлежит зачету в счет исполнения решения об удовлетворении иска.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании недоплаченного страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, штрафа.

Судом установлено, что 19 июня 2011 г. между О. и страховой компанией заключен договор страхования автомобиля в том числе по риску «ущерб» сроком на 1 год.

В период действия договора страхования 23 мая 2012 г. в результате противоправных действий третьих лиц произошло возгорание автомобиля, что привело к его конструктивной гибели, в связи с чем О. обратилась к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения.

Ответчиком указанный случай был признан страховым, и 9 октября 2012 г. осуществлена страховая выплата.

Не согласившись с размером страхового возмещения, О. 12 октября 2012 г. обратилась к ответчику с претензией о дополнительном страховом возмещении, которая была оставлена без удовлетворения.

5 июля 2013 г. между О. и К. заключен договор уступки права требования, по условиям которого к К. перешло право требования на получение надлежащего исполнения по обязательству, возникшему вследствие гибели указанного автомобиля.

После обращения К. в суд ответчиком была перечислена не выплаченная ранее часть страхового возмещения.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для взыскания с ответчика в пользу истца страхового возмещения в связи с исполнением страховщиком обязательств по выплате страхового возмещения в ходе судебного разбирательства.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Статьей 195 ГПК РФ установлены требования к решению суда, в соответствии с которой решение суда должно быть законным и обоснованным.

Верховный Суд Российской Федерации в пункте 3 постановления Пленума от 19 декабря 2003 г. N 23 «О судебном решении» разъяснил, что решение может считаться законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59 - 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

В ходе рассмотрения дела суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии у страховой компании перед истцом обязательств по выплате страхового возмещения.

При этом суд отказал истцу в удовлетворении исковых требований в части взыскания страхового возмещения в связи с выплатой ответчиком суммы указанного возмещения в пользу истца до вынесения судом решения по делу.

Между тем отказ в иске может иметь место лишь в случае признания исковых требований незаконными или необоснованными.

Установление судом того факта, что в процессе рассмотрения дела до вынесения судом решения ответчик перечислил на счет истца требуемую им денежную сумму, не свидетельствует о необоснованности иска и не может служить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований в данной части.

Данное обстоятельство может служить основанием для указания суда о том, что решение суда в этой части не подлежит исполнению, или о том, что уплаченные суммы подлежат зачету в счет исполнения решения об удовлетворении иска.

Вопрос о зачете выплаченных ответчиком денежных средств может быть разрешен в исполнительном производстве.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2015 г. N 45-КГ15-16

14. Уточнение страхователем (выгодоприобретателем) заявленных исковых требований после перечисления ответчиком части суммы страхового возмещения не свидетельствует о наличии оснований для освобождения ответчика от уплаты штрафа, исчисляемого с учетом суммы, выплаченной истцу после обращения с иском в суд.

К. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа.

В судебном заседании суда первой инстанции истец уменьшил размер исковых требований в части страхового возмещения с учетом денежной суммы, выплаченной страховщиком в счет страхового возмещения после предъявления иска в суд.

При этом об отказе от иска истец не заявлял, а также не уменьшил исковые требования в части штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя.

Разрешая заявленные исковые требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, при определении суммы штрафа за отказ в добровольном порядке выполнить требования потребителя исходил из суммы, подлежащей взысканию с учетом уменьшения исковых требований в связи с частичной выплатой страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов сделаны с нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее.

В соответствии с пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (пункт 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей).

Как разъяснено в пункте 47 названного постановления Пленума, если после принятия иска к про-

изводству суда требования потребителя удовлетворены ответчиком по делу (продавцом, исполнителем, изготовителем, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) добровольно, то при отказе истца от иска суд прекращает производство по делу в соответствии со статьей 220 ГПК РФ. В этом случае штраф, предусмотренный пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей, с ответчика не взыскивается.

Исходя из приведенных выше правовых норм и разъяснений штраф, предусмотренный пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей, не подлежит взысканию с исполнителя услуги при удовлетворении им требований потребителя после принятия иска к производству суда только при последующем отказе истца от иска и прекращении судом производства по делу.

Следовательно, в случае отсутствия отказа истца от иска, в том числе в части заявленного требования о взыскании штрафа, исчисляемого от всей подлежащей выплате истцу денежной суммы, несмотря на удовлетворение исполнителем услуги требований потребителя о выплате причитающейся денежной суммы после принятия иска и до вынесения решения суда, в пользу потребителя подлежит взысканию предусмотренный Законом о защите прав потребителей штраф, исчисляемый от присужденной судом суммы с учетом невыплаченной денежной суммы в добровольном порядке исполнителем услуги до принятия иска к производству суда.

Согласно пункту 4 статьи 13 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Иных оснований освобождения указанных лиц от ответственности за нарушение прав потребителя законом не предусмотрено.

Наличие судебного спора о страховом возмещении указывает на несоблюдение страховщиком добровольного порядка удовлетворения требований потребителя, в связи с чем удовлетворение требований потерпевшего в период рассмотрения спора в суде при условии, что истец не отказался от иска, в том числе в части заявленного требования о взыскании штрафа, исходя из всей причитающейся истцу денежной суммы, само по себе не является основанием для освобождения страховщика от ответственности в виде штрафа за ненадлежащее исполнение обязательств.

Истец К. от заявленного иска не отказывался, производство по делу в связи с отказом истца от иска судом не прекращалось.

Уточнение заявленных исковых требований К. после перечисления ему ответчиком части суммы страхового возмещения не свидетельствует о наличии оснований для освобождения ответчика от выплаты штрафа, исчисляемого с учетом суммы, выплаченной истцу по-

сле обращения с иском в суд, поскольку уточнение исковых требований не является отказом от иска, так как данные процессуальные действия в силу гражданского процессуального закона не являются тождественными и влекут разные правовые последствия.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2016 г. N 78-КГ15-46

15. Добровольная выплата страховщиком части страхового возмещения свидетельствует о признании им факта наступления страхового случая, влекущем обязанность по доплате страхового возмещения. Страховщик не освобождается от уплаты штрафа и компенсации морального вреда, если судом удовлетворены требования страхователя о доплате страхового возмещения.

М. обратился в суд с иском о взыскании страхового возмещения и компенсации морального вреда, в обоснование которого указал, что между ним и ответчиком был заключен договор добровольного имущественного страхования автомобиля на период с 28 мая 2012 г. по 27 мая 2013 г. по риску «ущерб».

В период действия договора страхования 18 октября 2013 г. в результате дорожно-транспортного происшествия автомобиль истца был поврежден, в связи с чем М. обратился к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения.

13 февраля 2014 г. ответчик перечислил истцу денежную сумму в счет страхового возмещения.

Не согласившись с размером страхового возмещения, истец обратился в ООО «Р.» в целях подготовки заключения о стоимости восстановительного ремонта автомобиля и размере утраты товарной стоимости.

Суд первой инстанции согласился с доводами истца и удовлетворил исковые требования.

Отменяя решение суда в части взыскания с компенсации морального вреда и штрафа и отказывая в удовлетворении иска в этой части, суд апелляционной инстанции сослался на то, что заявителем не представлено доказательств его обращения с требованием о доплате страхового возмещения после произведенной им оценки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции не соответствующими требованиям закона.

Как установлено судом, М. обратился к ответчику с заявлением о наступлении страхового случая, после чего ответчик перечислил истцу часть страховой выплаты.

Сумма недоплаты взыскана решением суда, оставленным в этой части судом апелляционной инстанции без изменения.

Таким образом, установлено, что ответчик исполнил обязательство не в полном объеме.

В соответствии с пунктом 3 статьи 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось не-

возможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Согласно пункту 4 статьи 13 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Таким образом, обязанность доказать наличие оснований для освобождения от ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств в данном случае возложена законом на ответчика.

Как установлено судом, ответчиком таких доказательств представлено не было.

Отсутствие повторного обращения страхователя за доплатой страхового возмещения само по себе не освобождает от ответственности (в том числе от уплаты штрафа) страховщика, который обязан был надлежащим образом исполнить обязательства при первом обращении страхователя.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. N 57-КГ15-10

16. В тех случаях, когда страхователь в связи с нарушением страховщиком обязанности выплатить страховое возмещение заявляет требование о взыскании неустойки, предусмотренной статьей 28 Закона о защите прав потребителей, такое требование подлежит удовлетворению, а неустойка - исчислению в зависимости от размера страховой премии.

Д. обратилась в суд с иском (с учетом уточнения требований) к страховой компании о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, компенсации морального вреда, взыскании штрафа, неустойки.

Судом установлено, что 26 марта 2014 г. в результате дорожно-транспортного происшествия поврежден принадлежащий истцу автомобиль, застрахованный ответчиком по полису добровольного страхования транспортных средств.

27 мая 2014 г. Д. обратилась к страховщику с заявлением о страховой выплате, приложив необходимые документы.

Ответчик признал дорожно-транспортное происшествие страховым случаем и 20 июня 2014 г. произвел страховую выплату.

16 сентября 2014 г. после обращения истца в суд и проведения судебной экспертизы ответчик перечислил Д. ранее не выплаченную часть страхового возмещения.

Разрешая спор по существу и отказывая истцу в части удовлетворения требования о взыскании неустойки, предусмотренной статьей 28 Закона о защите прав потребителей, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что на несвоевременно выплаченную сумму подлежат начислению проценты на основании статьи 395 ГК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными, указав в том числе следующее.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан», отношения по добровольному страхованию имущества граждан регулируются нормами главы 48 «Страхование» ГК РФ, Законом об организации страхового дела и Законом о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальными законами.

На договоры добровольного страхования имущества граждан Закон о защите прав потребителей распространяется в случаях, когда страхование осуществляется исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20).

Специальными законами, регулируемыми правоотношения по договору добровольного страхования имущества граждан (глава 48 «Страхование» ГК РФ, Закон об организации страхового дела), ответственность страховщика за нарушение сроков выплаты страхового возмещения не предусмотрена.

Пунктом 5 статьи 28 Закона о защите прав потребителей предусмотрена ответственность за нарушение сроков оказания услуги потребителю в виде уплаты неустойки, начисляемой за каждый день просрочки в размере 3 процентов цены оказания услуги, а если цена оказания услуги договором об оказании услуг не определена - общей цены заказа.

Цена страховой услуги определяется размером страховой премии (пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20).

Согласно пункту 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 13 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации N 14 от 8 октября 1998 г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» (в настоящее время не применяется в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств») в денежных обязательствах, возникших из договоров, в частности, предусматривающих обязанность должника произвести оплату товаров, работ или услуг либо уплатить полученные на условиях возврата денежные средства, на просроченную уплатой сумму подлежат начислению проценты на основании статьи 395 ГК РФ.

Этим же пунктом разъяснено, что если законом либо соглашением сторон предусмотрена обязанность должника уплачивать неустойку (пеню) при просрочке исполнения денежного обязательства, то в подобных случаях суду следует исходить из того, что кредитор

вправе предъявить требование о применении одной из этих мер, не доказывая факта и размера убытков, понесенных им при исполнении денежного обязательства, если иное прямо не предусмотрено законом или договором.

Таким образом, в тех случаях, когда страхователь заявляет требование о взыскании за неисполнение страховщиком обязательств неустойки, предусмотренной статьей 28 Закона о защите прав потребителей, такое требование подлежит удовлетворению, а неустойка - исчислению в зависимости от размера страховой премии.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2016 г. N 11-КГ15-34

В настоящее время надлежит руководствоваться пунктом 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», согласно которому в случае, если законом или соглашением сторон установлена неустойка за нарушение денежного обязательства, на которую распространяется правило абзаца первого пункта 1 статьи 394 ГК РФ, то положения пункта 1 статьи 395 ГК РФ не применяются. В этом случае взысканию подлежит неустойка, установленная законом или соглашением сторон, а не проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ (пункт 4 статьи 395 ГК РФ).

17. Неустойка за просрочку выплаты страхового возмещения, предусмотренная пунктом 5 статьи 28 Закона о защите прав потребителей, не может превышать размера страховой премии.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения.

При рассмотрении дела судом установлено, что 15 июля 2014 г. между ООО «К.Э.Ц.» и страховщиком заключен договор добровольного страхования автомобиля по рискам «ущерб» и «хищение».

Дополнительным соглашением от 23 апреля 2015 г., заключенным между страховщиком и К., последний, как собственник указанного автомобиля, признан страхователем и выгодоприобретателем по договору страхования.

22 июня 2015 г. автомобилю причинены повреждения.

22 июля 2015 г. К. обратился к страховщику за выплатой страхового возмещения. Страховое возмещение выплачено не было.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу, что с ответчика в пользу истца подлежит взысканию сумма страхового возмещения. Суд также пришел к выводу о взыскании с ответчика в пользу истца неустойки, предусмотренной пунктом 5 статьи 28 Закона о защите прав потребителей и подлежащей исчислению исходя из размера страхового возмещения.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда в части размера взысканной неустойки, указав, что судом первой инстанции размер неустойки ошибочно исчислен из размера страхового возмещения, поскольку в настоящем случае следовало руководство-

ваться размером страховой премии, составляющим 341 565 руб. 82 коп. При таких обстоятельствах судебная коллегия по гражданским делам краевого суда пришла к выводу, что размер неустойки составляет 1 280 871 руб. 82 коп., и снизила ее на основании статьи 333 ГК РФ до 800 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что судом апелляционной инстанции были нарушены нормы материального и процессуального права.

Изменяя решение суда в части размера взысканной неустойки, суд апелляционной инстанции руководствовался положениями пункта 5 статьи 28 Закона о защите прав потребителей и правильно указал, что размер неустойки подлежит исчислению исходя из размера страховой премии, а не страхового возмещения.

Вместе с тем суд не принял во внимание положения пункта 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в соответствии с которым сумма неустойки, взыскиваемой на основании пункта 5 статьи 28 Закона о защите прав потребителей, не может превышать цену отдельного вида выполнения работы (оказания услуги), в настоящем случае - размер страховой премии.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. N 18-КГ17-25

18. Взыскание штрафа в связи с неисполнением страховщиком требований потребителя в добровольном порядке не зависит от того, обратился в страховую компанию с заявлением о страховой выплате сам выгодоприобретатель или его представитель по доверенности, удостоверенной в соответствии с действующим законодательством.

К. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что 14 августа 2012 г. сторонами заключен договор страхования имущества - жилого дома сроком по 13 августа 2013 г. Выгодоприобретателем по данному договору является К. Имущество застраховано в том числе по риску его уничтожения в случае пожара. В период действия договора страхования - 29 июня 2013 г. - произошел пожар, в результате которого огнем уничтожен застрахованный жилой дом.

Удовлетворяя частично требования истца, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что событие, произошедшее 29 июня 2013 г., является страховым случаем, в связи с чем у страховщика возникла обязанность по выплате страхового возмещения.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания штрафа и отказывая в его взыскании, суд апелляционной инстанции указал, что К. к страховщику за получением причитающейся ей, как выгодоприобретателю, страховой выплатой во внесудебном порядке лично не обращалась, с заявлением о наступлении страхового случая обращался М.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с данным выводом суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Пунктом 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъяснено, что при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке исполнителем, суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (пункт 6 статьи 13 Закона).

Судом установлено, что с заявлением о наступлении страхового случая и о выплате страхового возмещения обратился М., действующий на основании нотариально удостоверенной доверенности от имени К.

В соответствии с пунктом 1 статьи 182 ГК РФ сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

В силу пункта 1 статьи 185 ГК РФ доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами.

При таких обстоятельствах взыскание штрафа не зависит от того, обратился в страховую компанию с заявлением о страховой выплате сам выгодоприобретатель либо его представитель по доверенности, удостоверенной в соответствии с действующим законодательством.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. N 43-КГ15-1

19. В случае некачественного выполнения ремонта автомобиля, то есть ненадлежащего исполнения страховщиком обязательства по предоставлению страхового возмещения в натуральной форме, страхователь может воспользоваться правами, предоставленными ему пунктом 1 статьи 29 Закона о защите прав потребителей (например, потребовать возмещения страховщиком расходов по устранению недостатков выполненного ремонта).

С. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда, штрафа.

Судом установлено, что 17 августа 2012 г. С. заключил с ответчиком договор добровольного страхования транспортного средства на период до 18 августа 2012 г.

В соответствии с условиями договора предусмотрена одна из форм страхового возмещения - ремонт на станции технического обслуживания автомобилей (СТОА) по согласованию со страховщиком.

28 мая 2013 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого застрахованному автомобилю были причинены механические повреждения. Страховщик признал случай страховым и выдал С. направление на ремонт автомашины в СТОА.

13 сентября 2013 г. истец уведомил ответчика о наличии претензий по качеству проведенного ремонта своей автомашины.

Разрешая спор по существу и отказывая С. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с позицией которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что общество выдало направление на ремонт автомашины и оплатило его, реализовав тем самым право истца на получение страхового возмещения путем восстановительного ремонта на станции технического обслуживания, осуществляемого за счет страховщика, в связи с чем оснований для возложения на страховщика ответственности за некачественный ремонт не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав следующее.

Из положений статей 9 и 10 Закона об организации страхового дела следует, что обязательство по выплате страхового возмещения является денежным. Страховое возмещение может осуществляться в денежной или натуральной форме (направление на станцию технического обслуживания автомобилей).

В пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» разъяснено, что в силу статьи 313 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) за качество произведенного по направлению страховщика станцией технического обслуживания восстановительного ремонта в рамках страхового возмещения по договору добровольного страхования имущества ответственность несет страховщик.

В случае некачественного выполнения ремонта автомобиля, то есть ненадлежащего исполнения страховщиком обязательства по предоставлению страхового возмещения в натуральной форме, страхователь может воспользоваться правами, предоставленными ему пунктом 1 статьи 29 Закона о защите прав потребителей.

Согласно пункту 1 указанной статьи потребитель при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) вправе по своему выбору потребовать:

- безвозмездного устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги);
- соответствующего уменьшения цены выполненной работы (оказанной услуги);

безвозмездного изготовления другой вещи из однородного материала такого же качества или повторного выполнения работы. При этом потребитель обязан возвратить ранее переданную ему исполнителем вещь; возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами.

По настоящему делу истец, установив, что ремонт его автомобиля произведен ненадлежащим образом, просил взыскать с ответчика-страховщика возмещение расходов по устранению недостатков выполненной работы, которое предполагал осуществить своими силами или с привлечением третьих лиц. Данное требование соответствует положениям статьи 29 Закона о защите прав потребителей и не является по своей природе повторным взысканием страхового возмещения со страховщика, из чего ошибочно исходил суд апелляционной инстанции.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. N 78-КГ16-22

20. К отношениям между страховщиком и наследниками страхователя, которому страховая услуга оказывалась для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяются положения Закона о защите прав потребителей.

Ч.З. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании убытков, процентов за пользование чужими денежными средствами, неустойки, штрафа в размере 50% от присужденных денежных средств, компенсации морального вреда, указав, что является наследником своего отца Ч.Н., который 29 мая 2012 г. с использованием кредитных денежных средств приобрел автомобиль и застраховал его у ответчика в пользу банка по договору комплексного страхования. 29 ноября 2012 г. произошел страховой случай, однако в получении страховой выплаты Ч.Н. было отказано, что послужило основанием для обращения последнего в суд с иском о взыскании страхового возмещения.

Вступившим в законную силу решением суда с ответчика в пользу банка взыскана сумма страхового возмещения, в пользу Ч.Н. - штраф, компенсация морального вреда. После смерти Ч.Н. право требования исполнения обязательств в порядке правопреемства перешло к истцу, который полагал, что несвоевременной выплатой страхового возмещения ответчиком ему были причинены убытки.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований Ч.З. о взыскании неустойки, предусмотренной Законом о защите прав потребителей, убытков, причиненных вследствие несвоевременного перечисления банку суммы страхового возмещения, а также иных требований, суд исходил из того, что при жизни Ч.Н. такие исковые требования не заявлялись. Суд также указал, что на спорные правоотношения Закон о защите прав потребителей не распространяется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

В соответствии с преамбулой Закона о защите прав потребителей он регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Подпунктом «а» пункта 3 названного постановления разъяснено, что правами, предоставленными потребителю Законом и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.).

Таким образом, по смыслу Закона о защите прав потребителей в результате заключения договора страхования, банковского счета гражданин, заказавший и оплативший соответствующую финансовую услугу, и его наследники являются потребителями финансовой услуги, а на возникшие правоотношения распространяется Закон о защите прав потребителей.

Эти положения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 17 судебными инстанциями учтены не были.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2016 г. N 44-КГ15-20

Признать утратившим силу Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 января 2013 г.

Суд не поддержал увольнение совместителя: нет графика - нет прогула

НОВОСИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ
от 7 ноября 2017 г. по делу N 33-10828/2017

Судья: Гаврилец К.А.
Докладчик: Дронь Ю.И.

Судебная коллегия по гражданским делам Новосибирского областного суда в составе:

председательствующего Дроня Ю.И.
судей Вегелиной Е.П., Мащенко Е.В.
с участием прокурора Козловой М.В.
при секретаре А.

рассмотрев в открытом судебном заседании в г. Новосибирске 7 ноября 2017 года гражданское дело по апелляционной жалобе представителя ТСЖ «Идиллия» - В. на решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 3 августа 2017 года, которым искивые требования К. к ТСЖ «Идиллия» удовлетворены частично.

К. восстановлен на работе в ТСЖ «Идиллия» в должности электрика (по совместительству).

С ТСЖ «Идиллия» в пользу К. взысканы: заработная плата за период вынужденного прогула с 12 мая 2017 года в размере 35 607,68 руб., компенсация морального вреда - 10 000 рублей, всего - 45 607,68 руб.

Решение в части восстановления на работе, взыскании заработной платы обращено к немедленному исполнению.

С ТСЖ «Идиллия» взыскана государственная пошлина в доход бюджета в размере 1 868 руб.

Заслушав доклад судьи Новосибирского областного суда Дроня Ю.И., объяснения представителя ответчика - В., возражения К., заключение прокурора Козловой М.В., судебная коллегия

установила:

К. обратился в суд с иском к ТСЖ «Идиллия», в котором просил восстановить его на работе в ТСЖ «Идиллия» в должности электрика (по совместительству); взыскать оплату за период вынужденного прогула, компенсацию морального вреда - 300 000 руб., недоплату - 4 507 руб.

В обоснование иска указал, что с 16.08.2012 г. работал у ответчика в должности электрика по совместительству и приказом от ДД.ММ.ГГГГ N л/с уволен с работы по п. п. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Полагал, что приказ об увольнении является незаконным, поскольку прогула не совершал, так как работает по основному месту работы, в Бердском ПСО МЧС России, по скользящему графику, о чем известно руководству ТСЖ «Идиллия».

Судом принято указанное выше решение, с которым не согласился представитель ТСЖ «Идиллия» В., в апелляционной жалобе просит решение суда отменить, принять новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказать.

В апелляционной жалобе указывает, что у истца отсутствовали законные основания не исполнять требования трудового распорядка, установленные у работодателя ТСЖ «Идиллия».

Вывод суда о том, что отсутствие на рабочем месте 26, 27, 28 мая 2017 года вызвано уважительной причиной, а именно выполнением трудовых обязанностей по основному месту работы, не основан на законе - работодатель не давал согласия на установление свободного графика работы истца. Режим гибкого рабочего времени в соответствии со ст. 102 ТК РФ истцу не устанавливался. Судом не учтено, что истцу неоднократно объявлялись выговоры за прогулы, вызванные работой у другого работодателя, приказы о применении дисциплинарного взыскания истцом не обжаловались.

Апеллянт обращает внимание на то, что между пояснениями истца и документами, представленными ответчиком, имеются противоречия, так истец указал, что в период с 25 по 28 мая 2017 года он отсутствовал на рабочем месте, однако в представленном ответчиком таблице учета рабочего времени зафиксировано, что с 25 по 28 мая 2017 года истец выполнял трудовые обязанности по 4 часа. Указанные противоречия судом в нарушение ч. 4 ст. 198 ГПК РФ не устранены.

Проверив материалы дела на основании ст. 327.1 ГПК РФ, в пределах доводов апелляционной жалобы, судебная коллегия приходит к следующему.

В соответствии с частью 3 статьи 192 Трудового кодекса Российской Федерации за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить дисциплинарное взыскание в виде увольнения по соответствующим основаниям.

Согласно подпункту «а» пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей - прогула, то есть отсутствия на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также отсутствия на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены).

Согласно ст. 284 ТК РФ продолжительность рабочего времени при работе по совместительству не должна превышать четырех часов в день. В дни, когда по основному месту работы работник свободен от исполнения трудовых обязанностей, он может работать по совместительству полный рабочий день (смену). В течение одного месяца (другого учетного периода) продолжительность рабочего времени при работе по совместительству не должна превышать половины месячной нормы рабочего времени (нормы рабочего времени за другой учетный период), установленной для соответствующей категории работников.

Из содержания трудового договора (л. д. 70 - 71) от ДД.ММ.ГГГГ заключенного между ТСЖ «Идиллия» и К., приказа о приеме на работу (л. д. 73) следует, что К. был принят на работу в качестве электрика в ТСЖ «Идиллия» по совместительству. Режим рабочего дня

определяется Правилами внутреннего распорядка, с которыми К. ознакомлен.

Судом первой инстанции ответчику предлагалось представить распорядок работы истца (л. д. 1).

Однако, как следует из материалов дела, Правила внутреннего трудового распорядка либо иной локальный акт, из содержания которого можно было определить график работы К. в ТСЖ «Идиллия» ответчиком по делу суду первой инстанции представлено не было. Не содержится ссылок на данные доказательства и в апелляционной жалобе.

При этом, с учетом требований ст. 284 ТК РФ о продолжительности рабочего дня у работника по совместительству не более четырех часов в день, работодатель был обязан составить график работы К. и ознакомить с данным графиком работника.

Поскольку график выхода на работу К. не был утвержден и истец с ним не был ознакомлен, суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу, что невыход на работу истца был вызван уважительными причинами.

Табели учета рабочего времени, подписанные работодателем, свидетельствуют о том, что месячная норма рабочего времени, при работе по совместительству К. выполнялась.

В связи с чем, судебная коллегия полагает, что по согласованию работника с работодателем, месячная норма рабочего времени К. выполнялась за счет работы последнего более длительное время в дни свободные от основного места работы дни, что в дальнейшем отражалось в таблице учета рабочего времени.

При установленных судом первой инстанции фактических обстоятельствах дела и изложенной выше нормативной базе, доводы апелляционной жалобы не содержат оснований для отмены решения суда, в связи с чем, решение подлежит оставлению в силе.

Руководствуясь ст. ст. 328 - 330 ГПК Российской Федерации, судебная коллегия

определила:

решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 3 августа 2017 года оставить без изменения, апелляционную жалобу представителя ТСЖ «Идиллия» - В. - без удовлетворения.